

U $\frac{116}{704}$

116
704

ОПИСАНІЕ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

1-ГО КАВКАЗСКАГО СТРЕЛКОВАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

БАТАЛІОНА

ВЪ МИНУВШІЮ ВОЙНУ 1877-ГО — 1878-ГО ГОДОВЪ.

Составили того же баталіона штабсъ-капитанъ *Курочкинъ* и
прапорщикъ *Сертевъ*.

Т И Ф Л И С Ъ .

Печатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго
Кавказскою Арміею, въ типографіи Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1881.

ОПИСАНИЕ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

1-го КАВКАССКАГО СТРЕЛКОВАГО

ВТО ПЕРВАГО КЛАССА ВОЕННАГО НАУЧНАГО ТОВАРИЩЕСТВА

МИХАИЛА ЯНКОУЛЕВИЧА

ВАТАШКА

ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 1877-1878

2007231731

20078-44

Подъ редакцію артилеріи генераль-маіора Чернявскаго.

ГЛАВА I.

Мобилизація баталіона. Выступленіе изъ г. Тифлиса. Озургеты. Экадія. Переходъ черезъ границу и дѣло 13-го апрѣля. Полученіе первыхъ георгіевскихъ крестовъ.

Осенью 1876-го года мы были еще заняты мирнымъ обученіемъ солдатъ. Войны никто изъ насъ не ожидалъ, даже и въ возможность ея не вѣрили, но всѣ до одинаго, можно сказать, жаждали ея; съ увлеченіемъ читались газеты, чтобы найти тамъ хотя намекъ на вѣроятность разрыва Россіи съ Турціею. Между тѣмъ, по всему видно было, что что-то въ политикѣ не ладно; всѣ находились въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, которое должно было чѣмъ нибудь да кончиться. Долгое ожиданіе томило и тяготило всѣхъ.—Часто какую нибудь газетную новость или базарный слухъ принимали за конецъ ожиданіямъ и они возбуждали страшный энтузіазмъ. . . . Однако, скоро наставало разочарованіе.—Наконецъ, въ ноябрѣ послѣдовало распоряженіе о мобилизаціи, а затѣмъ, начали прибывать люди, изъ запаса, на укомплектованіе баталіона. Пошла лихорадочная дѣятельность, баталіонъ становился на военную ногу.

Призывные поступали изъ слѣдующихъ уѣздовъ воронежской губерніи: острогожскаго—унтеръ-офицеровъ 6-ть, рядовыхъ 30-ть, нестроевыхъ 6-ть, всего 42; бобровскаго—унтеръ-офицеровъ 21, музыкантовъ 3, рядовыхъ 257-мъ, нестроевыхъ 16-ть, всего 297-мъ; новохоперскаго—унтеръ-офицеровъ 44-ре, музыкантовъ 10-ть, рядовыхъ 145-ть, нестроевыхъ 4-ре, всего 203.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1876-го года призывные всѣ прибыли и составъ баталіона, вмѣстѣ съ кадровыми нижними чинами, къ 15-му декабря былъ слѣдующій: унтеръ-офицеровъ 131-нѣ, музы-

кантовъ 30-ть, рядовыхъ 859-ть, нестроевыхъ 86-ть, всего 1106-ть. Въ январѣ мѣсяцѣ 1877-го года, баталіонъ былъ въ полной готовности къ выступленію въ походъ. — Ночью, 28-го марта, было получено приказаніе баталіону выступить 31-го марта по поти-тиффлесской желѣзной дорогѣ въ городъ Озургеты и войти въ составъ войскъ при-ріонскаго края, а именно — кобулетскаго отряда. По полученіи приказанія, чины баталіона тотчасъ же горячо взялись за дѣло и, втеченіи семнадцати часовъ, тяжести и обозъ состава военнаго времени доставлены были на вокзалъ и нагружены въ вагоны. — Жарко спорилась работа у стрѣлковъ, давно жаждавшихъ показать себя достойными потомками героевъ, которые сдѣлали извѣстнымъ баталіонъ славными дѣлами подѣ Анди, Дарго, Кюрюкъ-Дара и другими, выпадавшими на ихъ долю и оставили молодому поколѣнію георгіевское знамя, Августѣйшаго шефа Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича и славное имя храбрыхъ гамборскихъ стрѣлковъ.

Въ 8¼ часовъ утра 31-го марта, во дворцѣ, баталіонный знаменщикъ, бравый фельдфебель изъ запасныхъ Кондратъ Глотовъ, перекрестясь, съ благоговѣніемъ принялъ знамя изъ боевыхъ рукъ Августѣйшаго шефа, изволившаго собственноручно передать эту воинскую святыню еще не испытанной въ бояхъ молодежи; чувства, наполнявшія сердца въ эту минуту, не передать перомъ. . .

Къ 9-ти часамъ, знамя было принесено къ баталіону, выстроенному въ полной походной боевой амуниціи на нижнемъ плацу, передъ своими казармами.

Въ 9¼ часовъ прибыли къ баталіону Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, Великая Княгиня Ольга Теодоровна и Великіе Князья Николай и Михаилъ Михайловичи. Въ присутствіи Ихъ Высочествъ было отслужено напутственное молебствіе, при чемъ на походномъ аналоѣ лежалъ образъ Спасителя, неоцѣненный для насъ, выступающихъ, подарокъ Великой Княгини.

По окончаніи молебна Его Императорское Высочество

чество Главногокомандующій, пожелавъ баталіону счастливаго пути, пропустилъ его мимо Себя церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ, въ сопровожденіи Августѣйшаго Семейства, при громадномъ стеченіи публики,—баталіонъ съ пѣснями и хоромъ корпусной музыки, направился къ вокзалу. Веселыя лица большинства стрѣлковъ ясно говорили, что имъ незнакомы еще послѣдствія боя и сопряженныя съ ними трудности, а можетъ быть и страдапія,—вообще, такъ сказать, обратная сторона медали.

Въ 11-ть часовъ раздался послѣдній свистокъ оберъ-кондуктора и поѣздъ, въ присутствіи Ихъ Высочествъ, тронулся съ мѣста. Моментъ былъ торжественный: баталіонные пѣвчіе запѣли „Мы дружно на враговъ и т. д.“... а изъ груди остальныхъ вырвалось восторженное „ура!“. Это было не то „ура“, которое часто слышалось въ иныхъ случаяхъ нашей мирной обстановки,—здѣсь слышалась могучая сила, рвавшаяся стать лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Въ то же время на дебаркадерѣ желѣзной дороги обнажились головы, замахали бѣлые платки, покатались слезы изъ глазъ присутствовавшихъ родныхъ и знакомыхъ—а хоръ корпусной музыки заигралъ „стрѣлковый маршъ“.

Въ полдень 1-го апрѣля, мы были на станціи Самтреді, а вечеромъ того-же числа въ м. Орпири, гдѣ и получили отъ командира сапернаго баталіона полковника Иванова, маршрутъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ г. Озургеты. Въ Орпири насъ радушно встрѣтили офицеры сапернаго баталіона и угостили ужиномъ. 3-го числа мы выступили въ г. Озургеты и двигались согласно росписанія. Больныхъ и отставшихъ небыло, хотя погода была дождливая и дорога очень грязная, вслѣдствіе чего, на долю солдатъ выпала нелегкая работа—помогать двигаться обозу.

3-го апрѣля баталіонъ вступилъ въ г. Озургеты (1) гдѣ былъ встрѣченъ музыкою мѣстнаго баталіона и начальникомъ войскъ при-ріонскаго края генераль-лейтенантомъ Оклобжіо, который осмотрѣвъ насъ—пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ. Затѣмъ, по указанію начальника отряднаго штаба полковника Казбека, мы направились въ бараки устроенныя въ 4-хъ верстахъ за городомъ,—

на горѣ Экади. Здѣсь насъ встрѣтили 2-й кавказскій стрѣлковый (командиръ полковникъ Макѣевъ) и 1-й пластунскій баталіоны (командиръ полковникъ Козелковъ).

Вечеромъ 3-го числа, по обычаю, существующему у кавказцевъ, 2-й баталіонъ сдѣлалъ намъ встрѣчу: офицерамъ, въ видѣ роскошно приготовленнаго ужина, а нижнимъ чинамъ—борща и каши, съ чаркою воды. Тутъ же присутствовалъ и полковникъ Казбекъ, который предложилъ тостъ за насъ „храбрыхъ гамборцевъ—будущихъ батумцевъ“. Тостъ единодушно былъ поддержанъ всѣми присутствовавшими на ужинѣ.

Съ 4-го по 12-е апрѣля, баталіонъ занимался учебною стрѣлкою и несъ сторожевую службу. Часто, въ особенности, въ первое время, въ свободные часы, офицеры ѣздили въ Озургеты покупать необходимыя въ походной жизни вещи. За все платили очень дорого: не смотря на то, что война еще объявлена небыла,—недостатокъ и дороговизна уже чувствовались во всемъ.—Лошади вмѣсто сѣна и ячменя должны были довольствоваться кукурузой и чалой (чала—стебель кукурузы).

На скуку нежаловались,—новизна обстановки, неизвѣстное будущее, дружно сомкнувшееся общество, во главѣ съ умѣвшимъ повеселиться командиромъ баталіона—подполковникомъ княземъ Барятинскимъ,—все это вмѣстѣ смягчало разлуку съ родными и близкими намъ людьми. Случалось, что нѣкоторые офицеры, нѣсколько разъ, ѣздили на турецкій пограничный чолокскій постъ, гдѣ турецкіе офицеры съ удовольствіемъ встрѣчая насъ, угощали кофе и показывали оружіе, коимъ вооружена турецкая армія и которое между прочимъ, было крайне разнообразно,—здѣсь были ружья системъ Снайдера, Пибоди-Мартини и магазинное. Просидѣвъ въ гостяхъ часъ, другой,—мы любезно разставались, обѣщая на убѣдительныя просьбы посѣщать ихъ и впредь.

8-го апрѣля генераль Денибековъ осматривалъ нашъ вьючный обозъ и пригонку шанцевого инструмента.

Во все время стоянки баталіона на Экади, больныхъ было очень мало. Такъ проходило время, когда приказомъ по отряду съ 11-го на 12-е число было назначено перейти границу.

Баталіонъ вошелъ въ составъ средней колонны, подъ начальствомъ генерала Денибекова. Съ часу дня и всю ночь, мы провели въ укладкѣ и уборкѣ вещей. Утромъ 12-го числа, въ 6-ть часовъ, баталіонъ спустился съ горы Экадіи.—Было грязно, шелъ мелкій дождь, лошади падали, вьюги спадали, навыка водить лошадей и тѣни небыло. Кромѣ насъ, у подошвы горы расположились въ походномъ порядкѣ и другія части, вошедшія въ составъ этой колонны.

Въ 7-мь часовъ приѣхалъ командовавшій кавказскою стрѣлковою бригадою флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ—попрощаться съ частями бригады. Только что онъ окончилъ задушевныя слова, обращенныя къ стрѣлкамъ, какъ приѣхалъ генераль Денибековъ, поздоровался, осмотрѣлъ ввѣренную ему колонну и двинулъ ее, въ походномъ порядкѣ, къ турецкой границѣ, до которой было всего верстъ 11-ть. Пройдя три версты, генераль приказалъ остановиться и построилъ колонну „покоемъ“. По срединѣ былъ поставленъ аналой, священникъ былъ на лицѣ, но молебствіе не начиналось—ожидали прочтенія манифеста.

Въ 8-мь часовъ началось молебствіе. Молебствіе уже кончилось, а манифестъ, почему то, не былъ прочитанъ. Начальникъ колонны объявилъ, что мы должны сегодня перейти турецкую границу, пожелалъ успѣха и скомандовалъ двигаться. Перестроившись, колонна, имѣя во главѣ храбраго кавказскаго генерала, смѣло и рѣшительно двинулась впередъ. Быстро прошли мы 8-мь верстъ, отдѣлявшія насъ отъ турокъ, и, съ восторженнымъ „ура“, бѣгомъ, перебѣжали рѣку Чолокъ, служившую границею. Офицеры баталіона, на бѣгу, выпили по бокалу шампанскаго посреди рѣки. О будущемъ недумали, прошедшее было забыто! Первый шагъ сдѣланъ успѣшно, безъ затрудненій, безъ крови и жертвъ, и проглянувшее солнышко, дополняя въ этотъ мигъ картину, обогрѣло насъ своими лучами. . . . Турецкая пограничная стража, безъ сопротивленія, до нашего прихода, оставила свои посты, такъ что генераль Денибековъ, со штабомъ, расположился на самомъ посту. Отъ колонны, тутъ же по рѣкѣ, была выставлена сторожевая цѣпь и войска занялись варкою пищи.

13-го апрѣля ночь была холодная, такъ что очень многіе

неспали. Въ 6-ть часовъ утра войска стали въ ружье; у насъ въ баталіонѣ ротные командиры прочли В ы с о ч а й ш і й Манифестъ объ объявленіи войны. Во время этого чтенія, къ баталіону подъѣхалъ генераль Денибековъ и едва успѣлъ осмотрѣть баталіонъ, какъ въ лѣсу, бывшемъ передъ нами, раздался одинъ, затѣмъ другой, ружейные выстрѣлы. Въ чемъ дѣло,—никто не зналъ, но черезъ нѣсколько минутъ, изъ лѣса стремительно пронеслись три всадника кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, а за ними лошадь, безъ сѣдока. Это былъ разъѣздъ, высланный для освѣщенія мѣстности. Кобулетецъ, мѣткимъ выстрѣломъ, изъ засады, ссадилъ одного, а остальные, бросивъ раненаго товарища, прискакали къ намъ на позицію. Тотчасъ же послѣ означеннаго случая, колонна двинулась впередъ. Двигались въ слѣдующемъ порядкѣ: въ головѣ шли пластуны, за ними горная батарея, за батареею баталіонъ, выславъ въ боковыя цѣпи—вправо, полуроту отъ роты Е г о В ы с о ч е с т в а, а влѣво—отъ 3-й роты. Болѣе часа пришлось намъ пробираться лѣсомъ по узкой, грязной дорогѣ.

Выбравшись изъ лѣса, мы начали спускаться къ ручью; тутъ правая боковая цѣпь присоединилась къ баталіону. Передовые пластуны наткнулись на обезглавленный трупъ убитаго всадника кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, бывшаго въ разъѣздѣ. По приказанію командира баталіона, нѣсколько стрѣлковъ отнесли трупъ въ сторону отъ дороги, въ кусты, чтобы спрятать его пока пройдетъ колонна; несмотря однакожь на это, почти каждый изъ насъ видѣлъ первую жертву войны и слѣды звѣрства турокъ... Снимая шапку и крестясь, проходили мы мимо трупа; жесточе-ніе и рѣшимость отплатить туркамъ за боеваго товарища видна была на лицѣ cadaго.

Въ 10-ть часовъ утра, пластуны остановились; колонна стянулась вплотную. Окружающая мѣстность представляла слѣдующій видъ: налѣво отъ насъ вилась по горѣ узкая дорога; направо отъ горы ущелье; впереди кругая, покрытая лѣсомъ, возвышенность, отъ которой насъ отдѣляла большая, лѣсистая же, котловина. На возвышенности, нами занятой, между деревьями, видѣлись сакли, а у подножія, на полянкѣ, стояла мечеть. Впередилежащую крутую

возвышенность надобно было занять во что бы то ни стало. Цѣпь опытныхъ пластуновъ, закаленныхъ въ кавказской войнѣ, ползкомъ и ловкими перебѣжками стала подвигаться къ ней и быстро перешла встрѣтившійся ручей. Турки находились на этой возвышенности; вотъ просвистала одна пуля, за ней другая, третья,—новинка прошла и пулямъ счетъ потерянь. Такъ какъ многія пули перелетали и падали въ тылу колонны, то и слышались голоса, что въ насъ стрѣляютъ сзади и съ боковъ. Чтобы обезпечить нашъ лѣвый флангъ, приказано было командиру 4-й роты занять гору налѣво и присоединиться къ баталіону не раньше смѣны ротою отъ 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона.—Приказаніе это было исполнено быстро и въ точности.

2-я рота двинулась прямо по тропинкѣ, за пластунами, а третья—лѣвѣе ея. Какъ только 3-я рота поднялась на вершину, ружейный огонь замѣтно усилился. У насъ явились раненые; крики: «позвать доктора, фельдшера, санитаровъ»—учащались и учащались. Наконецъ были подняты два орудія горной батареи; нѣсколько мѣткихъ орудійныхъ выстрѣловъ ободрили нашихъ; 1-ю роту разсыпали правѣ батареи (такимъ образомъ она находилась правѣ 2-й роты); артиллеристы, подъ страшнымъ огнемъ, молодецки работали. Здѣсь, командиръ батареи полковникъ Мухеловъ былъ тяжело раненъ въ ногу (*) и уносимый санитарамъ, прощаясь, уговаривалъ артиллеристовъ твердо стоять и свято выполнить присягу. Въ мечети, на полянѣ, былъ устроенъ перевязочный пунктъ; раненыхъ было много и врачамъ предстояла нелегкая работа.

Черезъ часъ, огонь кобулетцевъ началъ слабѣть. Пользуясь этимъ, мы быстро перешли въ наступленіе и сбили ихъ съ гребня горы Легва; тутъ къ намъ присоединился 2-й баталіонъ. Занявъ гребень высоты, мы остановились перевести духъ; приказано было снять ранцы, тяжесть которыхъ дѣлалась очень чувствительною. Не успѣли еще порядкомъ отдохнуть, какъ получено было приказаніе быстро, безъ ранцевъ, отправить полуроту на противополож-

(*) Полковникъ Мухеловъ былъ раненъ въ чашку колѣна.

ный высокій хребетъ, отдѣленный отъ насъ замѣчательно глубокимъ оврагомъ. Была послана полурота 1-й роты, подъ командою прапорщика Преображенскаго, которая и заняла высоту безъ выстрѣла. Такъ какъ отсюда вдали видѣлись колонны непріятеля, то на означенный хребетъ, послѣ, былъ двинутъ и весь баталіонъ.

Съ занятаго нами хребта, взору открывалось все пространство до высотъ Аламбара и оставленные турками муха-эстатскіе бараки, къ которымъ, какъ мы видѣли, подходила уже наша кавалерійская колонна. На высотѣ мы залегли и оставались здѣсь до 8-ми часовъ вечера, ведя все время незначительную перестрѣлку (*). Въ это время остальные части, подъ нашимъ прикрытіемъ, прошли на Муха-эстате, оставивъ часть колонны на крайнемъ правомъ флангѣ Легвы, куда подошелъ къ 11-ти часамъ ночи баталіонъ и расположился на ночлегъ, лѣвѣе 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Въ теченіи всего дня, баталіону, въ горячія минуты, патроны доставлялись лично завѣдывавшимъ оружіемъ, подпоручикомъ Побыванцемъ.

Потеря 13-го числа была: ранено—унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 6-ть (²).

Утромъ 14-го числа, рота отъ баталіона вышла смѣнить цѣпь, расположенную на очень близкомъ разстояніи отъ мѣста ночлега. Непріятель, пользуясь пересѣченною мѣстностью, громадными деревьями и кустарникомъ, подошелъ отдѣльными партіями и началъ осыпать градомъ пуль цѣпь и мѣсто нашего расположенія; къ счастью нашему, пули перелетали черезъ головы и потеря, съ нашей стороны, была самая незначительная—убить одинъ фельдфебель 4-й роты Готовъ и раненъ одинъ стрѣлокъ.

Слѣдующіе дни кобулетцы думали продѣлывать тоже что и 14-го, но наши стрѣлки, ознакомившись съ мѣстностью и приемами врага (перебѣгать, послѣ только что сдѣланнаго выстрѣла, отъ одного дерева къ другому), начали посылать свои пули навѣрняка. Къ сожа-

(*) Здѣсь фельдфебель 1-й роты Новиковъ (изъ призывныхъ), пулею ссадилъ одного изъ всадниковъ, мелькавшихъ въ лѣсу, на разстояніи 1500-тъ шаговъ.

лѣнію горная батарея безцѣльно растратила свои снаряды и была снята съ позиціи; вмѣсто нея, къ намъ приданъ былъ взводъ 9-ти фунтовой батареи, подъ командою штабсъ-капитана Дмитріева, который и оставался съ нами, на этой позиціи, до 29-го апрѣля. Мѣсто нашего расположенія было самое неудобное: небольшой ко-согоръ съ вязкимъ и скользкимъ глинистымъ грунтомъ. Стрѣлки построили себѣ шалаши, а офицеры помѣстились въ палаткахъ. Частые дожди дѣлали стоянку окончательно невыносимою; шалаши проваливались, сползали въ оврагъ,—люди часто съѣзжали, какъ говорится, «на салазкахъ» мимо палатокъ къ баталіонному маркитанту. Больныхъ небыло, настроеніе было непонятно веселое; на свистъ пуль, изрѣдка пускаемыхъ къ намъ турками, не обращалось никакого вниманія. Иногда эти пули даже вызывали всеобщій смѣхъ, напримѣръ: бывало, соберутся человекъ десять въ палатку къ маркитанту, а тутъ какъ тутъ, является незванная гостыя—пуля, пробиваетъ палатку и шлепнувшись о древко, падаетъ на ящикъ, не задѣвая никого; тогда мигомъ выскакиваютъ всѣ вонъ, а прикащикъ-армянинъ, трясясь, прячется за дерево, кляня войну и прибыльный гешефтъ. . . . Такимъ образомъ являлась пища для остротъ и различныхъ каламбуровъ, ничѣмъ не занятыхъ стрѣлковъ.

Офицеры развлекались тѣмъ, что въ цѣпи пили чай, кофе и, можно сказать, охотились на кобулетцевъ: бывало, соберутся нѣсколько человекъ, высмотрятъ въ бинокли кобулетцевъ, а затѣмъ по командѣ одного, продолжавшаго наблюдать въ бинокль, дѣлаютъ залпъ и съ помощію биноклей, повѣряютъ результатъ огня.

Находясь все время въ передовой цѣпи, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, имѣя почти каждый день перестрѣлку, занимая аванпостную цѣпь,—баталіонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдѣлялъ часто отъ себя роту для конвоированія транспорта въ Озургеты; кромѣ того высылалась рота въ караулъ къ ставкѣ командовавшаго ріонскимъ отрядомъ, а также назначались команды для караула и пастьбы отрядныхъ черводарскихъ лошадей.

17-е апрѣля было ознаменовано тѣмъ, что изъ числа, отличившихся 13-го и 14-го чисель, двумъ фельдфебелямъ, Щербакову

—2-й роты и Груздову—4-й роты, начальникомъ отряда, у своей ставки, были навѣшены георгіевскіе кресты (3). Когда молодые кавалеры приблизились къ баталіону, стрѣлки были вызваны въ ружье, и, по командѣ князя Барятинскаго, баталіонъ отдалъ честь получившимъ Ц а р с к у ю награду. Послѣ этого, поздравленія врознь, качаніе съ припѣвомъ «еще дай Боже» и проч. продолжались еще долго, до приѣзда командовавшаго рѣонскимъ отрядомъ къ намъ на позицію.

Поздравивъ баталіонъ съ георгіевскими кавалерами, генераль Оклобжію объявилъ, что по его ходатайству, Е го И м п е р а т о р с к о е В ы с о ч е с т в о Главнокомандующій кавказскою арміею изволилъ разрѣшить отпускать нижнимъ чинамъ, на варку пицци, по 1½ фунта мяса.

ГЛАВА II.

Взятіе высоты Аламбара 29-го апрѣля. Погребеніе поручика Мищенко-Анисимова. Взятіе Хуцубани. Парадъ 6-го мая на Хуцубани. Переходъ баталіона на денибековскій курганъ. Тревога въ турецкомъ лагерѣ. Случай съ штабсъ-капитаномъ Клименко. Переходъ черезъ р. Кинтриши на самебскую позицію.

28-го апрѣля, вечеромъ, было приказано къ 8-ми часамъ приготовить фунтовья порціи мяса, снять офицерскія палатки, раздать нижнимъ чинамъ патроны и быть готовыми къ выступленію,—такъ какъ утромъ 29-го, съ разсвѣтомъ, предположено было атаковать высоты Аламбара. Къ назначенному времени все было готово. Въ 8-мь часовъ, баталіонъ, передавъ муха-эстатскую позицію ленкоранскому полку, со взводомъ 9-ти фунтовой батареи выступилъ къ колодцу (*), сборному пункту колонны, долженствовавшей поступить подъ начальство генерала Денибекова. Прийдя на мѣсто, мы застали тамъ другія части, въ порядкѣ расположившіяся отдыхать, въ ожиданіи разсвѣта. Для предстоявшей операціи колонна генерала Денибекова была подраздѣлена на три части: 1) сред-

няя колонна, подъ начальствомъ командира закатальскаго полка полковника Солтана, должна была отъ колодца двигаться фронтально на Аламбара; 2) правая колонна, подъ командою командира 1-го пластунскаго баталіона полковника Козелкова, назначалась дѣйствовать правѣ средней и охранять правый флангъ ея и 3) лѣвая колонна, охраняя лѣвый флангъ средней, должна была слѣдить и за дѣйствіями непріятели со стороны Хуцубани. Съ разсвѣтомъ всѣ поднялись. Баталіонъ вошелъ въ составъ средней колонны полковника Солтана. Эта колонна получила приказаніе двинуться, выславъ отъ баталіона впередъ двѣ роты. 1-я и 4-я роты назначены были въ цѣпь, а 2-я и 3-я—должны были служить для нихъ резервомъ; въ правую боковую цѣпь выслана была 4-я рота, въ лѣвую—рота Е го В ы с о ч е с т в а.

Въ тишинѣ и примѣрномъ порядкѣ исполнено было все въ нѣсколько минутъ. Еще неначато было движеніе, какъ мы услышали съ аламбарскихъ высотъ монотонный голосъ муллы, призывавшаго правовѣрныхъ къ утренней молитвѣ.

Наконецъ, перекрестясь, мы двинулись впередъ, но не прошли и шести сотъ шаговъ, какъ наткнулись на пластуновъ, не туда попавшихъ; намъ пришлось остановиться, чтобы пропустить полковника Козелкова назадъ и влѣво и дать ему время выдвинуться впередъ. Мѣстность впереди насъ представляла слѣдующій видъ: небольшой овражекъ, за нимъ, сагля съ кукурузникомъ, далѣе впереди громадный лѣсъ, переплетенный вьющимися растеніями, а влѣво—узкая дорога, по которой и направился нашъ колонновожатый (мингрелецъ, прапорщикъ милиціи, по гонятіямъ о веденіи войскъ ни чѣмъ не отличавшійся отъ самаго простаго черводара). Полковникомъ Солтаномъ было приказано слѣдовать за нимъ, стараясь принимать влѣво.—Цѣпи передано повернуться налѣво, а резерву (2-й и 3-й ротамъ) выйти изъ лѣса на дорогу и по ней наступать, подаваясь лѣвымъ плечемъ впередъ.

Выславъ патрули—роты двинулись; впереди шла 2-я рота, затѣмъ 3-я рота, а за нею—два горныхъ орудія. Неодоходя шаговъ пятидесяти до перекрестка дорогъ, роты остановились; движеніе наше было открыто и кобулетцы, съ окружавшихъ высотъ, откры-

ли огонь. Въ то же время, изъ всѣхъ орудій, бывшихъ на Муха-Эстате, былъ открытъ огонь во флангъ непріятелю. Проводникъ не умѣлъ указать дороги, а потому, пришлось баталіонному адъютанту отдѣлиться отъ баталіона для высматриванія мѣстности, а также расположенія непріятеля. Въ первый разъ, адъютантъ осматривалъ мѣстность по дорогѣ, шедшей по опушкѣ лѣса вправо, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Габаевымъ 2-мъ, въ распоряженіе и подъ наблюденіе котораго, былъ отданъ проводникъ; во второй разъ, для осмотра дороги, шедшей нѣсколько лѣвѣе, къ адъютанту присоединился подпоручикъ закатальскаго полка Градовскій, адъютантъ полковника Солтана. Изъ обѣихъ развѣдокъ было узвано, что непріятель усиленно обстрѣливаетъ мѣстность правѣе насъ, т. е. ту, гдѣ находились въ цѣпи роты Его Высочества и 4-я и что намъ удобнѣе всего, перейдя въ наступленіе, ударить во флангъ непріятелю, предварительно обстрѣлявъ его, но нерѣшительность полковника Солтана заставила насъ долгое время лежать въ бездѣйствіи на узкой проселочной дорогѣ, пролегавшей въ лѣсу, отчего роты несли большія потери. Въ этомъ положеніи застали насъ генераль Денибековъ и исправлявшій должность начальника штаба при генералѣ, капитанъ л.-гв. 4-го стрѣлковаго баталіона Императорской фамиліи баронъ Зальца. Услышавъ, какъ адъютантъ передавалъ о видѣнномъ имъ при развѣдкѣ по дорогѣ вправо, генераль приказалъ адъютанту еще разъ, съ тою же цѣлью, пойти по дорогѣ, ведшей изъ лѣсу къ рѣкѣ, по направленію къ высотѣ, занятой непріателемъ.—Немедля направился адъютантъ по назначенію и въ этотъ разъ, за нимъ пошло прикрытіе изъ стрѣлковъ, вызвавшихся по собственной охотѣ, но съ разрѣшенія ротнаго командира. Въ числѣ этого прикрытія былъ грузинъ Хачидзе, служившій въ баталіонѣ на правахъ охотника. Оставивъ за собою прикрытіе изъ 4-хъ человекъ, для связи съ цѣпью и, чтобы не обнаружить присутствія своего въ лѣсу, адъютантъ отдѣлился отъ ближайшаго къ нему стрѣлка впередъ и началъ высматривать мѣстность и расположеніе противника. Шумъ приближавшихся, заставилъ непріятеля обратить вниманіе на этотъ участокъ и кобулетцы, по пятерымъ, вышедшимъ на рекогносцировку, открыли

огонь, который изъ отдѣльныхъ сначала выстрѣловъ перешелъ въ непрерывную дробь. Въ такой обстановкѣ пришлось наблюдать за непріателемъ дѣйствовавшимъ съ высотъ. Окончивъ осмотръ мѣстности и занятой непріателемъ позиціи, нужно было возвратиться обратно подъ огнемъ, перебѣгая отъ одного дерева къ другому и донести о результатѣ. Когда адъютантъ подходилъ къ послѣднему стрѣлку прикрытія, именно къ Хачидзе,—пуля ударила его въ шпору и такъ сильно, что сбила его съ ногъ (приходилось, для быстроты, бѣгать пѣшкомъ, ибо лошади были бесполезны въ лѣсу,— по узкой тропинкѣ, на которой растянута колонна), въ это же время Хачидзе былъ раненъ пулею въ лобъ (*); помня долгъ службы, вмѣсто того, чтобы заняться перевязкой раны, этотъ честный солдатъ посиѣшилъ прежде всего доставить адъютанту бинокль, оброненный имъ возлѣ него.

Выслушавъ отчетъ о произведенной развѣдкѣ, генераль Денибековъ, по убѣдительному настоянію барона Зальца и подтвержденію князя Барятинскаго, рѣшилъ немедленно атаковать впередилежащую высоту. Для сего приказано было: пододвинуться, находившемуся въ хвостѣ колонны, баталіону ленкоранскаго полка; артилеріи, выдвинувшись впередъ, усиленно обстрѣлять высоту, а 2-й и 3-й ротамъ выйти на опушку лѣса и, сдѣлавъ залпы, занять бѣгомъ противоположный берегъ рѣчки, гдѣ, продолжая обстрѣливать высоту, выжидать сигнала общей атаки. Подъ градомъ пуль, 2-я и 3-я роты сдѣлали залпы и, съ крикомъ «ура!», заняли обрывистый берегъ рѣчки. Въ этотъ моментъ былъ смертельно раненъ въ животъ командиръ 2-й роты поручикъ Мищенко-Анисимовъ; его немедленно замѣнилъ подпоручикъ Побыванецъ,—мѣсто котораго занялъ, подготовлявшійся на эту должность, прапорщикъ Убиновъ. Узкая дорога, запруженная толпой закатальцевъ и ранеными, оглушительный свистъ пуль, трескъ сучьевъ ими сбиваемыхъ, тѣсноста—все это вмѣстѣ заставляло желать скорѣйшей развязки дѣла, т. е. атаки.—Наконецъ, опытный въ бояхъ генераль Денибековъ, уловивъ моментъ, снялъ шапку, перекрестился и съ крикомъ,

(*) Отъ этой раны Хачидзе умеръ въ іюнѣ 1877-го года.

«за мною братцы, ура!», бросился самъ впередъ. Въ мигъ все поднялось; по всей линіи пронеслось могучее „ура!“. Кобулетцы осыпали насъ градомъ пуль; пока мы бѣжали до подошвы горы, они сдѣлали три залпа; но, видя единодушно бросившійся въ атаку русскій отрядъ, не выдержали и покинувъ свои траншеи, обратились въ бѣгство по направленію къ хуцубанскимъ высотамъ. — Аламбара, сильно укрѣпленная возвышенность, — имѣвшая хорошо вооруженныхъ и вдоволь снабженныхъ патронами храбрыхъ защитниковъ кобулетцевъ, руководимыхъ турецкими офицерами и поддержанныхъ изъ цихидзирскаго лагеря регулярными войсками — теперь была въ нашихъ рукахъ. Однимъ изъ первыхъ въ баталіонѣ вошелъ на непріятельскія укрѣпленія унтеръ-офицеръ Хорененко. 3-я рота, атаковавъ съ лѣваго фланга, продолжала преслѣдовать бѣжавшаго непріятели по лѣвому склону высоты и такъ увлеклась, что только съ помощью сигналовъ, была остановлена и присоединена къ остальнымъ ротамъ, остановившимся для отдыха на вершинѣ, взятой штурмомъ высоты.

Къ 3-мъ часамъ, приказано было выслать двѣ роты къ сторонѣ Хуцубани, занять близлежащія возвышенности и слѣдить за дѣйствіями непріятели, расположеннаго на Хуцубани. Для означенной цѣли высланы были 3-я и 4-я роты.

На дорогѣ, роты нагналъ 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ (незадолго прибывшій въ отрядъ), получившій приказаніе сбить непріятели съ Хуцубани. — Пропустивъ 4-й баталіонъ впередъ, роты прибавили шагу и вскорѣ прибыли въ назначенные пункты; 3-я рота заняла позицію на высотѣ ближе къ Аламбара, а 4-я — ближе къ Хуцубани. Какъ только 4-я рота выставила сторожевую цѣпь, на Хуцубани показались дымки, слышались ружейные выстрѣлы, и затѣмъ, въ весьма непродолжительномъ времени, загремѣло «ура!»... Это 4-й стрѣлковый баталіонъ двинулся въ атаку. Кобулетцы, на встрѣчу атакующихъ, подвигались лѣвымъ флангомъ впередъ, дѣлая обходъ праваго фланга гурійцевъ, бывшихъ рядомъ съ 4-мъ баталіономъ; но цѣпь нашей 4-й роты, лучшіе стрѣлки которой открыли огонь и резервъ выдвинутый на поддержку штурмовавшихъ хуцубанскую позицію, за-

ставили турокъ податься назадъ. Стрѣлки 4-го баталіона вошли наверхъ; непріятель бѣжалъ за рѣку Кинтриши на Самебу и зарево отъ преданныхъ огню красивыхъ кобулетскихъ домиковъ заключило впечатлѣнія этого дня. 1-я и 2-я роты, оставшіяся на аламбарской высотѣ, съ 2-мя горными орудіями (подпоручикъ Вартановъ), выставивъ сторожевую цѣпь, продолжали отдыхать и какъ нижніе чины, такъ и офицеры, расположившіеся въ одной изъ сакель, спѣшили подѣлиться другъ съ другомъ пережитыми впечатлѣніями перваго дѣла. Къ 8-ми часамъ вечера въ саклю вернулся князь Барятинскій, отъ генерала Денибекова, объявилъ—что генераль очень благодаренъ стрѣлкамъ за взятіе Аламбара и что приказано представить къ георгіевскимъ крестамъ стрѣлковъ и къ наградамъ офицеровъ баталіона, а адъютанта, за развѣдки и всѣ его дѣйствія, въ теченіи сегодняшняго дѣла, къ ордену св. Владиміра 4-й степени. Тутъ же сдѣлалось извѣстнымъ, что контуженный, на нашемъ правомъ флангѣ, въ голову, маіоръ Геричъ отправляется въ Тифлисъ; сейчасъ же каждый взялся за перо, пользуясь случаемъ послать роднымъ письма.

29-го апрѣля убитъ командиръ 2-й роты поручикъ Мищенко-Анисимовъ, контужены маіоръ Геричъ и подпоручикъ Гороновичъ. Нижнихъ чиновъ убито—унтеръ-офицеръ 1-нъ, рядовыхъ 5-ть, ранено—унтеръ-офицеровъ 4-ре, штабъ-горнистъ 1-нъ и рядовыхъ 25-ть (*).

30-го апрѣля, взводъ отъ 2-й роты ходилъ на Муха-Эстате и оттуда сопровождалъ тѣло храбраго поручика Мищенко-Анисимова въ Озургеты, гдѣ онъ и былъ погребенъ.

6-го мая, на хуцубанской высотѣ былъ назначенъ парадъ. На развалинахъ древней христіанской церкви былъ поставленъ аналой; распущенныя знамена, чисто одѣтая войска, живописная мѣстность, разнохарактерная гурійская дружина, гдѣ рядомъ съ сѣдовласымъ старикомъ, украшеннымъ георгіевскимъ крестомъ за прошлую кампанію, стоялъ безусый мальчуганъ, храбро дравшійся 13-го апрѣля,—все это вмѣстѣ достойно было кисти художника.

По окончаніи молебствія, генераль-лейтенантъ Оклобжіо, еще разъ, поблагодарилъ войска отряда за славное дѣло подъ Аламбара,

собственноручно навѣсилъ кресты отличившимся (6) и взявъ стаканъ съ виномъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора. . . . Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, изъ глубины сердець, вырвалось могучее „ура“. . . . Десятифунтовки, въ салютъ тосту, съ ревомъ послали свои смертоносные снаряды на Цихидзирскую позицію, а хоръ музыкантовъ заигралъ народный гимнъ.

Прелестный солнечный день, обнаженные головы и сияющія лица присутствовавшихъ, столпившіеся на Цихидзири турки, спѣшившіе укрѣпить свою, и такъ неприступную позицію, старикъ кобулеть, не захотѣвшій разстаться со своимъ убогимъ жилищемъ на Хуцубани и который, вмѣсто смерти, изъ рукъ русскихъ получалъ серебряные рубли и записку о его неприкосновенности, — все вмѣстѣ говорило, что здѣсь дышетъ сила могучихъ богатырей, Добрыничей, Поповичей, о которыхъ ходятъ сказки по святой Руси.

Тосты за Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича, за Главнокомандующаго кавказскою арміею и за Августѣйшую Покровительницу больныхъ и раненыхъ, вызывали тѣ же раскаты „ура!“ . . . Громъ пушекъ и звуки гимна разносились по горамъ и ущельямъ, куда вступала еще русская нога. Появившійся изъ за цихидзирскаго берега броненосецъ, недовольный торжествомъ нашимъ, пыхтя и надуваясь, подошелъ къ устью рѣки Кинтриши и повернувшись бортомъ, съ проклятіемъ, послалъ къ намъ одинъ снарядъ, затѣмъ другой, третій и т. д., но усилія его были напрасны и вызывали лишь одни остроты нашихъ солдатъ.

10-го мая, баталіонъ былъ переведенъ на Хуцубани и расположенъ впереди 4-го стрѣлковаго баталіона, на денибековскомъ курганѣ (такъ названа была высота Хуцубанъ въ честь взявшаго ее генерала Денибекова), имѣя—передъ собою рѣку Кинтриши и по ту сторону ея Столовую гору, а за нею Цихидзири, слѣва же высоту Самеба. Правѣ насъ былъ расположенъ баталіонъ закатальскаго полка.

По приходѣ на курганъ, немедленно выставлена была сторо-

жевая цѣпь.—На другой день, т. е. 11-го мая, часовъ въ 10-ть вечера, вдругъ раздалась ружейная трескотня со стороны Цихис-дзири, а затѣмъ и пушечная пальба. Огоньки замелькали на Самебѣ. По огнямъ этимъ, двигавшимся изъ стороны въ сторону, можно было заключить, что у турокъ произошла тревога. Баталіонъ готовъ былъ стать въ ружье, по примѣру другихъ частей, уже построившихся, но недѣлалъ этого, ожидая приказанія отъ командира баталіона, которымъ было послано въ цѣпь узнать, что тамъ замѣчено и предупредить, что баталіонъ готовъ для поддерж-ки ея во всякое время. Цѣпь стояла спокойно на своихъ мѣстахъ и только видѣла и слышала тоже что и мы. Наконецъ спустя $\frac{1}{2}$ часа трескотня стала затихать, огоньки мелькали уже рѣже и ти-пина, прерываемая лишь порывами вѣтра,—замѣнила пронесшую-ся бурю и стрѣльбу. Впослѣдствіи оказалось, что турецкая цѣпь приняла своихъ же черводарскихъ лошадей, пасшихся у Кинтриши, за наступавшихъ русскихъ, открыла по нимъ огонь и, какъ го-ворятъ, блистательно была поддержана съ главной позиціи, ре-зервомъ.

Въ тотъ же день, у насъ на бивуакѣ, произошелъ слѣдующій случай: командиръ роты Е го В ы с о ч е с т в а штабсъ-капитанъ Клименко нечаянно ранилъ себя въ ногу изъ револьвера, и, для леченія, долженъ былъ оставить баталіонъ, въ командованіе же ро-тою вступилъ баталіонный адъютантъ подпоручикъ Курочкинъ, а исправлять должность послѣдняго,—назначенъ былъ прапорщикъ Преображенскій.

На денибековскомъ курганѣ, до 28-го мая, баталіонъ несъ сторожевую службу и ежедневно высылалъ людей въ распоряженіе командира сапернаго баталіона полковника Иванова, для разра-ботки дороги, между Хуцубани и Муха-Эстате.

28-го мая, прибыли въ баталіонъ прапорщикъ Бахтіяровъ и портупей-юнкера: Картвеловъ, Дарскій и Кривенцовъ, только что окончившіе курсъ въ тифлискомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ. Прибытіе молодежи нѣсколько облегчило офицеровъ въ несеніи сторожевой службы.

Въ этотъ день предположено было, перейдя рѣку Кинтриши

занять Самебу и Столовую гору. Баталіонъ выслалъ 2-ю и 3-ю роты (*) въ резервъ частямъ, назначеннымъ для штурма (**). 1-я и 4-я роты оставались въ сторожевой цѣпи для обороны позиціи отъ кобулетцевъ собравшихся со стороны Чахаты и Цхемлобани и имѣвшихъ, какъ надобно полагать, цѣлью не допустить занятія нами Самебы. Но не успѣли турки опомниться, какъ наши, ранимъ утромъ, перешли р. Кинтриши и почти безъ выстрѣла заняли Самебу (***) ; лишь у Столовой горы завязалась небольшая ружейная перестрѣлка.

Артилерійскій огонь съ Цихисдзирн турки направляли по нашимъ двумъ ротамъ, бывшимъ въ резервъ и по артилеріи дѣйствовавшей съ Хуцубани; снаряды перелетали черезъ наши батареи и хотя падали недалеко отъ цѣпи 1-й роты, а иногда ложились и среди стрѣлковъ, но потерь отъ турецкой орудійной пальбы, какъ въ резервъ, такъ и въ цѣпи,—не было. Итакъ первые турецкіе снаряды, можно сказать, ободрили насъ навсегда; на нихъ впоследствии смотрѣли хладнокровно и солдаты, даже, по провозительному визгу, окрестили ихъ поросятами. Хребетъ Самеба, отдѣленный

(*) Командиры ротъ: 2-й—поручикъ Побыванецъ, 3-й—капитанъ Линдбладтъ.

(**) 2-я и 3-я роты ходили съ двумя ротами 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою маіора того же баталіона Терещенко. Дойдя до позиціи занимаемой пластунами, роты направились по хребту Самеба и, вправо, пройдя немного, были остановлены; роты 4-го стрѣлковаго баталіона пошли далѣе по хребту, а 3-я рота заняла пройденное пространство до позиціи пластуновъ, спустивъ цѣпь аванпостовъ, далеко ниже гребня, къ сторонѣ турокъ. 2-я рота стала въ резервъ третьей роты и расположилась позади ея, на склонѣ хребта.

Такъ простояли до 2-хъ часовъ ночи, когда были смѣнены ротами ленкоранскаго полка. Смѣнившись, 2-я и 3-я роты возвратились обратно къ баталіону.

(***) Въ день занятія высотъ Самеба, отъ баталіона были отдѣлены 2-я и 4-я роты и спущены въ р. Кинтриши. Одна полурота 2-й роты заняла цѣпью участокъ впереди батареи полковника Шаврова, а другая—была оставлена въ прикрытіи у батареи. Вся 4-я рота была разсыпана въ цѣпь, впереди средняго моста черезъ р. Кинтриши.

отъ Цихидзири рѣкою Киптышъ, былъ занятъ русскими, но не смотря на то, нашъ баталіонъ оставался все еще на Хуцубани, ключъ нашей позиціи, до 6-го іюня. Стрѣлки помѣщались въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ вѣтвей, офицеры—въ палаткахъ.

Началась дождливая, тоску нагонявшая, погода, силившаяся какъ бы въ угоду туркамъ, надломить натуру русскаго солдата, непривыкшаго къ быстрымъ перемѣнамъ температуры. Но несмотря на то, всѣ мы были бодры духомъ, больныхъ не было совсѣмъ,—веселые разговоры, шутки, остроты только и слышались.—Многіе стрѣлки, на вопросъ отчего нѣтъ больныхъ, весело отвѣчали: „теперь не время болѣть, ваше благородіе“.

6-го іюня баталіонъ былъ переведенъ на Самебу. Люди по-прежнему высылались на работы для укрѣпленія позиціи и въ сторожевую цѣпь; понятія объ отдыхѣ несуществовало; откуда бралась у людей такая сила и бодрость—просто непонятно. Офицеры ходили на вершину хребта, для осмотра подступовъ къ цихидзирской позиціи.—Начали поговаривать о предстоящемъ, въ скоромъ времени, штурмѣ Цихидзири. Отъ насъ видно было, что и турки усиленно работали: укрѣпленіе за укрѣпленіемъ выростали на нашихъ глазахъ.

8-го іюня, въ 6-ть часовъ вечера, получено было приказаніе—къ 11-ти часамъ ночи баталіону прибыть на правый флангъ Столовой горы для усиленія находившихся тамъ войскъ, такъ какъ, по полученнымъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, съ разсвѣтомъ, ожидалось нападеніе турокъ на Столовую гору.—Двѣ роты бывшія въ передовой цѣпи на Самебѣ (*), получивъ приказаніе передать свой участокъ баталіону севастопольскаго полка, двинулись также къ Столовой горѣ, гдѣ, въ 9-ть часовъ вечера, присоединились къ остальнымъ ротамъ баталіона. Здѣсь, на указанномъ мѣстѣ, поротно, въ развернутомъ строѣ, мы залегли и цѣлую ночь были въ полной готовности встрѣтить врага. Но ночь прошла спокойно; кромѣ шалкаловъ, никто не нарушалъ мертвой тишины, а потому, утромъ, намъ велѣно было возвратиться обратно на самебскій бивуакъ.

(*) 3-я и 4-я роты.

ГЛАВА III.

Штурмъ цихидзирской позиціи 11-го іюня. Переходъ обратно на прежній бивуакъ. Неудавшаяся атака турокъ. Переходъ на Муха-Эстате.

10-го іюня получена была диспозиція и приказаніе отпривить лишнія вещи, обозъ и палатки на Хуцубань, людямъ сварить двухъ-фунтоваы порціи мяса и всѣмъ быть готовыми для наступленія 11-го числа къ Цихидзирѣ.

Согласно полученнаго приказанія, все было въ точности исполнено.

11-го числа, въ 6-ть часовъ утра, баталіонъ выступилъ (?) съ бивуака къ батарее полковника Бучкіева и сталъ нѣсколько лѣвѣе ея.—На нашей позиціи было еще тихо, но недолго. Въ 6½ часовъ упало одно, за нимъ другое, заранѣе подпиленные деревья; затѣмъ демаскированная батарея открыла огонь; ея примѣру вскорѣ послѣдовали и прочія.—Турки съ жаромъ начали отвѣчать, и, въ 9-ть часовъ, бомбардировка была въ полномъ разгарѣ. Наконецъ, турецкая желтая батарея замолкла, ее считали сбитою. Въ это время, по приказанію командовавшаго отрядомъ, съ вершины Хуцубани взвилась сигнальная ракета и войска по всей линіи двинулись впередъ—на штурмъ.

Турки начали стягивать войска къ своему центру т. е. къ желтой батарее—цѣли дѣйствій нашего баталіона. Каждый нашъ шагъ былъ видѣнъ туркамъ. Когда мы спустились къ р. Кинтышу, командиръ баталіона, подполковникъ князь Бяратинскій, зорко слѣдившій за движеніемъ ротъ и находившійся въ первой линіи, направлялъ ихъ по мѣстности, заранѣе имъ высмотрѣнной; подъ сильнымъ огнемъ баталіонъ, построенный поротно въ двѣ линіи (въ первой—на правомъ флангѣ 4-я рота, лѣвѣе—3-я рота, резервомъ за 4-й—2-я рота, за 3-й—рота Е го В ы с о ч е с т в а), спустился къ р. Кинтышу; интервалъ между линіями образовался менѣе 50-ти шаговъ. День былъ жаркій. Передъ нами были скалы, крутые овраги и лѣсъ, перепутанный вьющимися и колючими растеніями. Переведа духъ, нача-

ли подниматься (*). Узкая тропа, пролегавшая подъ кручею, съ одной стороны,—лѣсъ, что стѣна, съ другой—вотъ путь, по которому мы должны были ползкомъ идти на штурмъ; притомъ, пришлось подниматься вверхъ гуськомъ, на глазахъ непріятеля, который, по выбору, неторопясь, могъ бы насъ перебить всѣхъ, но къ нашему благополучію, турецкая горячка оказалась намъ на руку—градъ пуль проносился надъ головами, лишь только сучья насъ осыпали. Но вотъ на пути явилось новое препятствіе, совершенно для насъ неожиданное, представилась лишняя забота: въ то время, когда мы съ адскими усилиями карабкались кверху,—части спускавшіяся съ sameбской позиціи къ Кинтышу, открыли по цихисдзирской высотѣ ружейную пальбу и, такимъ образомъ, били насъ въ тылъ. Волей—неволей пришлось остановиться и кричать: „перестать стрѣлять“. Но пока до услужливыхъ пріятелей дошли наши крики, мы уже лишились нѣсколькихъ человѣкъ ранеными.

Какъ только стрѣльба съ тыла прекратилась, мы продолжали ползти далѣе. Лѣвѣ насъ поднимался 4-й стрѣлковый баталіонъ; цѣпь его и пластуновъ вышла изъ лѣса и начала карабкаться по кручѣ. Усилія были напрасны, ихъ били на выборъ, и, раненые, кувыряясь, скатывались внизъ, вслѣдствіе чего, цѣпь стала быстрѣе подвигаться въ нашу сторону, но вдругъ, далеко внизу за нами, у Кинтыша, заиграла музыка и оттуда раздалось ура,—части находившіяся у насъ въ тылу и невидѣнныя передъ собою противника, кричали „ура“, „ура“! . . . Въ это время на правомъ и лѣвомъ флангахъ нашей наступавшей линіи было тихо,—изъ чего турки ясно поняли, что главная атака русскими поведена противъ желтой батареи,—а потому, все болѣе и болѣе стягивали къ ней свои войска. Арабистанцы, только что прибывшіе изъ Батума, были здѣсь. Турецкія войска, въ траншеяхъ, размѣщены были такъ: кобулетцы въ первой линіи, за ними визамъ и надъ послѣдними, арабистанцы. Расположившись, такимъ образомъ, въ три яруса, турки осыпали мѣстность миллиардами пуль; исправно у нихъ ра-

(*) Для освѣщенія мѣстности 3-й ротѣ приказано было выдвинуться впередъ и осторожно наступать; остальные роты пошли за нею.

ботали и картечицы, стрѣльба которыхъ характерно отличалась отъ ружейной—какимъ-то шипѣньемъ; турки небрезгали ничѣмъ, разрывныя пули у нихъ имѣли полное право гражданства. Дервишъ-паша, размѣстивъ такъ свои войска, поступилъ вполне разумно: кобулетцы, при самомъ отчаянномъ натискѣ съ нашей стороны, не смѣли податься ни шагу назадъ, такъ какъ они легли бы подъ ударами низама, а тѣ, при подобной же попыткѣ, легли бы на штыкахъ арабистанцевъ.

Подъ звуки музыки, съ оглушительнымъ „ура!“, стрѣлки геройски боролись съ природою и понемногу подавались, по одиночкѣ, впередъ, горя желаніемъ скорѣе испробовать силу штыка. Среди нижнихъ чиновъ часто слышалось: „ваше благородіе, позвольте въ атаку, внизу уже кричатъ ура!“ . . . Ясно было, что кровь кипѣла въ груди и отваги было много, но бросаться съ двадцатью стрѣлками на ближайшую траншею, до которой оставалось еще шаговъ 300,—черезъ узкую открытую полянку и притомъ въ гору—было безразсудно. Поэтому командиры ротъ, 3-й и Е го В ы с о ч е с т в а, рѣшили сперва расположить стрѣлковъ у перегиба, открыть сильный огонь, а затѣмъ, когда въ цѣни соберется побольше людей, стремительно броситься на траншею.—Такъ и было сдѣлано, но свинцовый градъ, пущенный турками, положилъ многихъ героевъ тутъ же, на мѣстѣ, а остальныхъ—смылъ обратно за перегибъ. Вводъ 4-й роты, съ храбрымъ поручикомъ Бавталовскимъ, бывший ближе къ траншеямъ съ праваго фланга, потерялъ болѣе половины людей на разстояніи, какихъ нибудь, пятидесяти шаговъ. Поручику Бавталовскому, съ нѣсколькими стрѣлками, удалось влетѣть въ турецкіе ложементы, но такъ же быстро пришлось и убраться оттуда. Передъ поляной турками устроены были засѣки, мѣстность впереди обстрѣливалась съ каждаго шага высоты, такъ что каждый выскакивавшій удалецъ, землю, взрываемою пулями, невольно былъ отбрасываемъ назадъ. Офицеры принялись собирать людей и готовиться къ новой атакѣ, но тутъ подоспѣлъ флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ и запретилъ двигаться, до полученія на то приказанія. Стрѣльба продолжалась; кучки стрѣлковъ, помѣстившись въ мертвомъ пространствѣ у перегиба къ полянѣ, выжидали сигнала или

приказанія къ новой атакѣ. Между тѣмъ, турки все продолжали сыпать градомъ пуль. День шель къ концу, солнце спряталось за горы, насталь вечеръ,—а мы все еще сидѣли ожидая приказаній. Наконецъ наступила и ночь, но приказанія получено небыло. Въ теченіи ночи, на нашихъ глазахъ, турки приступили къ исправленію своихъ траншей, а на разсвѣтѣ мы увидѣли, какъ व्यюкъ за व्यюкомъ потянулись съ ихъ праваго фланга къ морю. Стрѣлки умоляли разрѣшить имъ стрѣлять, чтобы помѣшать работамъ и передвиженіямъ; разрѣшено было сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Турки бросили работу и снова начали ружейную трескотню. И такъ прождали мы всю ночь, въ полной надеждѣ, что съ разсвѣтомъ бросимся въ атаку; но вотъ уже и совсѣмъ разсвѣло, а мы все, въ глубокой тишинѣ, ждемъ и ждемъ. Съ восходомъ солнца, князь Барятинскій, подозвавъ ротныхъ командировъ, объявилъ, что рѣшено отступить и потому приказаль тихо поднять роты и спуститься къ р. Кинтышу. На мѣстѣ, гдѣ мы простояли всю ночь, приказано было 2-й ротѣ оставить полувзводъ въ цѣпи, для прикрытія отступления. Ротные командиры объявили людямъ, что атака будетъ поведена на другой пунктъ, и что потому, тихо, безъ шума, мы должны спуститься къ р. Кинтышу (*). Отступление это произведено было въ примѣрномъ порядкѣ и скрытно отъ турокъ. У Кинтыша, мы остановились возлѣ перевязочнаго пункта. Масса раненыхъ и убитыхъ, кровь, стоны умирающихъ, расброшенные вещи, аммуниція—все это вмѣстѣ представляло раздиравшую душу картину.

Непрошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ правѣе и лѣвѣе насъ, быстро, почти перебѣжками, стали переходить части черезъ рѣку Кинтышъ на Самебу, покидая ночную позицію, а также своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей.

Командиръ баталіона выслаль 2-ю и 3-ю роты за р. Кинтышъ, на самебскій скать, гдѣ эти роты, разсыпавъ по взводу въ цѣпи, должны были прикрывать отступление; 1-я же и 4-я роты были остав-

(*) Для прикрытія отступления оставлены были полувзводъ 2-й роты подъ командою прапорщика Кривенцова и полувзводъ 4-й роты, подъ командою прапорщика Картвелова.

лены для прикрытія раненыхъ на случай преслѣдованія насъ турками, и, затѣмъ, для сопровожденія ихъ на самебскую позицію.

Раненыхъ было много, а никто не думалъ ихъ убирать. Наконецъ, показалась изъ лѣсу грузинская дружина, которая, по просьбѣ князя Барятинскаго, отдѣлила часть людей для переноски раненыхъ и убитыхъ. Хотя для этой же цѣли и 1-я и 4-я роты отдѣлили по полуротѣ, но, всетаки, забрать всѣхъ мы неимѣли никакой физической возможности. По счастью, черезъ нѣсколько времени подошла рота пятигорскаго полка, которую уговорили также забрать раненыхъ; но такъ какъ и этого было недостаточно, то для уборки остальныхъ—1-й и 4-й ротамъ пришлось отдѣлить еще по полувзводу,—и уже съ оставшимися, только двумя полувзводами, прикрывать это печальное шествіе. Гдѣ были санитары, что они дѣлали—вѣдалъ Аллахъ. Впрочемъ, немного спустя мы увидѣли цѣлую роту ихъ спокойно лежавшую подъ тѣнью, въ лѣсочкѣ. Преодолывая страшную усталость, какъ черепахи, ползли мы на Самебу; лишь изрѣдка гранаты, съ визгомъ, пролетали надъ нами: турки щадили насъ, конечно не изъ гуманности.

Печальную картину заставляли мы на тѣхъ участкахъ самебской позиціи, гдѣ намъ пришлось проходить: батареи были безъ прикрытія, ни цѣпи, ни резервовъ не было видно и перейди турки немедля въ наступленіе,—жестoko заплатились бы мы за нашу безопасность. Но ошибка эта быстро была исправлена распоряженіемъ флигель-адъютанта полковника Гурчина, бывшаго почти все время по ту сторону р. Кинтыша.

Передавъ на главный перевязочный пунктъ, санитарамъ—раненыхъ и убитыхъ, 1-я и 4-я роты присоединились къ 2-й и 3-й ротамъ, поднявшись на самебскій хребетъ.

Такъ какъ турки оставались совершенно спокойно на своей позиціи и только когда мы поднялись на наши прежнія позиціи, они вышли изъ траншей и отъ радости кричали „ура!“—то намъ приказано было идти на свое прежнее бивуачное мѣсто, на отдыхъ.

Составивъ ружья въ козлы, люди тутъ же, какъ снопы, повалились на землю, послѣ всего того, что вынесли за послѣднія сут-

ки. Къ сожалѣнію, сонъ былъ непродолжителенъ. . . . Въ 2 часа послышалась стрѣльба по всей линіи самебской позиціи; къ намъ прискакалъ казакъ, съ приказаніемъ немедленно выйти наверхъ къ большой дорогѣ и стать лѣвѣе батареи полковника Бучкіева. Черезъ нѣсколько минутъ, баталіонъ, ускореннымъ шагомъ, шелъ уже отмстить нарушителямъ нашего спокойствія.

Дѣло было въ томъ, что турки, опомнясь отъ радости, и не видя никого передъ собою, перешли въ наступленіе по всей линіи, впрочемъ, къ нашему счастью, уже въ то время, когда порядокъ, на занимаемыхъ нами мѣстахъ, былъ вполне восстановленъ, благодаря энергіи и распорядительности флигель-адъютанта полковника Гурчина, бывшего въ эти дни начальникомъ колонны.

На верху горы, насъ встрѣтилъ и. д. начальника штаба при полковникѣ Гурчинѣ, капитанъ генеральнаго штаба Шатиловъ; по его указанію, всѣ четыре роты были высланы въ разныя мѣста для поддержанія цѣпи. Появленіе стрѣлковъ въ цѣпи измѣнило ходъ турецкой атаки: турки, отъ мѣткого огня нашихъ берданокъ, успѣли убраться восвояси и лишь нѣсколько человекъ, съ очень дальняго разстоянія, поддерживали огонь до ночи.

До насъ дошло свѣдѣніе, что на правомъ флангѣ, атака турокъ также была отбита и они, съ большимъ урономъ, отступили обратно въ свои траншеи. Потеря въ эти два дня была слѣдующая: раненъ портупей-юнкеръ Дарскій въ шею; нижнихъ чиновъ, убито: унтеръ-офицеровъ 2, рядовыхъ 24, ранено: унтеръ-офицеровъ 3, рядовыхъ 49 и горнистъ одинъ; контужено 2. (8)

Слѣдующіе дни вездѣ было тихо.—Наступленія съ нашей стороны, кажется, непредвидѣлось; по крайней мѣрѣ ничего не было слышно о вторичномъ штурмѣ цихисдзирской турецкой позиціи. Напротивъ,—скорѣе мы могли ожидать, что турки захотятъ прогнать наши войска съ Хуцубани, воспользуясь тѣмъ, что 11-го числа мы имъ дали повясть, что ослпить ихъ неможемъ. Въ ожиданіи атаки съ ихъ стороны, приказано было усилить сторожевыя цѣпи, и, на основаніи сего, баталіонъ до 15-го числа, ежедневно, высылалъ по двѣ роты въ цѣпь (9).

Началъ носиться слухъ, что наши войска оставлятъ самебскую

позицію и отойдутъ на Муха-Эстате. Такъ и случилось: 15-го числа, орудія были сняты съ позиціи, и, вмѣстѣ съ тяжестями, отправлены на Муха-Эстате, а ночью 17-го числа было произведено общее отступленіе. Движеніе это было совершено по тремъ дорогамъ, ведущимъ къ мостамъ черезъ р. Кинтриши; на мѣстѣ, для прикрытія отступленія, въ сторожевой цѣпи, была оставлена вся 4-я рота нашего баталіона, которая должна была спуститься послѣднею. Грустно, въ величайшей тишинѣ, покинули мы нашу самобскую позицію и направились къ мосту черезъ рѣку Кинтриши. Вслѣдъ за переходомъ 4-й роты черезъ мостъ, онъ, тотчасъ же, былъ разобрать.

Масса войскъ сгруппировалась на скатѣ хуцубанской высоты и перейди турки въ наступленіе, дѣло приняло-бы плохой оборотъ. Но все прошло благополучно, безъ всякой даже попытки, съ ихъ стороны, къ преслѣдованію насъ. Благополучно колонна прошла Хуцубанъ, съ разсвѣтомъ прошла Аламбара и направились къ Муха-Эстате. Поздно турки спохватились: когда они вышли для преслѣдованія насъ,—войска наши уже стягивались къ муха-эстатской позиціи. Кобулетцы видя, что русскіе отступили, снова взяли за оружіе, и, засѣвши въ ближайшемъ лѣсу, смѣло открыли по мѣсту нашего бивуака ружейный огонь; въ это время былъ раненъ въ палаткѣ деньщикъ, чистившій сапоги. На Муха-Эстате баталіону было объявлено о выступленіи 19-го числа въ г. Озургеты. Получено было распоряженіе, что баталіонъ, по приказанію Главнокомандующаго кавказскою арміею, долженъ немедленно, оставивъ ріонскій отрядъ, прибыть въ г. Александрополь, въ составъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса. На другой день, утромъ, къ баталіону пріѣхалъ генераль Оклобжіо и благодарилъ стрѣлковъ за молодецкую службу, за всѣ совершенные ими подвиги и понесенные труды.

Вечеромъ насъ посѣтили генераль Денибековъ и командовавшій бригадою флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ и ужинали съ нами. Въ разговорѣ съ нами—генераль нѣсколько разъ высказывалъ, что ему очень и очень больно разставаться съ баталіономъ. На слѣдующій день, утромъ, баталіонъ, отслушавъ напутственное

молебствіе, на которомъ присутствовали командовавшій войсками приріонскаго края генераль Оклобжіо, начальникъ кобулетскаго отряда генераль Денибековъ, командовавшій кавказскою стрѣлковою бригадою флигель адъютантъ полковникъ Гурчинъ, и, пройдя церемониальнымъ маршемъ, справа по отдѣленіямъ, направился на новый театръ военныхъ дѣйствій. Когда баталіонъ проходилъ мимо постовъ ленкоранскаго и закатальскаго полковъ, то солдатики откровенно намъ говорили: „что то будетъ намъ безъ васъ?“ Какъ лестно было слышать эти прямыя и простыя слова, краснорѣчиво говорившія, насколько зарекомендовали себя стрѣлки, въ мнѣніи отряда!

ГЛАВА IV.

Выступление баталіона изъ Озургеть. Переходъ въ Ардаганъ. Пребываніе въ ардаганскомъ отрядѣ. Переходъ въ составъ главныхъ силъ. Дѣло 6-го августа. Дѣло 13-го августа. Контузія командира баталіона. Пріѣздъ Его Высочества Главнокомандующаго. Стоянка у Байрахтара. Прибытіе молодыхъ солдатъ.

21-го іюня баталіонъ выступилъ изъ г. Озургеть. Отъ ст. Самтреди мы слѣдовали по желѣзной дорогѣ до станціи Михайлово, а отсюда, по шоссе, въ мѣстечко Боржомъ, куда пришли вечеромъ 25-го числа. Здѣсь баталіонъ былъ радушно встрѣченъ тифлисскимъ юнкерскимъ училищемъ и кавказскою учебною ротою; нижнихъ чиновъ угостили чаемъ и ужиномъ, офицеры же были приглашены на ужинъ въ учебную роту. Теплый пріемъ, оказанный намъ хозяевами, надолго сохранится въ памяти стрѣлковъ.

27-го баталіонъ прибылъ въ г. Ахалцихъ, гдѣ, на 28-е, была назначена дневка; но такъ какъ получилось новое распоряженіе, двинуться баталіону немедленно въ Ардаганъ и поступить въ распоряженіе начальника ардаганскаго отряда полковника Комарова, то въ 10-ть часовъ утра, 28-го числа, баталіонъ двинулся къ селенію Бодела. Дождь и грязь сильно утомляли людей; только къ

вечеру мы прибыли въ названное селеніе, гдѣ, поэтому, остались слѣдующій день на дневкѣ. 1-го іюля, вечеромъ, баталіонъ вошелъ въ г. Ардаганъ и расположился въ казармахъ, въ которыхъ прежде помѣщался турецкій госпиталь. Переходъ отъ с. Бодела до г. Ардагана, вслѣдствіе дурной погоды и тяжелой дороги, былъ крайне изнурителенъ; но, при всѣхъ невзгодахъ, больныхъ и отсталыхъ небыло. Люди были очень довольны, что имъ предстояло дѣйствовать въ главныхъ силахъ корпуса.

Въ Ардаганѣ баталіону данъ былъ на нѣсколько дней отдыхъ, чтобы люди могли обшиться и поправить вещи. Несли мы одну караванную службу (*).

7-го іюля, было получено приказаніе выслать, отъ баталіона, двѣ роты въ селеніе Омеръ-Ага, откуда они обязаны были прикрывать путь въ селенія Зурзуна и Карзахъ, отъ набѣговъ Мегрالی (**). Съ этою цѣлью были отправлены 2-я и 4-я роты подъ командою маіора Герича, уже возвратившагося къ баталіону послѣ полученной имъ, 29-го апрѣля, раны.

9-го іюля, въ Ардаганѣ былъ оставленъ баталіонъ пятигорскаго полка, а остальные части, въ томъ числѣ и оставшіяся двѣ роты баталіона, направились въ с. Арданыкъ. На пути, къ намъ, въ с. Келікъ, присоединился маіоръ Геричъ со своими двумя ротами и съ нами же вернулся въ Ардаганъ, никого невидѣвъ и ничего неслышавъ въ с. Омеръ-Ага.

10-го іюля, изъ Ардагана, баталіонъ передвинуть былъ на Ю. З. отъ города и расположенъ у горы Алагѣзъ. На слѣдующій день, занимаемая нами позиція была укрѣплена прочными брустверами изъ большихъ камней, обшитыми дерномъ, такъ какъ ожидалось, со стороны г. Ольты, нападеніе турокъ на г. Ардаганъ. Въ ожиданіи сего, мы простояли 3 дня, но никто непоказывался.

14-го іюля, баталіонъ отъ Алагѣза перешелъ на Паникъ и

(*) 2-го іюля возвратился штабсъ-капитанъ Клименко и вступилъ, по прежнему, въ командованіе ротой Его Высочества (смотри стр. 24-ю).

Авт.

(**) Бѣлый борчалинскій разбойникъ.

Ред.

расположился рядомъ съ 4-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, который тоже былъ выдѣленъ изъ войскъ при-ріонскаго края. Во время стоянки на Паникѣ, которая продолжалась до 27-го числа, вся наша служба состояла въ содержаніи сторожевой цѣпи. Здѣсь случилось странное происшествіе: пропали безъ вѣсти прикащикъ и два работника нашего баталіоннаго маркитанта, ѣздившіе въ Ардаганъ за провизією.

Въ 7-мъ часовъ вечера, 27-го іюля, явился къ князю Бяратинскому ординарецъ полковника Комарова, съ приказаніемъ обоимъ баталіонамъ, т. е. 1-му и 4-му кавказскимъ стрѣлковымъ, подъ общемою командою князя, ночью, съ восходомъ луны, двинуться на деревню Дичоръ, куда самъ начальникъ отряда, съ другою колонною, расположенною на Алагёзѣ, выступить въ 6-ть часовъ вечера, этого же числа. Къ часу ночи, колонна князя Бяратинскаго уже двигалась къ Дичору, гдѣ находился Мегрالی, наводившій своими набѣгами страхъ на жителей Ардаганскаго округа. Отъ Паника до Дичора было слишкомъ 60-ть верстъ. Дорога, по большей части, была хорошая. Люди всю ночь шли легко и лишь въ полдень, сильная жара и, наконецъ, усталость, нѣсколько замедлили ходъ (были даже два случая легкаго солнечнаго удара). Къ 6-ти часамъ вечера, наша колонна, въ полномъ порядкѣ, уже подходила къ сел. Дичоръ, повсюду встрѣчая мирныхъ жителей. Не доходя версты двѣ до селенія, мы встрѣтились съ колонною полковника Комарова, возвращавшеюся послѣ дѣла съ Меграли, въ которомъ она потеряла убитыми двухъ нижнихъ чиновъ. Дѣло было въ томъ, что Мегрالی, имѣя два орудія и таборъ низама, оказывалъ въ теченіи цѣлаго дня замѣчательную стойкость и сопротивленіе и только, когда замѣтилъ съ высотъ приближеніе нашихъ двухъ баталіоновъ, покинулъ деревню Дичоръ.

На другой день, баталіонъ возвратился обратно на Паникѣ, гдѣ и оставался до 31-го числа.

31-го числа, отправивъ обозъ (3⁵) черезъ с. Зурзуна, баталіонъ по с. в. берегу озера Чалдырь-Гель, вмѣстѣ съ другими частями, подъ начальствомъ генерала Комарова, выступилъ подъ Кюрюкъ-Дара, съ цѣлью войти въ составъ главныхъ силъ. Во все

время движенія, были принимаемы всѣ мѣры предосторожности. 1-го августа, мы подошли къ дер. Паргетъ, гдѣ насъ ожидали полки эриванскій и сѣверскій драгунскій, высланные къ намъ навстрѣчу изъ Кюрюкъ-Дара (*). До 4-го августа баталіонъ оставался въ Паргетѣ, гдѣ жара давала себя чувствовать, 4-го же числа, раннимъ утромъ, выступилъ въ Башъ-Кадыкляръ, имѣя назначеніе войти въ составъ колонны генерала Девеля. Слѣдуя къ Башъ-Кадыклярю, нужно было пройти черезъ Кюрюкъ Дара—мѣсто расположенія главныхъ силъ и штаба дѣйствующаго корпуса.

Въ Кюрюкъ-Дара насъ встрѣтили весьма радушно эриванцы.

Въ 3 часа того же дня, пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ генераль-адъютанта, нынѣ графа, Лорисъ-Меликова, баталіонъ направился къ мѣсту назначенія, куда и прибылъ къ 6-ти часамъ вечера. Въ Башъ-Кадыклярѣ, нашъ и 4-й кавказскій стрѣлковый баталіоны были поставлены рядомъ, имѣя драгунъ впереди.

5-го числа вечеромъ, получена была диспозиція на 6-е августа, которою назначалось наступленіе. Ночью сняли лагерь, обозъ приготовили къ движенію, людямъ раздали сухари и по фунту мяса на руки. Въ темнотѣ оставили мы свой бивуакъ и двинулись впередъ, по направленію къ правому флангу расположенія турокъ,—къ горѣ Инахъ-Тепеси. ⁽¹⁰⁾ Шли всю ночь.—Когда сдѣлалось совсѣмъ уже свѣтло, передъ нами открылся правый флангъ турецкой позиціи. Баталіонъ сталъ въ резервѣ за елисаветпольскимъ полкомъ, на лѣвомъ флангѣ нашей боевой линіи. День былъ ясный, жара часъ отъ часу становилась сильнѣе. Къ 8-ми часамъ цѣпь, занявъ деревню, подошла къ турецкимъ укрѣпленіямъ на ружейный выстрѣлъ, съ артилеріею, которая открыла по нимъ учащенную пальбу; мѣтко и хорошо ложились снаряды въ укрѣпленія, но несмотр-

(*) Отъ главныхъ силъ были выдвинуты къ селенію Паргету, подъ командою генераль-маіора Авинова, 13-й гренадерскій лейбъ-эриванскій Его Величества и 16-й драгунскій нижегородскій Его Величества Короля Виртембергскаго полки, съ одною батареею кавказской гренадерской артилерійской бригады. (Официально).

ря на это и турки недумали их покидать. Вдругъ, въ 10-ть часовъ, получается приказаніе отступить,—части начали отходить. Пользуясь этимъ, башибузуки бросились преслѣдовать отступавшія колонны; чтобы ихъ остановить, были посланы въ цѣль роты: 4-я отъ нашего баталіона и одна изъ ротъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона.—Потерь на нашемъ флангѣ небыло, кромѣ случая солнечнаго удара, поразившаго солдата въ одной изъ пѣхотныхъ частей. Въ 4-ре часа возвратились мы на бивуакъ, гдѣ и оставались до 12-го августа (11). Въ теченіи шести дней—съ 7-го по 12-е августа—баталіонъ несъ сторожевую службу и только 10-го числа ночью, была выставлена 4-я рота на лѣвый флангъ расположенія войскъ, гдѣ съ дивизіономъ кубанской казачьей батареи, по указанію генеральнаго штаба полковника Маламы, заняла позицію и всю ночь прождала нападенія турецкой кавалеріи.

Съ разсвѣтомъ рота и дивизіонъ вернулись обратно.

Утромъ 12-го числа, баталіонъ, вмѣстѣ съ 4-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, снялись съ бивуака и начальникомъ стрѣлковой бригады, лично, были отведены въ Кюрюкь-Дара. Прийдя на мѣсто въ 6-ть часовъ—къ вечеру, баталіонъ вполне устроился и выслалъ на аванпосты 3-ю роту. Вечеръ былъ тихъ, погода прелестная; многіе до поздней ночи не ложились спать.—Только что мы улеглись, какъ, въ 4-мъ часу, послышался ружейный выстрѣлъ со стороны горы Кизиль-Тапа, за нимъ другой, третій и т. д. . . Люди въ мигъ были готовы и молча стали въ ружье (12). У ставки генерала Комарова забили тревогу. Баталіонъ ожидалъ лишь приказанія двинуться. Въ скоромъ времени подъѣхалъ генераль Комаровъ и далъ приказаніе князю Барятинскому двинуть баталіонъ по направленію къ Кизиль-Тапѣ. 3-я рота, занимавшая аванпостную цѣль, присоединилась къ баталіону.

Въ темнотѣ обогнули мы, правымъ плечемъ, Караялъ и увидѣли Кизиль-Тапу, залитую огнемъ. Пройдя довольно значительное разстояніе, баталіонъ получилъ приказаніе двинуться къ с. Суботану. Перестроившись поротно, въ двѣ линіи, имѣя 1-ю и 4-ю роты въ первой,—мы двинулись по указанному направленію. Между полубаталіонами шла 1-я батарея кавказской гренадерской арти-

лерійской бригады. Было уже свѣтло, когда мы узнали, что бывшіе на Кизиль-Тапѣ имеретинцы, вслѣдствіе неожиданнаго нападенія на нихъ турокъ, принуждены были оставить гору и она занята уже непріателемъ. Выславъ цѣпь, баталіонъ быстро подавался впередъ и очень скоро вошелъ въ сферу ружейнаго огня (*). Правѣе насъ, на весьма далекое разстояніе, невидно было ни одной части нашего отряда. Приказано зорко слѣдить за правымъ нашимъ флангомъ, такъ какъ отсюда можно было ожидать нападенія турецкой кавалеріи. Чтобы ближе подойти къ с. Суботану, князь Барятинскій приказалъ подаваться болѣе вправо. Въ это время (около 7 ч. утра), одна изъ гранатъ, пущенная со стороны Кизиль-Тапы, сильно прожужжавъ, шлепнулась возлѣ князя, и, на глазахъ 2-й роты и роты Его Высочества, баталіонный командиръ, какъ мертвый, упалъ на землю. Въ первый моментъ, никто не зналъ убить онъ, или нѣтъ; оказалось, что князь былъ сильно контуженъ въ голову. Немедленно подали носилки и князя, въ сопровожденіи завѣдывавшаго хозяйствомъ штабсъ-капитана Кирпотина, унесли съ поля сраженія. Чтобы не дать времени людямъ почувствовать столь важную потерю,—командиръ роты Его Высочества штабсъ-капитанъ Клименко, какъ старшій въ 1-мъ полубаталіонѣ, принялъ на себя командованіе и рѣшительно двинулъ впередъ роты 1-го полубаталіона, приостановившіяся было, при паденіи баталіоннаго командира.

Твердъ и ровень былъ шагъ подвигавшихся, подъ перекрестнымъ огнемъ, стрѣлковъ; наша цѣпь залегла, открыла убійственный огонь, и, въ скоромъ времени, начала тѣснить непріателя, за-

(*) Здѣсь баталіонъ раздѣлился: роты 1-го полубаталіона (1-я и 2-я роты) пошли вправо къ Суботану, а роты 2-го полубаталіона (3-я и 4-я) пошли лѣвѣе, къ Кизиль-Тапѣ. Батарея, шедшая посреди баталіона, пошла съ 1-мъ полубаталіономъ. Роты 2-го полубаталіона, дойдя до небольшой рѣчки, верстахъ въ 5-ти отъ Кизиль-Тапы, остановились и залегли. Впереди, турокъ не было видно; одна батарея выѣхала было, но очень скоро снялась и ушла обратно, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Черезъ часъ, роты, по приказанію начальника бригады, поднялись и стали отходить по направленію къ Суботану, на присоединеніе къ 1-му полубаталіону.

сѣвшаго въ оврагѣ. Полубаталіонъ дошелъ до небольшой ложбины, очень близко къ турецкой цѣпи; жара становилась невыносимой; жажда мучила; по близости нельзя было достать ни капли воды.

Турки, видя опасность угрожавшую д. Суботану, усилили по насъ, и до того уже адскій огонь. Роты, неимѣя закрытій, лежа на чистомъ мѣстѣ, отстрѣливались, дабы, отдохнувъ, двинуться затѣмъ впередъ, за оврагъ. Много легло въ резервъ, но люди героями шли и героями умирали; вопли и стоны не вырывались изъ могучихъ грудей. Надолго останется въ памяти у всѣхъ насъ смерть стрѣлка роты Е г о В ы с о ч е с т в а Петрова, сраженнаго пулею на глазахъ товарищей. Будучи смертельно раненъ, Петровъ перекрестился, и, съ вѣрою и улыбкою на устахъ, безмолвно уснулъ вѣчнымъ сномъ.

Наконецъ, турки, видя, что ни пули, ни обыкновенныя гранаты на насъ не дѣйствуютъ, начали пускать къ намъ гранаты съ дистанціонными трубками. Первый моментъ было жутко, но скоро мы и къ нимъ привыкли; осколки осыпали насъ, но, какъ видно, Богъ хранилъ всѣхъ. Адъютантъ, какъ бывшій все время верхомъ на лошади, замѣтилъ, что лѣвый флангъ нашей цѣпи вдругъ подался назадъ, по направленію къ резерву. Увидя это, онъ предупредилъ остановить отходившихъ. вмѣсто отвѣта, офицеры, ментально обнаживъ сабли, бросились впередъ, передъ свои части, а командиръ 2-й роты тотчасъ же выслалъ полуэскадронъ въ цѣпь, на поддержку. Примѣръ офицеровъ-начальниковъ подѣйствовалъ, и отходившіе заняли оставленную ими линію, заявивъ только, что у нихъ нѣтъ патроновъ. Тотчасъ же патроны были подвезены, цѣпь поднялась, двинулась впередъ и стала такъ тѣснить турокъ, что заставила ихъ бросить свои ровики. Въ этотъ промежутокъ времени, были ранены прапорщикъ Кривенцовъ—въ цѣпи, и прапорщикъ Бахтіаровъ—въ резервъ. Двигаться дальше и перейти оврагъ не пришлось, такъ какъ къ ротамъ подъѣхалъ флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ, принявшій командованіе надъ колонною генерала Комарова, раненаго въ скоромъ времени послѣ князя Бяратинскаго и поручилъ адъютанту подпоручику Курочкину передать приказаніе 1-му и 4-му стрѣлковымъ баталіонамъ отступить перекаратно

цѣпью, направляясь къ кургану, гдѣ находился командовавшій корпусомъ генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ. Приказаніе было передано командирамъ частей и баталіонъ началъ отступать подъ градомъ пуль и сильнымъ артилерійскимъ огнемъ. Отступление баталіона перекатною цѣпью,—по словамъ бывшихъ возлѣ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова на курганѣ, откуда видѣли всѣ наши движенія,—было, говорятъ, совершенно блистательно—люди шли словно на учебномъ плацу.

Когда значительно уже отошли назадъ, получено было приказаніе баталіону снова перейти въ наступленіе, чтобы прикрыть флангъ отступавшихъ отъ Кизиль-Тапы нашихъ войскъ. При вторичномъ наступленіи, весь баталіонъ былъ въ сборѣ и командованіе принялъ старшій капитанъ—командиръ 4-й роты—Бейнардтъ.

Вторично подойдя къ турецкой цѣпи на дистанцію ружейнаго выстрѣла, баталіонъ остановился и отъ ротъ была выслана цѣпь. Жара была сильная, люди съ утра не имѣли глотка воды; позднѣе, благодаря распоряженію корпуснаго командира, вода была къ намъ подвезена въ бурдюкахъ и каждый стрѣлокъ получилъ по чаркѣ; для разноски воды въ цѣпь были назначены стрѣлки отъ резерва.

Затѣмъ, когда задача баталіономъ была выполнена, мы отступили къ кургану, безъ потерь, преслѣдуемые артилерійскимъ огнемъ. Здѣсь, баталіонъ остался до сумерекъ, а потомъ отошелъ обратно въ Кюрюкъ-Дара и расположился бивуакомъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Потери баталіона за 13-е августа были слѣдующія: контуженъ гранатою въ голову командиръ баталіона подполковникъ князь Барятинскій; ранены: прапорщикъ Бахтіяровъ и Кривенцовъ,—оба въ ногу; нижнихъ чиновъ убито: горнистъ одинъ, рядовыхъ 12; ранено: фельдфебель одинъ—Петръ Кругловъ, унтеръ-офицеровъ 2 и, рядовыхъ 27 и контужено 9. ⁽¹³⁾

14-го августа, отъ баталіона выслана была рота Его Высочества въ почетный караулъ, по случаю пріѣзда Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею изъ Александрополя въ Кюрюкъ-Дара; остальные роты приготавливались, чтобы молодцами представиться своему Августу.

стѣйшему Шефу. Въ 10-ть часовъ утра, войска, безъ ружей, построились на переднихъ линейкахъ въ ожиданіи прибытія Его Императорскаго Высочества. Въ 11-ть часовъ, Его Высочество подъѣхалъ къ баталіону, изволил благодарить за службу и нашелъ стрѣлковъ, какъ Онъ изволил выразиться, „выглядывающими женихами“.

На третій день, баталіонъ перешелъ къ Байрахтару и въ тотъ же день занялъ позицію впереди деревни Огузлы, въ шести верстахъ отъ Кюрюкь-Дара, ставъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ частей, на правомъ флангѣ байрахтарскаго лагеря.

Правѣ насъ, въ шести верстахъ, находился кюрюкь-даринскій лагерь (главныя силы); лѣвѣе, шагахъ въ 200-хъ, стоялъ имеретинскій полкъ 40-й дивизіи; въ тылу, за оврагомъ, была деревня Огузлы. По приходѣ на мѣсто, тотчасъ же приступлено было къ укрѣпленію позиціи и вырыты ряды ровиковъ и ложементовъ.

Впереди насъ находилась, хорошо укрѣпленная и прочно занятая турками, Кизилъ-Тапа.

Стоянка у Огузловъ была утомительная и тревожная; нападенія непріятеля ожидали чуть ли не каждую ночь, служба въ сторожевой цѣпи была усиленная: каждую ночь двѣ роты выходили на аванпосты, одна изъ нихъ выставляла сторожевую цѣпь, а другая, цѣликомъ, лежала въ ложементахъ, чтобы, въ случаѣ надобности, въ мигъ явиться на поддержку. Неспокоенъ былъ сонъ и остальныхъ ротъ, свободныхъ отъ аванпостной службы: всегда надо было быть, какъ говорится: „на чеку“. Тутъ же, на позицію у сел. Огузловъ, къ баталіону прибыли, на пополненіе, молодые солдаты изъ запаснаго стрѣлковаго баталіона (14). Съ ними тотчасъ были начаты строевыя занятія и обращено все вниманіе на исправленіе ихъ снаряженія.

ГЛАВА V.

Штурмъ и взятіе большой Ягны 20-го сентября. Дѣло 21-го сентября. Позиція на Кабахъ-Талѣ. Вторичное занятіе большой Ягны. Штурмъ Авліара 3-го октября. Взятіе Визинъ-Кея. Представленіе плѣнной турецкой арміи Егю Височеству Главнокомандующему. Награды, розданныя Егю Височествомъ.

Находясь сами въ тревожномъ состояніи, мы не давали и туркамъ покоя, весьма часто тревожа ихъ по ночамъ, высылаемыми по очереди отъ всѣхъ частей, охотничьими командами. Такъ баталіонъ простоялъ до 18-го сентября, когда, въ 8-мь часовъ вечера, былъ поднятъ съ мѣста расположенія и перешелъ въ Кюрюкъ-Дара, занявъ палатки эриванскаго полка (*). Весь день 19-го мы провели въ отдыхѣ. 19-го сентября, въ 11-ть часовъ вечера, баталіонъ приготовился къ выступленію и былъ направленъ къ большой Ягнѣ (15). Шли всю ночь и только съ разсвѣтомъ подошли и присоединились къ колоннѣ генерала Геймана. Соединившись съ этою колонною, недоходя версты четыре до большой Ягны, баталіонъ остановился въ оврагѣ, на привалѣ. Тутъ же роздали людямъ по шести, семи пачекъ патроновъ, и, затѣмъ, двинулись далѣе, въ боевомъ порядкѣ. Въ головѣ колонны шелъ разѣздъ отъ оренбургскаго казачьяго полка; за нимъ, цѣпь охотниковъ отъ мингрельскаго и несвижскаго полковъ; затѣмъ, слѣдовалъ баталіонъ; за нами, шелъ несвижскій полкъ, а въ хвостѣ, двигались артилерія и патронные ящики.

Выйдя изъ оврага, баталіонъ перестроился поротно, въ двѣ линіи и выслалъ отъ себя цѣпь на лѣвый флангъ, для охвата Ягны со стороны горы Авліара.

Недоходя полуверсты до подошвы Ягны, 2-я и 3-я роты, бывшія въ 1-й линіи, цѣликомъ разсыпались въ цѣпь, имѣя, съ правой стороны охотниковъ вышесказанныхъ полковъ, а за собою, въ частномъ резервѣ, 1-ю и 4-ю роты.

Было уже совсѣмъ свѣтло. Мы двигались осторожно, безъ

(*) Движеніе это совершалось въ теченіи цѣлой ночи.

шума. Турки спали и, такимъ образомъ, можно было бы подойти къ траншеямъ на весьма близкое разстояніе, еслибъ не казаки, не убравшіеся во время за цѣнь, которые увидѣвъ пасшихся лошадей, бросились ловить ихъ, лошади же шарахнулись отъ нихъ къ верху. Убѣдившись, что поймать ихъ не удастся, одинъ изъ казаковъ, съ досады, выстрѣлилъ въ лошадей и тѣмъ разбудилъ турецкаго часового, который сдѣлалъ по насъ выстрѣлъ, а вслѣдъ за этимъ на Ягнѣ показался дымъ отъ горящаго сигнальнаго столба. Баталіонъ бѣгомъ подошелъ къ горѣ и ползкомъ началъ подниматься вверхъ.—Было приказано открыть огонь. Турки по всей горѣ пришли въ движеніе—и съ Ягны полился свинцовый дождь. Видя стойкость и полное спокойствіе наступавшихъ, турки терялись, суетились, стрѣляли наугадъ и градъ пуль безвредно проносился надъ нашими головами. Большую помощь оказала намъ, при этомъ случаѣ, батарея руководимая адъютантомъ Е го В ы с о ч е с т в а полковникомъ Петерсомъ.

Непривычка стрѣлять по цѣлямъ, стоящимъ значительно выше, повела къ тому, что турки долгое время безнаказанно высовывались изъ своихъ траншей для стрѣльбы по насъ; но когда офицерами было опредѣлено вѣрно разстояніе до гребня, посредствомъ пристрѣлки (такъ, командиромъ 3-й роты капитаномъ Линдبلادтомъ, для этой цѣли, лично было выпущено до ста двадцати патроновъ), то турки, стали понемногу покидать траншеи, а оставшіеся въ нихъ, стрѣляли лишь изъ боязни быть убитыми собственными же офицерами. Когда между нами и траншеями осталось не болѣе шаговъ 15-ти, то и остальные турки начали покидать траншеи, что конечно, придавало намъ еще болѣе смѣлости, и стрѣлки, съ офицерами впереди, съ неумолкаемымъ «ура!» взбѣжали на гору, ворвались въ траншеи и ударили въ штыки.—Турки бросились бѣжать къ сторонѣ Визинъ-кея, но тутъ подоспѣли казаки 2-го горско-моздокскаго полка, окружили бѣжавшихъ въ котловинѣ, между большими и малыми Ягнами и Визинъ-кеемъ, и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Честь занятія большой Ягны цѣликомъ досталась баталіону (17) и лишь нѣсколькимъ молодцамъ изъ охотниковъ мингрельскаго и несвижскаго полковъ, вмѣстѣ съ ихъ началь-

никами; она была занята нами въ девять часовъ утра. Большая Ягны, очень крутая и высокая, стоящая отдѣльно, гора, имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, вершина котораго обвита сплошною траншею. Вскорѣ насъ посѣтили корпусный командиръ генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, начальникъ колонны генераль Гейманъ, генераль фонъ-Шакъ и много другихъ начальствовавшихъ лицъ. Тотчасъ же успѣшили убрать раненыхъ и убитыхъ. Окончивъ это, баталіонъ построился на молебствіе, но такъ какъ при баталіонѣ священника небыло, то передъ образомъ Спасителя, подареннымъ баталіону Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгиней Ольгою Θεодоровною, стрѣлки вознесли теплыя молитвы Всевышнему. . . . Баталіонные пѣвчіе пропѣли народный гимнъ и, по убитымъ, „вѣчную память“.

Вслѣдъ за этимъ, часовъ въ 11-ть, по вынужденію ротными командирами жребію, 2-я и 3-я роты, подъ командою поручика Побыванца, двинулись на выручку батареи полковника Горковенко, на которую сильно насѣдали турки, наступающіе со стороны Хаджи-Вали. Смѣнивъ мингрельцевъ, поручикъ Побыванецъ, сразу открылъ очень частый и мѣткій огонь, заставившій турокъ скоро отступить и батарея полковника Горковенно получила возможность сняться съ позиціи и отойти назадъ; до прихода стрѣлковъ батарея эта понесла большой уронъ отъ ружейнаго огня. Къ 11-ти часамъ ночи, обѣ роты возвратились обратно на Ягны, гдѣ баталіонъ оставался весь слѣдующій день, 21-го числа.

22-го числа, мы спустились съ большой Ягны и отошли съ колонною генерала Геймана на Кабахъ-Тапу, не оставивъ послѣ себя на Ягны рѣшительно никого; послѣднею спустилась 4-я рота.

20-го сентября, въ баталіонѣ убитъ командовавший 4-ю ротою поручикъ Бавталовскій, контуженъ въ ногу подпоручикъ Латернеръ; изъ нижнихъ чиновъ убито: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 12-ть, ранено: унтеръ-офицеровъ 6-ть, рядовыхъ 55-ть и контужено унтеръ-офицеровъ 3 и рядовыхъ 7 (16).

За взятіе б. Ягны, баталіону прислана была черезъ окружный штабъ, отъ неизвѣстнаго лица, тысяча рублей, которую раздѣлили слѣдующимъ образомъ: участвовавшимъ въ дѣлѣ и оставшимся невре-

димыми было выдано по 1-му рублю, раненымъ—по три рубля, а семействамъ убитыхъ—по 10-ти рублей.

Оставивши большую Ягны, баталіонъ расположился на самомъ крайнемъ нашемъ правомъ флангѣ, у небольшой возвышенности Кабахъ-Тапы, имѣя передъ собою большую и малую Ягны. Новая позиція представляла много весьма чувствительныхъ неудобствъ, такъ на примѣръ: на разстояніи 10-ти—15-ти верстъ небыло воды, а для пищи она доставлялась за 15-ть верстъ изъ Кюрюкь-Дара; кромѣ того, позиція была открыта со всѣхъ сторонъ для подступовъ непріятеля, вслѣдствіе чего, тотчасъ по приходѣ, было обращено вниманіе на усиленіе ея. Съ значительнымъ рвеніемъ взялись стрѣлки за работу и, къ вечеру 23-го сентября, мы имѣли уже отлично устроенные ровики и траншеи; рабочими руководилъ, главнымъ образомъ, 1-го кавказскаго сапернаго баталіона подпоручикъ Коваленко.

27-го числа, въ 2 часа дня, было замѣчена какая-то суета въ турецкомъ лагерѣ подъ Суботаномъ и движеніе нашихъ войскъ со стороны Караяла къ этому селенію. Баталіонъ былъ готовъ всякую минуту двинуться. Въ 2¼ часа отъ генерала Геймана получено было приказаніе выступить къ Суботану, оставивъ лагерь и обозъ на Кабахъ-Тапѣ. Баталіонъ, въ боевомъ порядкѣ, будучи правофланговою частью наступательной нашей линіи, быстро подвигался впередъ, желая принять участіе въ новомъ дѣлѣ, но когда подошли къ суботанскому лагерю, перестрѣлка стала затихать и лишь нѣсколько шальныхъ пуль, съ визгомъ, прилетѣли къ намъ и шлепнулись на землю. Наступившая ночь водворила полную тишину. Баталіону приказано было остаться при генералѣ Гейманѣ. Ночь прошла спокойно.

Рано утромъ 28-го числа, командовавшій баталіономъ получилъ приказаніе двумя ротами занять большую Ягны, а двѣ другія, выслать на лѣвый флангъ въ сторожевую цѣпь; такимъ назначеніемъ баталіонъ былъ разбитъ на двѣ части, съ разстояніемъ между ними въ двѣнадцать верстъ. На большую Ягны пошли 2-я и 3-я роты подъ общемою командою командира 3-й роты капитана Линдбладта.

Когда названныя роты начали взбираться на гору, турки съ

Авлиара пустили по нимъ нѣсколько гранатъ, но изъ нихъ двѣ перелетѣли большую Ягны, а другія упали по близости, не причинивъ ни малѣйшаго вреда.

Заняли они гору около 11-ти часовъ утра; находившаяся тамъ казачья сотня немедленно спустилась съ горы и роты заняли траншеи къ сторонѣ Авлиара цѣпью, а резервъ расположился въ котловинѣ, на вершинѣ.—1-я и 4-я роты стали на лѣвомъ флангѣ боеваго расположенія, имѣя за собою верстахъ въ 2-хъ деревню Суботанъ. Простояли тутъ недолго.

Въ 4-ре часа вечера, генераль Гейманъ потребовалъ къ себѣ командовавшаго баталіономъ маіора Герича и приказалъ ему, съ первою и четвертою ротами двинуться на усиленіе ротъ бывшихъ на большой Ягны. (*) Въ половинѣ 6-го часа вечера, роты двинулись къ Ягны и лишь къ 8½ часамъ подошли къ горѣ. Большаго труда стоило дать знать на вершину о прибытіи своихъ; когда поднялись туда, то у всѣхъ отлегло отъ сердца и увѣренность, что теперь уже нельзя было вырвать изъ нашихъ рукъ Ягны, стала общою.

Въ этотъ же день, около 12-ти часовъ ночи, секретъ остановилъ казака и препроводилъ его къ намъ наверхъ; оказалось что казакъ былъ посланъ съ запискою отъ генерала Геймана, въ которой было сказано,—скротно, ночью, оставить большую Ягны и прибыть въ Суботанъ. Баталіонъ немедленно началъ собираться.

Въ полномъ порядкѣ, готовые ко всякой случайности, покинули мы, такимъ образомъ, большую Ягны, при взятіи которой лишились многихъ храбрыхъ товарищей-стрѣлковъ.

Въ 6-мъ часу утра, на слѣдующій день, т. е. 29-го числа, пришли въ Суботанъ, гдѣ и простояли до 3-го октября.

Въ этотъ промежутокъ времени, отъ баталіона два раза, ночью, выходили роты въ прикрытіе къ саперамъ, строившимъ батареи

(*) Движеніе ротъ было вызвано тѣмъ, что съ б. Ягны замѣчено наступленіе къ Ягнамъ, со стороны Визинъ-Кея, шести таборовъ и полка кавалеріи. При этой демонстраціи со стороны турокъ—съ Визинъ-Кея и съ Авлиара—сдѣлано было до б. Ягны нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ.

для дальнобойныхъ орудій.

3-го октября, рано утромъ, замѣтно было сильное движеніе въ лагерѣ у Турокъ къ сторонѣ Карса; баталіонъ, какъ и прочія части, немедленно сталъ въ ружье, а затѣмъ, вслѣдствіе полученнаго приказанія, двинулся на правый флангъ къ сторонѣ большой Ягны и вошелъ въ составъ колонны генерала Соловьева (18).

Утро было пасмурное и холодное; настроеніе людей—самое веселое; остроты на суетившихся турокъ и на пускаемыхъ ими, совершенно безвредныя для насъ, гранаты—вызывали, перазъ, веселый хохотъ.

Около 8-ми часовъ началось общее наступленіе. По распоряженію генерала Геймана баталіонъ назначенъ былъ въ резервъ, какъ бы въ наказаніе за то, что 20-го сентября, между прочимъ, не по своей винѣ, нѣсколькими минутами позже прибылъ къ его колоннѣ. Крайне прискорбно было оставаться въ резервѣ, но что же дѣлать, воля начальства!

Подходя къ назначенному мѣсту, баталіонъ перестроился по-ротно въ двѣ линіи и сталъ позади 1-го кавказскаго сапернаго баталіона.

Отсюда начали наступать къ Авліару, противъ котораго уже развернулись кавказскіе гренадеры. Эриванцы шли на правомъ флангѣ; ихъ 1-й баталіонъ развернулся противъ Визинъ-Кея, съ котораго, на встрѣчу ему, стройно наступали 6-ть таборовъ турокъ. Перестрѣлка шла самая оживленная; съ Авліара, на наступавшихъ гренадеръ, буквально лился свинцовый дождь. Къ намъ, стоявшимъ въ резервѣ, долетали лишь гранаты; но мы ужъ къ нимъ привыкли, а потому мало обращали на нихъ вниманія.

Колонна генерала Соловьева остановилась противъ Авліара такимъ образомъ, что сзади ея приходилась большая Ягны.

Противъ Авліара сосредоточена была масса нашихъ орудій; огонь ихъ былъ настолько мѣтокъ, что казалось будто Авліаръ преобразился въ вулканъ;—картина восхитительная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасная.

Тутъ, можно сказать, намъ впервые пришлось увидѣть стойкость турецкаго солдата; повидимому, нашъ адскій огонь ихъ не

смущалъ и они, какъ бы прикованные къ землѣ, продолжали стрѣльбу еще съ большимъ ожесточеніемъ; бѣлый дымъ изъ траншеи опоясывалъ до послѣдней минуты неуступнаго гиганта Авліара.

Видно было, какъ съ Аладжи сѣвши кѣ туркамъ подкрѣпленія. Съ Визинъ-Кея, съ этою-же цѣлью, шли къ Авліару шесть сильныхъ, свѣжихъ таборовъ, насѣдавшихъ сильно на эриванцевъ, желая пробиться къ своимъ. Эриванцы, быстро разстрѣлявъ свои патроны, остались на мѣстѣ, не подавшись ни шагу назадъ. Вѣсть, о тяжеломъ положеніи 1-го баталіона эриванцевъ мигомъ долетѣла до насъ и командовавшій баталіономъ маіоръ Геричъ, не получивъ еще на то приказанія, повелъ баталіонъ на выручку, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять на себя и ударъ, направленный на нашихъ кунаковъ-эриванцевъ.

Только тогда, когда мы подходили къ котловинѣ, лежащей между большою Ягны, визинъ-кейскимъ плато и Авліаромъ, получено было приказаніе отъ генерала Геймана, баталіону идти на выручку эриванцевъ. Съ Авліара турками было замѣчено наше движеніе противъ ихъ послѣдняго оплота — поддержки съ Визинъ-Кея, и тутъ-то, послѣдняя злость защитниковъ Авліара, обрушилась на насъ: свинцовыми тучами осыпали они баталіонъ, теряя надежду на свое спасеніе. Огонь ихъ былъ такъ мѣтокъ и силенъ, что при этомъ движеніи, въ какія нибудь нѣсколько минутъ, мы лишились четырехъ офицеровъ и многихъ нижнихъ чиновъ: въ это время, былъ убитъ прапорщикъ Ковальскій; ранены: подпоручикъ Алексѣевъ—въ голову, прапорщикъ Шмидтъ—въ ногу и контуженъ въ ногу подпоручикъ Купцовъ. Убито нижнихъ чиновъ: унтеръ-офицеровъ—2, рядовыхъ—7 и ранено: унтеръ-офицеровъ—6 и рядовыхъ—46 (19).

Выбѣжавъ изъ котловины, баталіонъ, немедля разсыпалъ густую цѣпь, которая открыла весьма частый огонь по наступавшимъ таборамъ. Огонь произвелъ желаемое дѣйствіе: турки, насѣдавшіе на эриванцевъ, остановились, а потомъ, очень скоро, принуждены были повернуть обратно, восвояси, на Визинъ-Кей. Защитники Авліара, видя это,—дрогнули и стали по немногу при-

подниматься и выходить изъ траншей, отчего огонь ихъ сталъ замѣтно слабѣть. Пользуясь этимъ, наши войска, атаковавшія Авліаръ, разомъ поднялись и ринулись впередъ; раздалось могучее „ура!“.

Турки окончательно разстроились. Густою массою бросились они бѣжать внизъ съ горы къ Визинъ-Кею, но и тутъ встрѣтили препятствіе: лѣвый флангъ нашей цѣпи, неимѣя уже передъ собою непріятели и угадавъ намѣреніе бѣжавшихъ, бросился имъ на перерѣзъ (*) и заставилъ бѣглецовъ податься къ оврагу и бѣжать къ сторонѣ Аладжи. Наступалъ уже полдень.

Авліаръ былъ взятъ (20). На немъ уже развѣвались русскія знамена и неумолкавшее „ура!“ огласило окрестности. . . На душѣ каждаго стало легко.

Баталіонъ продолжалъ движеніе. Мы, съ саперами, стройно двинулись на Визинъ-Кей, а подоспѣвшая артилерія открыла огонь по этой возвышенности. Турки съ Визинъ-Кея отвѣчали лишь ружейною пальбою, но вскорѣ огонь ихъ сдѣлался рѣже и въ траншеяхъ началась бѣготня; турки выскакивали изъ нихъ и бросались влѣво, къ сторонѣ Карса. Вслѣдъ за этимъ, мы увидѣли нашу кавалерію, ворвавшуюся на Визинъ-Кей. Драгуны, изъ обходной колонны генерала Лазарева, первые заняли его—послѣднюю опору турокъ, которые бѣжали къ Карсу. Часть ихъ была изрублена,—часть окружена и захвачена въ плѣнъ.—И съ Визинъ-Кеемъ было покончено! . . . На Аладжѣ, цѣлые таборы находились у насъ въ плѣну. Къ вечеру на Визинъ-Кей собрались войска, куда вскорѣ прибылъ корпусный командиръ, а позднѣе и Е г о И м п е р а т о р с к о е В ы с о ч е с т в о Главнокомандующій Армію.

Отъ баталіона, равно какъ и отъ прочихъ частей, были выставлены аванпосты; остальные люди были наготовѣ.

Ночью, у насъ, огней нигдѣ не было видно; вездѣ царствовали мракъ и тишина;—что ожидало насъ впереди, никто не зналъ. . . . Но вотъ, въ 2 часа ночи, облетѣла всѣхъ радостная вѣсть: на

(*) Съ прапорщикомъ Дегтянниковымъ и вольноопредѣляющимся (нынѣ прапорщикомъ) Рѣзуновымъ.

Аладжѣ армія Мухтара-паши сдалась въ плѣнь и уже отъ турокъ отбиралось оружіе, а самъ Мухтаръ-паша и многіе начальники бѣжали въ Карсъ. Такимъ образомъ закончился достославный и памятный для насъ день 3-го октября.

4-го октября, плѣнная армія, на Визинъ-Кеѣ, была представлена Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему кавказскою арміею и, послѣ сего, направлена въ городъ Александрополь. Въ этотъ день на самомъ Визинъ-Кеѣ были оставлены только нѣсколько частей, въ числѣ коихъ и нашъ баталіонъ, а остальные—были расположены въ окрестностяхъ. Подъ вечеръ баталіонъ двинулся въ деревню Визинъ-Кей, гдѣ и долженъ былъ остаться до послѣдующихъ распоряженій. По дорогѣ къ деревнѣ, мы видѣли печальныя послѣдствія войны: по сторонамъ дороги валялись массы турецкихъ труповъ; мѣстами попадались раненые изнемогавшіе отъ истощенія, которые при видѣ русскихъ притворялись мертвыми; встрѣчались и легко раненые, умолявшіе насъ о помощи. . . . Но чѣмъ могли мы имъ помочь, когда при насъ не было ни обоза для ихъ перевозки, ни воды для утоленія жажды этихъ несчастныхъ страдальцевъ; только одного изъ нихъ удалось посадить въ лазаретную фуру, биткомъ набитую своими.

5-го октября баталіонъ оставался въ деревнѣ Визинъ-Кей, подъ сильнымъ дождемъ. Въ 7-мь часовъ утра, 7-го числа, мы, съ колонною генерала князя Щербатова, выступили въ Магараджикъ, чтобы тамъ присоединиться къ колоннѣ генерала Геймана, двинувшейся къ сторонѣ крѣпости Карса, но неимѣя проводника пропутали порядкомъ, въ концѣ же концовъ, напали на дорогу и прибыли въ назначенное мѣсто.

8-го октября, въ Магараджикѣ, Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему благоугодно было навѣсить знаки отличія военнаго ордена нижнимъ чинамъ, особенно отличившимся въ дѣлѣ 3-го октября (21).

ГЛАВА VI.

Переходъ въ большую Тикму къ ставкѣ Е го В ы с о ч е с т в а. Ночная рекогносцировка 1-й роты къ Карсу. Лихое дѣло кутансцевъ у Хафиса. Переходъ въ Веранъ-Кала. Отмѣненный штурмъ крѣпости Карса 1-го ноября. Штурмъ и взятіе Карса—въ ночь съ 5-го на 6-е ноября; потери баталіона. Переходъ баталіона въ Карсъ. Георгіевскій праздникъ. Производство унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся въ прапорщики.

10-го октября баталіонъ перешелъ въ селеніе Большую Тикму и, расположившись лагеремъ возлѣ ставки своего Августѣйшаго Шефа, вошелъ въ составъ колонны генерала Роона.

13-го числа, получено было приказаніе какъ можно чаще высылать на ночь къ Карсу охотниковъ, чтобы тревожить турокъ. Въ охотники, роты выходили по очереди, всегда въ полномъ составѣ.

Первою, съ этою цѣлью, пошла рота Е го В ы с о ч е с т в а. 17-го, въ сумерки, оставивъ лагерь и перейдя мостъ черезъ рѣку Карсъ-Чай, рота двинулась по направленію къ Карсу, чтобы подойти для рекогносцировки къ деревнѣ Кечикъ-Кей. Въ полной тишинѣ, около часу ночи, рота перешла небольшой деревянный мостъ и подошла къ кладбищу. Командиръ роты разсыпалъ полувзводъ въ цѣпи и готовился уже отдать приказаніе открыть огонь, какъ вдругъ, правѣ цѣпи, раздался выстрѣлъ, пуля просвистала надъ головами и вслѣдъ за этимъ показалось нѣсколько небольшихъ колоннъ, шедшихъ на встрѣчу ротѣ. Увидѣвъ близкое присутствіе турокъ, ротный командиръ штабсъ-капитанъ Клименко, спокойно отвелъ роту обратно за мостъ, оставивъ на мѣстѣ лишь человекъ 10-ть стрѣлковъ-охотниковъ, вызвавшихся пострѣлять. Имъ было приказано выпустить по три патрона, а затѣмъ, быстро присоединиться къ ротѣ. Лишь только охотники открыли огонь, какъ турки отвѣтили страшною трескотнею со стороны Кечикъ-Кея и съ высоты находящейся на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая; пули, массою высоко проносились надъ головами; по присоединеніи охотниковъ рота стала отступать. Вскорѣ стрѣльба турокъ понемногу затихла, а когда мы отошли шаговъ на 900-ть, то и со-

всѣмъ прекратилась.

Тогда, для прикрытія обратнаго движенія, штабсъ-капитанъ Клименко оставилъ подпоручика Курочкина съ 30-ю стрѣлками и велѣлъ открыть огонь не прежде, какъ остальная часть роты отойдетъ отъ него шаговъ 150-ть. Занявъ по фронту шаговъ 100, цѣпь открыла огонь по направленію къ Кечикъ-Кею и Карсъ-Чаю. Тутъ опять со стороны турокъ засверкали огоньки и пули со свистомъ проносились черезъ цѣпь къ резерву; ясно было, что турки перешли въ наступленіе по лѣвому берегу Карсъ-Чая. Изъ опасенія быть обойденными, приказано было цѣпи прекратить огонь и присоединиться къ ротѣ. Такимъ образомъ, покончивъ свое дѣло, т. е. надѣлавъ тревогу у турокъ, рота, безъ потерь, возвратилась въ лагерь (*).

Вообще, во время подобныхъ ночныхъ рекогносцировокъ, въ баталіонѣ потерь не было.

24-го октября, весь день велась усиленная орудійная стрѣльба изъ крѣпости Карса и, особенно, изъ укрѣпленія Хафисъ-паша. Впрочемъ, турки также яростно громили съ Тохмаса, Карадага, Чима и другихъ фортовъ. Судя по огню, казалось, что они силились отразить чью нибудь атаку или попытку штурма Карса съ какой либо стороны. Намъ было завидно и досадно, что мы стоимъ безъ дѣла въ то время, когда другіе заняты такою жаркою работою, но, наконецъ, огонь сталъ затихать и ночью до насъ дошли слухи, будто охотники кутаисскаго полка взяли укрѣпленіе Хафисъ.—На другой день положительно сдѣлалось извѣстнымъ, что баталіонъ кутаисцевъ, выйдя на рекогносцировку Хафиса, увлекшись, ворвался въ укрѣпленіе и занялъ его, взявъ въ плѣнъ многихъ офицеровъ и солдатъ, а при отступленіи, кромѣ того, унеся замки отъ турецкихъ орудій. Послѣ лихаго и отважнаго дѣла кутаисцевъ въ Хафисѣ, ночныя

(*) Кромѣ рекогносцировки роты Его Высочества къ Кечикъ-Кею, — каждую ночь, всѣ роты по очереди, ходили до подножія шоракскихъ высотъ, гдѣ, вызванные охотники, приближась на ружейный выстрѣлъ къ турецкимъ аванпостамъ, открывали огонь, послѣдствіемъ чего была у турокъ общая тревога и усиленная пальба по всей линіи ихъ аванпостной цѣпи, занимавшей мѣстность впереди укрѣпленія Тохмась, селенія Кечикъ-Кей и укрѣпленія Канлы.

прогулки къ Карсу стали учащаться. Осадная артилерія, главнымъ образомъ, усилила свои дѣйствія противъ фортовъ Хафисъ и Канлы.

Съ каждымъ днемъ, увѣренность въ скоромъ штурмѣ и паденіи Карса росла среди насъ; у нижнихъ чиновъ настроеніе было самое воинственное.

28-го числа, ставка Е го В ы с о ч е с т в а Главнокомандующаго и штабъ командовавшаго корпусомъ были переведены ближе къ Карсу,—къ деревнѣ Веранъ-Кала. Баталіонъ перешелъ также и сталъ лагеремъ на дорогѣ, ведущей въ Карсъ. Отсюда, опять, команды охотниковъ продолжали ходить по ночамъ къ Карсу.

1-го ноября, въ 5-мъ часу вечера, баталіонъ, подъ командою маіора Герича, выступилъ изъ лагеря по направленію къ Карсу и по дорогѣ присоединился къ колоннѣ генераль-маіора графа Граббе. Въ ночь назначенъ былъ штурмъ Карса. Погода, послѣднее время, стояла дождливая, сырая земля отъ частыхъ дождей размокла, сдѣлалась рыхлою; ходить было тяжело и скользко, а въ этотъ день, кромѣ того, съ вечера и всю ночь шелъ мокрый снѣгъ. Но мы не унывали и шли бодро и весело на соединеніе съ колонною графа Граббе. Соединившись, мы остановились и цѣлую ночь, вплоть до утра, не трогались съ мѣста, ожидая приказанія, когда, наконецъ, узнали объ отмѣнѣ штурма. Баталіонъ, временно, былъ отведенъ назадъ, въ сторону, и сталъ за горою у скалы, причемъ было приказано людямъ на гору не выходить и вообще отнюдь не показываться туркамъ.

Цѣлую ночь провели мы у сел. Караджуранъ подъ мокрымъ снѣгомъ, который тяжелыми хлопьями шелъ непрерывно всю ночь съ 1-го на 2-е ноября.—Солдаты, кучками въ 10—12 человекъ, лежились на землю, распаханную для посѣвовъ и совершенно размокшую, близко другъ къ другу, дабы согрѣться и хотя на нѣсколько минутъ уснуть; большинство же всю ночь ходило взадъ и впередъ, согрѣваясь трубочками и развлекааясь разказами и прибаутками—и это все въ ожиданіи разсвѣта и штурма, который на этотъ разъ, какъ узнали позже, былъ отложенъ. Офицеры нашли временный пріютъ подъ шатромъ маркитанта, гдѣ согрѣлись чаемъ,

изъ грязной воды съ изюмомъ, вмѣсто сахара.

Въ подобной обстановкѣ, въ ожиданіи приказаній, мы простояли четверо сутокъ.

Наконецъ, 5-го ноября, около 4-хъ часовъ пополудни, стало извѣстно, что въ предстоящую ночь назначенъ штурмъ. День былъ хорошій, ясный и морозный.

Въ 6-ть часовъ вечера баталіонъ двинулся ⁽²²⁾ и въ 7-мь часовъ подошелъ къ лагерю перновскаго полка, гдѣ находился въ то время и генераль-лейтенантъ Лазаревъ. Тутъ мы были встрѣчены начальникомъ бригады свиты Его Величества генераль-майоромъ Гурчинымъ и глубоко тронуты прочувствованными словами, обращенными имъ къ баталіону.

Отъ баталіона отдѣлилась впередъ 4-я рота, въ видѣ охотниковъ; ей приказано было, по возможности, не открывать огня.

Старый боевой ротный командиръ 4-й роты капитанъ Бейнартъ, собралъ роту въ тѣсный кружокъ, напомнилъ людямъ о данной ими присягѣ, обратилъ ихъ вниманіе на то, какъ слѣдуетъ держаться и дѣйствовать въ ночномъ дѣлѣ, и, пожелавъ полного успѣха, перекрестясь, двинулся въ путь.

Къ 8-ми часамъ, вся колонна графа Граббе вытянулась по направленію къ укрѣпленію Канлы и ожидала лишь приказанія начать боевое движеніе. Въ это время подѣхалъ къ намъ генераль Лазаревъ, поздоровался съ баталіономъ, увѣренно поздравилъ съ успѣхомъ и далъ совѣтъ начальникамъ соблюдать строжайшую тишину.

Безъ звука, въ строгомъ порядкѣ, двинулась колонна графа Граббе, имѣя назначеніе штурмовать фортъ Канлы.

Миновавъ наши батареи съ осадными орудіями, баталіонъ перестроился поротно, въ двѣ линіи, имѣя 2-ю и 3-ю роты въ первой, а роту Его Высочества во второй линіи.

Послѣ часоваго движенія, со стороны укрѣпленія Сувари слышались первые выстрѣлы. Въ мигъ, все передъ нами было словно залито огнемъ, но съ нашей стороны нѣтъ отвѣтныхъ выстрѣловъ—тишина полная; прошло еще нѣсколько минутъ, мы двигались молча, подаваясь лѣвымъ плечемъ все болѣе и болѣе впередъ.

Но вотъ у Сувары раздалось побѣдоносное „ура!“ . . . Къ нашему горю, части шедшія за нами подхватили его и тѣмъ обнаружили движеніе колонны графа Граббе;—градъ пуль и масса гранатъ были отвѣтомъ на ихъ несвоевременные возгласы. Много труда стоило графу Граббе водворить тишину, чтобы какъ можно ближе подойти къ укр. Канлы.

4-я рота, свято выполняя данную ей задачу, безъ выстрѣла подошла къ траншеѣ, перешла волчьи ямы, и, быстро и смѣло, съ крикомъ „ура!“, бросилась и опрокинула защитниковъ ея. Тотчасъ же остальные роты быстро двинулись впередъ и перейдя волчьи ямы и траншеи, вышли немного лѣвѣе укр. Канлы, а здѣсь, повернувъ направо по траншеѣ, направились къ батарее, подъ страшнымъ огнемъ съ нея и изъ оборонительной казармы.

Имѣя во главѣ храбраго маіора Герича, ринулись мы на батарею и штыками опрокинули турокъ, но тутъ же, къ несчастью, и лишились этого лихаго штабъ-офицера, поднятаго на штыки низамами. Очистивъ батарею отъ турокъ и вынувъ замки изъ орудій, мы направились дальше, во внутрь укрѣпленія. 4-я рота молодецки работала противъ оборонительной казармы. Турецкая артиллерійская прислуга была вся перебита и переколота; остальные турки, засѣвшіе въ казармѣ, осыпали пулями нашу 4-ю роту, бросали ручныя гранаты, громили насъ 4-мя мортирами, бывшимъ наверху оборонительной казармы, и недумали о сдачѣ, такъ что дѣло, въ перестрѣлкѣ, длилось до 2-хъ часовъ ночи. Къ этому времени огонь изъ казармы сталъ настолько слабѣть, что явилась возможность вступить съ непріателемъ въ переговоры. На брустверѣ втащили одного плѣннаго турка и заставили его кричать, чтобы бывшіе въ оборонительной казармѣ сдались, за что имъ обѣщали пощаду. Въ отвѣтъ на это, изъ оконъ казармы раздался залпъ. Немного времени спустя, плѣнному снова велѣно было начать переговоры, на что въ отвѣтъ турки послали лишь нѣсколько выстрѣловъ; наконецъ, въ третій разъ, когда начались переговоры, то уже изъ казармы послышался отвѣтный голосъ, и, всѣ бывшіе въ ней турки, паша, много офицеровъ и до 250-ти человекъ солдатъ, сдались, а съ этимъ вмѣстѣ и сильный фортъ Канлы, въ смыслѣ

обороны, покончилъ свое существованіе.

Плѣнныхъ турокъ отправили, подѣ конвоемъ перновцевъ, назадъ къ резервамъ, а баталіонъ остался въ укрѣпленіи въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Начальникъ колонны графъ Граббе, былъ убитъ въ то время, какъ баталіонъ ворвался въ укрѣпленіе Канлы.

Въ 9-ть часовъ утра подъѣхалъ къ Канламъ корпусный командиръ, и, поздравивъ баталіонъ съ блестящею побѣдою, объявилъ о паденіи крѣпости Карса. Слезы радости были видны на лицахъ его окружавшихъ. Отъ насъ генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ поѣхалъ въ Карсъ. Въ Канлахъ баталіонъ оставался до 2-хъ часовъ дня, а затѣмъ, вернулся обратно въ лагерь въ Веранъ-Кала, гдѣ оставался до 10-го числа (*). Потери наши въ эту достопамятную ночь были слѣдующія: убиты—маіоръ Геричъ и штабсъ-капитанъ Клименко; ранены—капитанъ Линдблатъ, въ грудь на вылетѣ, подпоручикъ Курочкинъ, въ голову и, контуженъ подпоручикъ Убиновъ въ ногу.

Нижнихъ чиновъ: убито—унтеръ-офицеровъ 4, рядовыхъ 26, ранено—унтеръ-офицеровъ 9, горнисть 1, и рядовыхъ 59 (23).

8-го ноября, на площади города Карса, близъ госпиталя, было совершено благодарственное молебствіе въ присутствіи Главнокомандующаго кавказскою арміею, при сборѣ всѣхъ войскъ, геройски взявшихъ эту твердыню (24).

10-го числа, въ 12-ть часовъ дня, баталіонъ, забравъ палатки, обозъ и всѣ вещи перешелъ въ городъ Карсъ, для содержанія караула около дома, занятаго Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ, подѣ началь-

(*) Послѣ смерти маіора Герича и за болѣзнию старшаго послѣ него офицера въ баталіонѣ капитана Вейнарда, отморожившаго въ эту ночь себѣ ноги, временное командованіе баталіономъ было поручено—по приказанію начальника кавказской стрѣлковой бригады—исправлявшему, въ то время, должность завѣдывающаго хозяйствомъ штабсъ-капитану Кирпотину, а отъ сего послѣдняго, черезъ три дня, велѣно было принять баталіонъ бывшему адъютанту Его Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею, вышѣ командиру баталіона, капитану барону Зальца.

ствомъ вновь назначеннаго командующимъ баталіономъ, состоявшаго при Его Высочествѣ, лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона, капитана барона Зальца. Въ городѣ нижніе чины были расположены въ казармѣ, рядомъ съ домомъ Главнокомандующаго, а офицерамъ были отведены квартиры. Тотчасъ же по прибытіи въ казармы, было приступлено къ приведенію ихъ въ порядокъ и должную чистоту. По исправленіи печей, нижнимъ чинамъ, во все время пребыванія въ Карсѣ, выпекался свѣжій хлѣбъ, аккуратно, два раза въ день, выдавалась горячая пища, а кромѣ того, два или три раза въ недѣлю, готовилась и каша.

Послѣ долгой бивуачной жизни, стрѣлки просто блаженствовали: со взятіемъ крѣпости Карса, военныя дѣйствія приостановились и наша жизнь потекла обыкновеннымъ мирнымъ порядкомъ; можно было позабыть не только что мы находимся въ Турціи, но даже и то, что незадолго до настоящей обстановки было столько пролито крови, чтобы достигнуть подобнаго спокойствія; позабыты были и страданія и мученія и громадныя труды перенесенныя каждымъ изъ насъ. Помѣщеніе было теплое, сухое, свѣтлое. Переходъ отъ прежней бивуачной жизни былъ настолько рѣзокъ, что казалось, будто мы живемъ въ своей штабъ-квартирѣ! Приступлено было къ починкѣ и исправленію оружія, аммуниціи, одежды, обуви и, черезъ недѣлю, стрѣлки стояли въ караулѣ, можно сказать, щеголями.

Случаи заболѣванія нижнихъ чиновъ были очень рѣдки.

26-го числа, въ день кавалерскаго праздника ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія, былъ парадъ, на которомъ отъ баталіона участвовали бывшіе на лицо 133-ри георгіевскихъ кавалера. На парадѣ присутствовали Его Императорское Высочество Главнокомандующій кавказскою арміею и всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, находившіеся въ Карсѣ. Послѣ парада, всѣ георгіевскіе кавалеры собрались на обѣдъ, устроенный въ особо отведенномъ домѣ. За обѣдомъ, Его Высочествомъ былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Государа Императора. Загремѣло «Боже Царя Храни» и домъ огласился востор-

женнымъ и долгимъ «ура!» Вслѣдъ за этимъ, командовавшимъ дѣйствовавшимъ корпусомъ генераль-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Его Высочества Главнокомандующаго, побѣдителя крѣпости Карса; раздалось «ура!», откликнулось оно въ сердцахъ присутствовавшихъ и повторялось громко, торжественно и долго. Затѣмъ, Его Высочество изволилъ провозгласить тостъ за славу кавказской арміи и въ короткихъ, но теплыхъ словахъ выразить Свою благодарность за геройскую службу. «Ура! ура!».. долго гремѣвшее, было отвѣтомъ Августѣйшему Главнокомандующему.

По окончаніи обѣда, Его Высочество, тутъ же, поздравилъ съ производствомъ въ чинъ прапорщика, за оказанныя военныя отличія, унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся. Изъ баталіона были произведены: Вячеславъ Рѣзуновъ, Василій Левницкій и Иванъ Сергѣевъ.

ГЛАВА VII.

Отъездъ Его Высочества Главнокомандующаго. Выступленіе баталіона изъ Карса и прибытіе въ составъ войскъ ардаганскаго отряда. Арданучъ. Движеніе къ Артвину. Турецкіе парламентары. Встрѣча новаго года. Движеніе и занятіе горы Аджи-Алма, 2-го января. Подвигъ рядоваго Ткачева.

На другой день, т. е. 27-го, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ отбыть въ г. Тифлисъ. Въ этотъ же день было получено приказаніе, баталіону быть готовому къ выступленію 28-го числа въ г. Ардаганъ, гдѣ онъ долженъ былъ войти въ составъ войскъ ардаганскаго отряда, оперировавшаго противъ Батума, подъ начальствомъ генераль-маіора Комарсва.

28-го числа, въ 8-мь часовъ утра, баталіонъ выступилъ (*). Люди имѣли на себѣ четырехдневный запасъ сухарей, а остальное количество было въ обозѣ. Изъ Карса приказано было забрать рѣшительно всѣ вещи,—слѣдовательно возвращенія нашего сюда не предполагалось.

Погода 28-го была превосходная, день солнечный и теплый. На ночлегъ баталіонъ прибылъ въ сел. Мацра, послѣ перехода въ 13-ть верстъ и размѣщенъ былъ въ сакляхъ. По выходѣ изъ Мацра, на подорогѣ, на привалѣ, мы узнали радостную вѣсть о паденіи Плевны, отъ одного жителя возвратившагося изъ Карса. Желая удостовѣриться въ истинѣ сего извѣстія, капитанъ баронъ Зальца отправилъ въ Карсъ нарочнаго, который догналъ баталіонъ на слѣдующемъ переходѣ, съ подтвержденіемъ этого факта. По объявленіи сего чинамъ баталіона, „ура!“ огласило окрестности. Съ сіяющими и веселыми лицами вошли мы въ с. Джелаусъ, на ночлегъ, сдѣлавъ переходъ въ 11-ть верстъ. 30-го былъ ночлегъ и дневка въ с. Кырыхъ-Килиса, переходъ 15-ть верстъ. 2-го де-

(*) Послѣ выбытія многихъ офицеровъ изъ строя при штурмѣ Карса, въ баталіонѣ произошли слѣдующія перемѣщенія должностныхъ лицъ: командиромъ 1-й роты назначенъ былъ подпоручикъ Габаевъ 2-й, бывшій квартирмейстеръ, на его должность—прапорщикъ Шмидтъ, командирами ротъ—3-ей прапорщикъ Картвеловъ, 4-й—прапорщикъ Убиновъ и баталіоннымъ адъютантомъ—прапорщикъ Преображенскій.

Авт.

кабря, баталіонъ прошелъ 15-ть верстъ до с. Омеръ-Ага, 3-го—былъ ночлегъ въ Гельгали, переходъ 14-ть верстъ, а 4-го, черезъ Геляверды, баталіонъ, сдѣлавъ переходъ въ 16-ть верстъ, прибылъ въ г. Ардаганъ. 5-го оставались цѣлый день въ Ардаганѣ, а 6-го должны были двинуться далѣе къ г. Арданучу, гдѣ находился начальникъ отряда генераль-маіоръ Комаровъ 4-ый.

Колесный обозъ былъ оставленъ въ Ардаганѣ; двинулись съ выюками, такъ какъ дорога къ Арданучу шла, большею частью, узкою горною тропою; притомъ приходилось переваливать черезъ хребетъ Яланусъ-Чамъ (9-ть тысячъ футовъ высоты), который, въ это время года, былъ покрытъ весьма глубокимъ снѣгомъ.

Послѣ трехдневнаго марша, мы прибыли, 8-го декабря, въ Кинзотамаль—очень большое селеніе у подошвы Яланусъ-Чама. Недалеко отъ селенія, на возвышенности, находятся развалины замка, который, какъ говорили жители, принадлежалъ нѣкогда царицѣ Тамарѣ. 9-го декабря перевалили черезъ Яланусъ-Чамъ, въ с. Хева, гдѣ 10-го была дневка. Во время похода изъ Карса въ Ардаганъ, погода намъ благопріятствовала; дни стояли солнечные и довольно теплые, но съ выступленіемъ изъ Ардагана все это измѣнилось: подулъ сильный вѣтеръ со снѣгомъ, а на перевалѣ насъ застигла такая метель, что мы съ большимъ трудомъ подвигались, тѣмъ болѣе еще, что снѣгъ былъ чуть ли не выше колѣна. 11-го декабря ночлегъ былъ въ с. Гюляшенъ, а 22-го—баталіонъ, сдѣлавъ большой привалъ въ с. Хертвисъ,—къ вечеру прибылъ въ г. Арданучъ, послѣ перехода около 30-ти верстъ. Въ городъ баталіонъ не входилъ, а остановился внизу, подъ горою, на которой раскинутъ городъ. Здѣсь мы застали уже большую часть войскъ, составлявшихъ ардаганскій отрядъ; тутъ были части владикавказскаго, сева-стопольскаго и пятигорскаго полковъ, горная артилерія и часть лабинскаго казачьяго полка. Люди должны были быть размѣщены въ палаткахъ. Только что баталіонъ приступилъ къ разбивкѣ бивуака, какъ пріѣхалъ начальникъ отряда генераль-маіоръ Комаровъ. Баталіонъ быстро построился встрѣтить своего начальника, который, поздоровавшись „съ молодцами стрѣлками“, въ короткой, но сильной рѣчи, выразилъ свою надежду и увѣренность, что баталіонъ и подъ его на-

чальствомъ съумѣеть оправдать ту боевую славу, которою онъ пользовался до сего времени. „Постараемся ваше превосходительство“—быль отвѣтъ и дѣйствительно постарались, какъ должно.

Офицерамъ, генераль выказаль полное вниманіе, пригласивъ насъ всѣхъ къ себѣ на ужинъ, въ квартиру, занимаемую имъ въ самомъ городѣ.

Бивуакомъ мы стояли до 16-го декабря, когда баталіонъ былъ переведенъ въ Арданучъ и размѣщенъ по квартирамъ. Здѣсь простояли мы до 29-го числа.

Въ эти 13-ть дней были устроены хлѣбопекарныя печи, была сдѣлана временная баня, какъ для офицеровъ, такъ и для нижнихъ чиновъ, потому что, хотя въ городѣ и была баня, но пользоваться ею было нельзя, такъ какъ турки отступая отъ Ардануча отвели воду (идущую съ горъ окружающихъ городъ) единственнаго источника, снабжавшаго жителей водою въ особо устроенные бассейны. Внизу, у подошвы горы, на которой построень Арданучъ, протекаетъ небольшая рѣчка, такъ что съ отведеніемъ верхняго источника, жителямъ города пришлось носить воду изъ нея на себѣ, по очень крутому подъему; не мало затрудненій представляла эта носка. Г. Арданучъ расположенъ на террасахъ горы, изъ коихъ на самой верхней, стоятъ уцѣлѣвшія развалины крѣпости, напоминающей собою царствованіе Тамары. Самый городъ не представляетъ ничего выдающагося, и, какъ всѣ азіатскіе города, носитъ особый отпечатокъ: архитектура домовъ дикаго азіатскаго вкуса, стекло въ употребленіи нѣтъ, улицы узки, кривы и содержатся крайне грязно. Впрочемъ, съ приходомъ нашихъ войскъ, на улицахъ появилась чистота. Населеніе большею частью состоитъ изъ армяно-католиковъ, имѣющихъ свою церковь,—всѣ требы которой совершаются, живущими тутъ-же, двумя священниками.

Жители были весьма довольны приходу русскихъ и были къ намъ даже внимательны, особенно же въ первое время нашего появленія. . . . Избавившись отъ турецкихъ властей, они зажили спокойнѣе; наши власти относились къ населенію гуманно, за все взятое платились деньги, поэтому, очень скоро, открылись лавки и торговля закипѣла.

Служба баталіона заключалась въ томъ, что ежедневно, ночью, высылались патрули и обходы. Подъ конецъ намъ стала надоѣдать этого рода служба и всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали начала военныхъ дѣйствій.

Въ концѣ декабря, къ намъ прибыли офицеры стрѣлковыхъ баталіоновъ, прикомандированные на пополненіе выбывшихъ: 4-го баталіона поручикъ Кликовичъ, 5-го — штабсъ-капитанъ Евглевскій и 8-го — штабсъ-капитанъ Федяй; изъ нихъ вступили къ командованію ротами Евглевскій 4-ю, а Федяй 3-ю.

Наконецъ, мы дождались радостнаго дня, — 29-го было назначено, общее всему отряду, движеніе къ г. Артвину.

Наканунѣ было получено приказаніе: 29-го рано утромъ, баталіону выступить по направленію къ дер. нижній Баца (въ 3-хъ верстахъ отъ Ардануча), за которою, по полученнымъ свѣдѣніямъ, находился непріятель, довольно большими силами занимавшій вершины горъ.

Баталіонъ выступилъ въ 7-мь часовъ утра (25). Придя въ Баца, мы остановились, по слѣдующей причинѣ: одинъ изъ жителей деревни заявилъ, что за горою, впереди деревни, турецкіе парламентары ожидаютъ генерала Комарова, чтобы сообщить ему о перемиріи, заключенномъ между Россією и Турцією. Хотя до насъ еще не доходило это извѣстіе, показавшееся всѣмъ намъ не совсѣмъ то вѣроятнымъ, но парламентары, офицеръ и 3 унтеръ-офицера, принятыя начальникомъ отряда, такъ увѣряли, показывая даже бумагу, полученную изъ Батума отъ Дервишъ-паши, что движеніе наше было приостановлено и генераль Комаровъ послалъ телеграмму въ Тифлисъ къ начальнику штаба кавказской арміи, съ просьбою о разъясненіи этого извѣстія. Мы расположились на ночлегъ въ дер. нижній Баца, получивъ приказаніе не двигаться до особаго распоряженія.

30-го, т. е. на другой же день, былъ полученъ отвѣтъ отъ начальника штаба генераль-лейтенанта Павлова, съ увѣдомленіемъ, что никакого перемирія съ Турцією заключаемо небыло, о чемъ, конечно черезъ нашихъ парламентаровъ, немедленно было сообщено туркамъ.

Нужно сказать, что все время пока турецкіе парламентары

вели переговоры съ начальникомъ отряда, непріятель занявъ окружающія дер. Баца высоты, не прекращалъ ружейной стрѣльбы, къ благополучію нашему, безвредной. Стрѣльба эта показалась намъ конечно очень странною, тѣмъ болѣе, что вѣдь парламентареры присланы были отъ турокъ же, т. е. съ той стороны, откуда производилась стрѣльба, слѣдовательно, трудно было предположить, чтобы стрѣлявшіе не знали о предметѣ и ходѣ переговоровъ. Когда получился отвѣтъ изъ Тифлиса, то стало ясно, что турки выдумали это перемиріе, съ цѣлью продлить и выиграть время, въ виду нашего наступленія.

31-го декабря, вечеромъ, всѣ офицеры собрались у командовавшаго баталіономъ, встрѣтить наступающій новый 1878-й годъ. Собравшись, поужинали и ожидали 12-ти часовъ, чтобы пожелать другъ другу полного и счастливаго успѣха въ дѣлахъ и въ будущемъ году. Настала полночь; всѣ встали, самымъ дружескимъ образомъ, какъ слѣдовало хорошимъ товарищамъ, пожали другъ другу руки, съ истиннымъ пожеланіемъ отличій, боевой славы и прочаго; затѣмъ разговоръ шелъ самый задушевный, каждый дѣлился впечатлѣніями пережитыхъ дней прошедшаго года. . . . Разказы и воспоминанія были прерваны появленіемъ казака отъ начальника отряда съ диспозиціею и приказаніемъ баталіону выступить въ 5-ть часовъ утра, и, войдя въ составъ колонны подполковника Юсселиани, двигаться по правому берегу р. Арданучъ-Чая, къ турецкой караулкѣ— въ 3-хъ верстахъ отъ дер. Баца. Караулка находилась при началѣ вновь разрабатываемаго турками шоссе, ведущаго черезъ городъ Артвинъ къ Батуму и была занята турецкимъ пикетомъ. Одновременно, другая колонна, командира севастопольскаго полка полковника князя Чавчавадзе, должна была наступать по лѣвому берегу Арданучъ-Чая, а колоннѣ маіора Ульянова велѣно было занять, — двигаясь въ обходъ, западнѣе Баца, — гору Аджи-Алма, прикрывавшую деревню Джого съ сѣверовосточной стороны.

Получивъ такое приказаніе, офицеры тотчасъ же разошлись и каждый началъ дѣлать приготовленія къ выступленію.

1-го января, съ разсвѣтомъ, баталіонъ былъ построенъ и двинулся изъ деревни Баца къ назначенному пункту. По выходѣ

изъ деревни, баталіонъ перестроился въ ротныя колонны и выслалъ цѣпь. Дорога шла мелкимъ кустарникомъ. Часовъ около 7-ми, пошелъ довольно сильный снѣгъ. По приближеніи къ караулкѣ, по приказанію командовавшаго баталіономъ, двѣ роты съ цѣпью были выдвинуты впередъ; цѣпь заняла мѣстность подь тупымъ угломъ, такимъ образомъ,—что одна половина направилась на караулку, а другая—немного поднявшись, заняла скать горы Аджи-Алма. Какъ только цѣпь начала подходить къ разрабатываемому шоссе, турки встрѣтили ее ужаснымъ огнемъ, и завязалась сразу горячая перестрѣлка; постъ, находившійся въ караулкѣ, бѣжалъ и она немедленно была занята стрѣлками. Отъ караулки шелъ спускъ по горѣ зазгагами. Дано было приказаніе наступать далѣе. Только что цѣпь начала огибать первый зигзагъ, какъ турки осыпали ее адскимъ огнемъ съ вершинъ скалъ, спереди и съ правой стороны шоссе; попавъ подь перекрестный огонь, стрѣлки припуждены были остановиться и залечь, пока не усмотрѣно было другаго пути для движенія; спускаться же, подь такимъ страшнымъ огнемъ, по зигзагамъ, внизъ—было невысказуемо. На бѣду, снѣгъ пересталъ и спустился такой туманъ, что въ 10-ти шагахъ трудно было различать предметы; только, изрѣдка, когда туманъ проносило вѣтромъ, мы могли различать скалы и сидѣвшихъ на нихъ турокъ; однако, несмотря на это, съ обѣихъ сторонъ завязывалась самая оживленная перестрѣлка.

Опредѣлить точно численность встрѣтившаго насъ непріятеля было трудно, но, судя по выстрѣламъ, можно было заключить, что мы имѣемъ противъ себя значительныя турецкія силы. Вскорѣ прибылъ начальникъ отряда. Сдѣлалось извѣстнымъ, что колонна Ульянова, по темнотѣ ночи и вслѣдствіе тумана, къ сожалѣнію, не достигла цѣли вовремя, и, простоявъ нѣсколько времени надъ Горготоханомъ, вернулась обратно въ деревню Баца.

Гора Аджи-Алма имѣла очень важное значеніе и была тактическимъ ключемъ турецкой позиціи на правомъ берегу Арданучъ-Чая. Поэтому, рѣшено было приостановить движеніе по шоссе и часть колонны, повернувъ направо, поднять на гору Аджи-Алма. Подобнымъ маневромъ можно было обойти скалы за-

пятыя непріятелемъ, а въ случаѣ удачи и зайти ему въ тылъ, или же, заставить его отступить.

Движеніе это выпало на долю баталіона. Было приказано,—если вершина горы окажется занятою турками,—выбить ихъ отсюда и слѣдовать далѣе къ селенію Джого. Тотчасъ же, каждому стрѣлку было роздано по 120-ти патроновъ; карманы, надѣтые черезъ плечо башлыки,—все было наполнено патронами. Баталіонъ началъ подниматься на гору около 10-ти часовъ утра, сопровождаемый довольно сильнымъ огнемъ турокъ; а въ то время, когда туманъ разсѣивался и движеніе наше дѣлалось видимымъ, они насъ осыпали просто градомъ пуль. (*) Появились раненые, которыхъ надобно было отправлять въ д. Баца. Двигались крайне медленно, такъ что къ вечеру, когда уже совсѣмъ стемнѣло, баталіонъ, идя весь день безостановочно, достигъ только до полугоры. Тутъ пришлось остановиться и провести ночь на снѣгу, выбравъ мѣсто въ лѣсу.—Ночь была темная и очень холодная, а потому конечно никто не спалъ, тѣмъ болѣе, что всякую минуту слѣдовало быть готовымъ на случай нападенія на насъ съ вершины и съ тыла. Сторожевая цѣпь была разставлена вокругъ мѣста нашего ночлега; разводитъ костры было командовавшимъ баталіономъ запрещено и только къ разсвѣту, когда отъ холода у людей начали коченѣть руки и ноги, разрѣшено было развести весьма слабые огни. У кого изъ стрѣлковъ былъ взятъ чай—тѣ его заварили, причемъ, за неимѣніемъ воды разогрѣвали снѣгъ; нѣкоторые разогрѣли замерзшее вареное мясо. Офицеры, не рассчитывая провести ночь безъ обоза, конечно, не взяли съ собою ничего, а потому, пришлось всю ночь довольствоваться напиросами, утоляя ими и голодь и жажду.

2-го января съ разсвѣтомъ, баталіонъ тронулся и началъ подниматься выше (**). Шли рядами, а въ иныхъ мѣстахъ гуськомъ, въ одного человѣка, такъ какъ снѣгъ былъ очень глубокъ. Толь-

(*) Двигались въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ—2-я рота, за нею 3-я, 4-я и, въ хвостѣ, 1-я роты. *Авт.*

(**) Въ авангардѣ шла 1-я рота, потомъ 4-я, за нею 3-я и 2-я роты.

Авт.

ко что голова баталіона стала подходить къ вершинѣ (около 8-ми часамъ утра), какъ турки изъ за камней, образовавшихъ нѣчто въ родѣ крѣпостцы, увѣнчивавшей вершину горы, встрѣтили насъ залпомъ. Залпъ ихъ былъ точно сигналомъ для нашего „ура;“ съ которымъ всѣ бросились вверхъ. . . . Въ нѣсколько минутъ, турки были выбиты изъ закрытій; большая часть ихъ была тутъ же переколота, а остальные бросились бѣжать, черезъ оврагъ, на сосѣднюю возвышенность. Преслѣдовать бѣгущихъ была вызвана команда охотниковъ, по 10-ти человекъ отъ каждой роты, которая вскорѣ возвратилась, такъ какъ наткнулась, въ котловинѣ, на довольно значительныя массы непріятеля; къ сожалѣнію возвратились не всѣ: два стрѣлка были убиты и четыре ранены. Турки заняли противоположную возвышенность и открыли по насъ огонь. Поднялся туманъ, скрывшій насъ и непріятеля, а потомъ сильный вѣтеръ со снѣгомъ, залѣплявшимъ глаза.

Вершина была занята нами слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ 3-я рота—на спускѣ съ горы; лѣвѣе ея, три взвода 4-й роты; въ центрѣ 1-я рота, занимавшая самую вершину горы, а лѣвѣе ея, одинъ взводъ 4-й роты, имѣя флангъ обезпеченнымъ скалою; 2-я рота составляла резервъ и стояла за 1-ю ротой. Скрытые сплошнымъ туманомъ, пользуясь лѣсистою и пересѣченною мѣстностью, турки, вполне сознавая всю важность обладанія этимъ пунктомъ, въ скоромъ времени 4-мя густыми колоннами, стремительно бросились на штурмъ. Вслѣдствіе тумана, появленіе ихъ настолько было для насъ неожиданно, что мы, почти въ упоръ, встрѣтили ихъ залпомъ развернутыхъ трехъ ротъ и съ большими потерями, въ безпорядкѣ, принудили отступить внизъ. Одинъ изъ стрѣлковъ, увлекшись, бросился за отступавшими, но былъ сильно раненъ, такъ что обратно подняться не хватало уже силъ. Видя это, рядовой 3-й роты Ткачевъ, немедленно бросился къ несчастному товарищу, и, не смотря на выстрѣлы и погоню непріятеля, благополучно вытащилъ раненаго къ намъ наверхъ. За этотъ лихой подвигъ, совершенный на глазахъ всего баталіона, Ткачевъ былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени съ бантомъ, такъ какъ крестъ 4-й степени онъ имѣлъ уже за штурмъ Карса.

По отбитіи перваго штурма—турки не успокоились; собравшись внизу, они вторично повели рѣшительную атаку, но опять были отброшены съ значительнымъ урономъ. При наступленіи штурмовавшихъ колоннъ, непріятель, съ сосѣдней возвышенности, осыпалъ насъ цѣлымъ роемъ пуль. Послѣ втораго штурма, турки, вновь, съ яростью, бросились на насъ и были снова опрокинуты. Такимъ образомъ, они пыгались бросаться на штурмъ до 5-ти разъ и каждый разъ мы заставляли ихъ отступать съ большимъ урономъ, преслѣдуя сильнымъ огнемъ.—Тѣла убитыхъ валялись массами; турки лѣзли настолько дерзко, что нѣкоторые смѣльчаки хватали стрѣлковъ руками за штыки, но конечно, немедленно были отправляемы къ праотцамъ. Наконецъ, турки, убѣдившись въ невозможности овладѣть Аджиджамою, начали отступать, посылая въ нашу сторону рѣдкіе выстрѣлы. Къ сожалѣнію, туманъ мѣшалъ намъ видѣть направленіе отступающихъ колоннъ.

Когда стрѣльба со стороны непріятели совершенно затихла, мы оновѣстили войска, находившіеся внизу горы, о нашемъ торжествѣ надъ непріятеlemъ, громкимъ „ура!“ . Порученіе, возложенное на баталіонъ, было исполнено съ честью. Всѣ офицеры поздравляли командовавшаго баталіономъ капитана барона Зальца и другъ друга съ удачнымъ и, можно сказать, геройскимъ началомъ поваго года.

Вслѣдъ за этимъ, баронъ Зальца вызвалъ охотниковъ спуститься внизъ и выручить тѣла стрѣлковъ убитыхъ изъ первой охотничьей команды. Порывъ былъ настолько великъ, что почти весь баталіонъ вызвался идти за погибнувшими товарищами. Назначено было нѣсколько человекъ, по выбору ротныхъ командировъ, которые и вынесли убитыхъ, изъ коихъ одинъ до гола раздѣтъ былъ турками.

Было около 3-хъ часовъ дня; люди были страшно утомлены выдержавъ почти семичасовой бой и пробивъ болѣе сутокъ безъ пищи; многіе тутъ же заснули. Наконецъ, въ 4-мъ часу, подошли двѣ роты владикавказскаго полка, посланныя распоряженіемъ начальника отряда намъ на смѣну. Баталіонъ, забравъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, спустился въ селеніе верхній Баца. Здѣсь, мы

были встрѣчены генераломъ Комаровымъ и остальными частями колонны подполковника Госселіани съ полнымъ торжествомъ (27).

Попеченіемъ генерала, выюки баталіона находились въ селеніи, пища, къ нашему приходу, была уже готова, — и для людей отведено помѣщеніе.

Въ виду крайняго утомленія людей, на слѣдующій день, т. е. 3-го января, баталіону была назначена, въ верхнемъ Баца, дневка.

Потеря наша на Аджи-Алма была слѣдующая: убиты — унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 6, ранены — рядовыхъ 15 (26).

ГЛАВА VIII.

Движеніе по хребту Горготоханъ. Остановка противъ Долисъ-Хана. Рекогносцировка имерхевскаго моста. Штурмъ Долисъ-Хана, въ ночь на 9-е января; наши трофеи. Движеніе далѣе къ Артвину. Дѣло 17-го января. Погона за турками и ночь проведенная между непріятельскими позиціями. Костры въ турецкомъ лагерѣ. Батарея противъ Тольгома. Смѣлая выходка турокъ. Движеніе по отрогу Харханъ. Завалы устроенные турками. Перемиріе.

4-го января, баталіонъ выступилъ изъ деревни Баца и обогнувъ Аджи-Алму съ западной стороны, пройдя верстѣ пять, остановился, недоходя деревни Джого, въ сѣдловинѣ, гдѣ и расположился на ночлегъ, разчистивъ, насколько было возможно, глубокой снѣгъ. Ночью 4-я рота была отправлена въ близлежащій лѣсъ для содержанія пикетовъ вокругъ бивуака.

5-го числа, утромъ, послѣ обѣда нижнихъ чиновъ, баталіонъ съ присоединившимися къ нему, баталіономъ севастопольскаго полка и дивизіономъ горныхъ орудій 41-й артилерійской бригады, направился по горготоханскому хребту, въ обходъ позиціи, прежде занятой турками у селеній Джого и Цунара (Суагара), къ имерхевскому мосту (*). Къ сумеркамъ, наша колонна, подъ начальствомъ

(*) Вслѣдствіе чрезвычайно дурной погоды, тумана, снѣга и особенно усталости войскъ, 4-ре дни маневрировавшихъ съ босемъ, — выполненіе этого мане-

полковника князя Чавчавадзе, остановилась на вершинѣ хребта, въ виду деревни Долисъ-Хана. Два величайшихъ гребня послѣ кавказскаго хребта—мачахельскія и карчхальскія горы, сходятся у высочайшей ихъ вершины—Хархапъ, высота которой достигаетъ до 11000 футовъ (*). На скалистыхъ отрогахъ этихъ горъ пріютилась послѣдняя, грозная турецкая позиція—долисханская.

Хребетъ, на которомъ стала колонна, постепенно понижался до самаго шоссе (того самаго, о которомъ было сказано выше), идущаго параллельно р. Арданучъ-Чая, упирается въ уголь, образуемый слияніями рѣкъ Арданучъ-Чая и Имерхеви. Черезъ эту послѣднюю существовалъ построенный турками каменный мостъ. По другую сторону имерхевскаго моста, на очень высокомъ горномъ хребтѣ, расположена деревня Долисъ-Хана, занятая турками. Какъ только колонна наша показалась на вершинѣ хребта, непріятель изъ Долисъ-Хана сдѣлалъ по ней два орудійныхъ выстрѣла.

Колонна остановилась. Баталіонъ былъ впереди и, чтобы не подвергаться напрасному дѣйствию огня, спустился на противоположный скатъ и расположился ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Тѣмъ временемъ, командовавшимъ баталіономъ, былъ назначенъ взводъ подъ командою прапорщика Дегтянникова (**), съ цѣлью спуститься внизъ къ рѣкѣ и узнать занятъ ли имерхевскій мостъ непріятелемъ и въ какихъ силахъ. Лишь только рекогносцировавшіе стрѣлки спустились къ мосту, какъ мы услышали перестрѣлку, а изъ деревни Долисъ-Хана орудійный огонь по колоннѣ участился. Выяснилось, что мостъ былъ занятъ небольшимъ турецкимъ отрядомъ, а потомъ оказалось, что ночью онъ отступилъ, вра пришлось отложить на 6-е января; вѣстия, это давало возможность пополнить провіантъ, патроны и снаряды. (Официально).

Ред.

(*) По послѣдней точной съемкѣ—7322 фута надъ уровнемъ моря. (Официально).

Ред.

(**) Убитъ на ростово-воронежской желѣзной дорогѣ, при столкновеніи двухъ поѣздовъ съ 20-го на 21-е сентября 1878-го года, бывъ начальникомъ партіи нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ запасъ арміи.

Авт.

бросивъ мостъ. Колонна, на этомъ мѣстѣ, остановилась на ночлегъ. Съ наступленіемъ ночи, были выставлены пикеты и бивуакъ освѣтился кострамп. Не болѣе какъ черезъ полчаса, только что мы предполагали отдохнуть, граната, пущенная изъ Долисъ-Хана и разорвавшаяся въ очень близкомъ разстояніи отъ мѣста нашего бивуака, своимъ непрошеннымъ появленіемъ заставила насъ подняться и выбрать другое мѣсто для ночлега—болѣе безопасное и спокойное.

6-е и 7-е числа были проведены въ рекогносцировкахъ, съ весьма незначительными перестрѣлками съ обѣихъ сторонъ (*). Наши горныя орудія, выбравъ удобную позицію, энергично отвѣчали туркамъ, на каждую пущенную ими гранату изъ Долисъ-Хана.

8-го числа, вечеромъ, было приказано всей колоннѣ спуститься на шоссе, къ постоялому двору Горготоханъ (**). Съ 5-го числа люди неимѣли горячей пищи;—въ эти три дня, мясо, которое было взято съ собою, вышло, хлѣбъ также былъ съѣденъ. У постоялаго двора насъ встрѣтили, или, лучше сказать, ожидали, наши выюги; палатки были разбиты и тотчасъ начали готовить пищу.

Къ ночи пошелъ сильный снѣгъ, а затѣмъ дождь. Утромъ 9-го января, къ командовавшему баталіономъ пріѣхалъ ординарецъ отъ начальника отряда съ диспозиціею на предстоявшій, ночной штурмъ долисанской позиціи. Позиція эта, съ сѣвера, вполне обезпечена недоступными горами; западный склонъ отроговъ находился въ районѣ расположенія турокъ, а восточная сторона, скалистая, обращена была къ намъ. Незанявъ этой позиціи, мы неимѣли возможности двигаться впередъ; Долисъ-Хана стояла у насъ поперегъ дороги, а обойти ее мы нигдѣ не могли, между тѣмъ ее нужно было взять во что бы то ни стало. По диспозиціи назначалось: баталіону быть готовому къ выступленію, когда начнетъ тем-

(*) 7-е и 8-е числа прошли въ незначительныхъ перестрѣлкахъ съ неприятелемъ, а 7-го была произведена подробная рекогносцировка турецкой позиціи. (Официально). *Ред.*

(**) Утромъ 8-го былъ спущенъ съ Горготохана 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, а 9-го съ разсвѣтомъ—и остальная часть колонны князя Чавчавадзе. (Официально).

нѣтъ, но съ мѣста не трогаться до третьей сигнальной ракеты, имѣющей быть пушечною съ возвышенности, лѣвѣе и позади нашего бивуака; по третьей же ракетѣ—выступить по шоссе къ мосту, имѣя въ головѣ сборную команду изъ охотниковъ отъ севастопольскаго, владикавказскаго полковъ и баталіона, подъ общимъ начальствомъ прапорщика Дегтянникова.

Ровно въ 7-мь часовъ вечера, по первой ракетѣ, изъ 6-ти орудій, поставленныхъ на горѣ лѣвѣе нашего бивуака, началась подготовка штурма—бомбардировка Долисъ-Хана и имерхевскаго моста, а затѣмъ, послѣ третьей ракеты, началось общее движеніе отряда (28).

Выйдя на шоссе, части колонны вытянулись въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли охотники, за ними—баталіонъ севастопольскаго полка, потомъ—нашъ баталіонъ, имѣя 2-ю роту впереди, за нами—4-й баталіонъ пятигорскаго полка и въ резервѣ—баталіонъ владикавказецъ. Отъ моста баталіонъ долженъ былъ отдѣльно штурмовать Долисъ-Хана съ ея лѣваго фланга, а остальные части, подъ начальствомъ полковника князя Чавчавадзе,—направиться прямо вверхъ къ деревнѣ.—Какъ только охотники приблизились къ мосту, непріятель открылъ адскій огонь изъ траншей, устроенныхъ на противоположномъ берегу Имерхеви. Не смотря на это, мостъ былъ занятъ охотниками, а съ наступленіемъ темноты, и вся колонна, перейдя его, сгруппировалась на шоссе, внизу, у подошвы горы, на которой раскинута дер. Долисъ-Хана. Отсюда, Дегтянниковъ съ охотниками направился по горѣ, прямо къ деревнѣ, а на скатѣ горы, правѣе шоссе, былъ разсыпанъ взводъ 3-й роты подъ командою подпоручика Картвелова. Распоряженіе это было сдѣлано капитаномъ барономъ Зальца для того, чтобы предупредить турокъ занятіемъ ската, ибо занявши его, они могли бы перестрѣлять насъ просто на выборъ. Здѣсь голова колонны остановилась и вотъ по какой причинѣ: на этомъ мѣстѣ шоссе имѣло крутой поворотъ, у котораго засѣлъ непріятель и всѣ—кто только ни показывался изъ за угла, были тотчасъ же или ранены или убиты наповаль. Нѣсколько человекъ севастопольцевъ уже лежали убитыми, а многихъ понесли ранеными,—вслѣдствіе этого и

приостановились. Терять время было рисковано, поэтому баронъ Зальца выдвинулъ баталіонъ впередъ, сквозь ряды севастопольцевъ. У самаго поворота данъ былъ весьма короткій отдыхъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ дать время подтянуться послѣднимъ рядамъ, а затѣмъ, стрѣлки, перекрестясь, съ капитаномъ барономъ Зальца и командиромъ 2-й роты штабсъ-капитаномъ Побыванцемъ впереди, бросились, стремглавъ, по изгибу шоссе къ подъему на Долисъ-Хана. Во время этой перебѣжки, турки, сидѣвшіе въ разсѣлинѣ горы т. е. въ углѣ этого изгиба, открыли по бѣгущимъ убійственный огонь, къ счастью совершенно безвредный, такъ какъ тутъ былъ раненъ только одинъ стрѣлокъ 4-й роты, въ руку. Добѣжавъ до подъема, мы находились уже внѣ опасности и начали взбираться по отвѣснымъ бокамъ горы къ нашимъ охотникамъ, которые, будучи выше насъ, завязали уже довольно сильную перестрѣлку съ защитниками дер. Долисъ-Хана.

Тропа, по которой мы буквально лѣзли на четверенькахъ, темпота, и, наконецъ, незнакомая мѣстность, представляли страшныя трудности; двигаясь въ одного человѣка, стрѣлки неразъ обрывались и падали обратно на шоссе, съ котораго начинался подъемъ. Движеніе было крайне медленно. Кое какъ доползли мы до полгоры. Тутъ непріятель началъ насъ бить слѣва и просто осыпалъ пулями.— Не смотря на то, пришлось остановиться, чтобы перевести духъ, а разсыпавшаяся влѣво цѣпь, начала усердно отстрѣливаться по огонькамъ выстрѣловъ. Отдохнувъ немного и собравшись съ силами, мы вновь двинулись впередъ, поддерживаемые подошедшими къ намъ остальными частями колонны.

Вскорѣ баталіонъ подошелъ къ охотникамъ, которые, засѣвъ за камнями, вели оживленную перестрѣлку съ турками. Увидя насъ, охотники не выдержали и выскочивъ изъ за своихъ закрытій, съ крикомъ „ура!“ бросились къ деревнѣ. Конечно все, что было позади ихъ, бросилось также впередъ съ крикомъ „ура!“; — „ура!“ передовыхъ дошло до хвоста колонны, было подхвачено и тамъ, и, такимъ образомъ, вся окрестность огласилась страшнымъ русскимъ „ура!“ . . . Не выдержали турки и бросились бѣжать.

Огни выстрѣловъ изъ деревни стали замѣтно ослабѣвать и

спускаться къ шоссе, по другую сторону Долисъ-Хана: турки отступали, оставляя намъ деревню. Мы, съ пятигорцами, ворвались въ нее, почти безъ выстрѣла, по пятамъ отступавшихъ (*).

Ясно что турки никогда не предполагали, что мы займемъ с. Долисъ-Хана, потому что, во взятомъ въ деревнѣ лагерѣ (около 100 палатокъ), были найдены еще дымившіеся костры, а въ нѣкоторыхъ палаткахъ совершенно свѣжая баранина, приготовленная, какъ видно, для варки пиши. По занятіи деревни, начали тотчасъ собирать людей. Когда мы нѣсколько осмотрѣлись, то оказалось, что Долисъ-Хана состоитъ изъ трехъ ауловъ, расположенныхъ одинъ подъ другимъ, на террасахъ горы — слѣдовательно, нами былъ взятъ только нижній аулъ и оставались выше еще два, незанятыхъ нашими войсками; потомъ мы узнали, что въ верхніе аулы пошли, шедшіе въ хвостѣ колонны, себастопольцы и владикавказцы; но такъ какъ они шли съ правой стороны отъ насъ, то отъ баталіона была отдѣлена полурота, подъ командою прапорщика Сергѣева съ цѣлью отрѣзать отступавшихъ турокъ съ лѣваго фланга. Турки, замѣтивъ наше движеніе, покинули и верхніе два аула, оставивъ намъ шесть человѣкъ плѣнныхъ, захваченныхъ прапорщикомъ Сергѣевымъ.

Стрѣльба прекратилась, всѣ были въ неописанной радости, такъ какъ поставленная отряду цѣль, повидимому, была достигнута. Восторженнымъ „ура“ возвѣстили мы свою побѣду надъ столь грозною, можно сказать неприступною, твердынею.

Не мало радости представляло и то обстоятельство, что со взятіемъ деревни у насъ являлись теплыя квартиры, которыхъ баталіонъ неимѣлъ съ 3-го числа.

Стоя въ нижнемъ аулѣ, баталіонъ ожидалъ прибытія полковника князя Чавчавадзе, отъ котораго должно было послѣдовать распоряженіе, гдѣ и кому размѣститься въ трехъ аулахъ Долисъ-Хана. Конечно, каждый рассчитывалъ остаться въ той части дерев-

(*) Долисъ-Хана защищалась двумя или тремя таборами низама и ирегулярными войсками изъ лавовъ, аджарцевъ, мачахельцевъ и другихъ окрестныхъ жителей.

ни, которая взята была имъ съ боя.

Вскорѣ прибылъ князь Чавчавадзе, и, распросивъ жителей о мѣстности вокругъ Долисъ-Хана, рѣшилъ, нижній аулъ не занимать, а всѣмъ расположиться въ двухъ верхнихъ аулахъ; рѣшеніе это имъ было принято въ тѣхъ видахъ, что турки легко могли насъ обойти въ тылъ, черезъ гребень горы и занять верхній аулъ.

Баталіонъ и бывшіе тутъ же пятигорцы стали въ ружье и двинулись въ средній аулъ. На снѣгу ясно были видны слѣды отступавшихъ турокъ; мы какъ разъ шли по этимъ слѣдамъ.

По выходѣ изъ аула, баронъ Зальца замѣтилъ что то лежавшее въ снѣгу, влѣво отъ дороги. Немедленно подошли и увидѣли горное орудіе, привязанное къ толстому колу и безъ сомнѣнія брошенное здѣсь турками, не успѣвшими его унести. Трофей былъ взятъ. Конечно эта находка заставила насъ быть внимательными ко всѣмъ встрѣчавшимся предметамъ. Немного далѣе нашли лафетъ, еще далѣе — одно колесо (другое было отыскано на другой день въ оврагѣ). Такимъ образомъ, по простой случайности, въ нашихъ рукахъ оказалось цѣлое горное орудіе. Оригинально, что турки не догадались даже вынуть замокъ. Мы знали, что у турокъ было два орудія, такъ какъ 7-го и 8-го чисель они изъ нихъ насъ громили; было сильное желаніе приобрѣсти и другое орудіе, — вотъ почему, стоявшую отдѣльно отъ дороги саклю приказано было тщательно осмотрѣть внутри и вѣругъ. Стрѣлки смѣло бросились въ двери и черезъ нѣсколько секундъ, одинъ пришелъ доложить, что въ саклѣ застали 5 человѣкъ турецкихъ солдатъ, сидѣвшихъ у печки и преспокойно варившихъ себѣ супъ; четверо изъ нихъ оказались ранеными 2-го января. Бѣдняги не знали о взятіи Долисъ-Хана, объ отступленіи своихъ и, понятно, были крайне поражены, увидѣвъ передъ собою русскаго солдата.

Къ саклѣ, былъ приставленъ для караула взводъ стрѣлковъ до слѣдующаго утра, т. е. до отправленія плѣнныхъ въ Арданучъ. Двигаясь далѣе и подойдя къ мечети стоявшей на краю средняго аула, подробно осмотрѣли и ее, какъ внутри, такъ и снаружи, со всѣми смежными ей постройками. Тутъ уже нашими трофеями были много снарядовъ, бочки съ порохомъ, масса патроновъ и

оружія и продовольственные запасы.

Въ мечети, сидя на раицѣ, при свѣтѣ огарка, нашедшагося у стрѣлка, княземъ Чавчавадзе было написано подробное донесеніе начальнику отряда генералу Комарову.

Баталіонъ, прійдя въ средній аулъ, былъ размѣщенъ по саклямъ съ помощью встрѣтившаго насъ старшины, единственнаго, вышедшаго къ нашему приходу, жителя аула.

Потеря баталіона была слѣдующая: контуженъ подпоручикъ Картвеловъ—въ ладонь руки, и остался въ строю; нижнихъ чиновъ ранено—унтеръ-офицеровъ 2, рядовыхъ 4 (29).

Итакъ, съ долихапскою позиціею было покончено.

На другой день, когда мы увидѣли мѣстность и скалы по которымъ вчера пробрались,—не вѣрилось глазамъ; только и возможенъ былъ ночной штурмъ. Солдаты говорили, что и днемъ странно было смотрѣть на отвѣсные эскарпы скалъ, а не то что лазить по нимъ.

Въ Долисъ-Хана существовала, по ту сторону деревни, единственная и довольно удобная тропа, по которой турки, отступая изъ Долисъ-Хана, спустились на шоссе.

Въ Долисъ-Хана баталіонъ оставался до 17-го января, ежедневно выставя пикеты на мѣстахъ указанныхъ каждой изъ частей, расположенныхъ въ аулѣ. Въ эти дни продовольственные и боевые запасы были подвезены къ имерхевскому мосту, устроены для нихъ склады и изъ Долисъ-Хана ежедневно посылались туда бьюки за сухарями.

17-го января, въ 8-мь часовъ утра, баталіонъ, оставивъ Долисъ-Хана, спустился на шоссе, по которому продолжалось общее наступленіе отряда, далѣе къ Артвину (30).

Пройдя 5-ть верстъ, до слиянія Арданучъ-чая и Чороха, принуждены были остановиться, такъ какъ далѣе шоссе было во власти турокъ. Последніе, занявъ позицію у Хана, встрѣтили колонну подполковника Иоселіани, шедшую впереди насъ, сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Отъ Долисъ-Хана и далѣе къ Артвину, дорога прорублена въ скалахъ и, вдоль Чороха, имѣетъ около 4000 футовъ обрыва подъ собою и столько же надъ собою.

Здѣсь мы простояли около часа, какъ вдругъ, послышались выстрѣлы на верху горы, правѣе шоссе—это баталіонъ пятигорскаго полка, посланный въ обходъ турецкой позиціи, наткнулся на непріятеля, дойдя до полугоры. Баталіону было приказано подержать пятигорцевъ.

Немедленно люди были готовы и баталіонъ, рядами, сталъ быстро подниматься на гору (*), но глубокой снѣгъ и кругость подъема вскорѣ начали замедлять движеніе. Турки занимавшіе позицію на шоссе, замѣтивъ баталіонъ, открыли частый огонь.

Перестрѣлка на горѣ усилилась и до насъ стали доходить крики „ура!“ и гиканье турокъ. Слѣдовало торопиться, чтобы принять участіе въ дѣлѣ, а главное,—Богъ знаетъ,—можетъ быть и помочь пятигорцамъ, такъ какъ никто не звалъ численности насѣвшаго на нихъ непріятеля. Стрѣлки дѣлали страшныя усилія, чтобы скорѣе подоспѣть на выручку къ боевымъ товарищамъ по Долгисъ-Хана (это былъ 4-й баталіонъ пятигорцевъ, тотъ самый который съ командиромъ своимъ, храбрымъ княземъ Черкесовымъ, ворвался вмѣстѣ съ нами въ нижній аулъ неприступной Долгисъ-Хана).

Наконецъ, мы начали приближаться къ мѣсту боя; пули сильно свистали вокругъ и сбивали сучья съ деревьевъ; уже встрѣчались тѣла убитыхъ пятигорцевъ и пронесли нѣсколько человекъ раненыхъ (**); прошелъ раненый въ руку офицеръ, прося барона Зальца поспѣшить, такъ какъ турокъ было, по его словамъ, много. Расприхивать было некогда: послѣдовала команда „прибавь шагъ!“ и задыхаясь, кашляя, лѣзли стрѣлки, напрягая послѣднія силы...

Наконецъ, дошли; вотъ и турки. „Турки!“—крикнули стрѣлки..... Тотчасъ же, отъ головныхъ ротъ была выслана цѣпь, направившаяся лѣвѣе пятигорцевъ. Какъ только цѣпь поровнялась съ ними—стрѣлки не выдержали и, съ крикомъ „ура!“, бросились

(*) Двигались въ слѣдующемъ порядкѣ: въ головѣ 3-я рота, потомъ 2-я, 1-я и 4-я роты.

Авт.

(**) Здѣсь, для обезпеченія нашего лѣваго фланга, былъ оставленъ взводъ подъ командою прапорщика Сергѣева и разсыпанъ немного ниже гребня.

Авт.

въ штыки на турецкую цѣпь. Не охотники турки до русскаго штыка; они перѣшились встрѣтиться съ нами грудь съ грудью и видя, что вся цѣпь единодушно бросилась на нихъ,—отступили, а потомъ и побѣжали, оставивъ своихъ убитыхъ, въ томъ числѣ и одного офицера. Преслѣдуя бѣжавшихъ, цѣпь стрѣлковъ и пятигорцевъ открыла по нимъ сильный огонь и гнала ихъ до самой вершины хребта; тутъ преслѣдованіе кончилось—турки спустились и скрылись за вершину другаго хребта. Баталіонъ потерялъ: убитымъ 1-го рядоваго, ранеными унтеръ-офицеровъ 2-хъ и рядовыхъ 2-хъ (34).

Послѣ двухчасоваго отдыха, оба баталіона, предварительно увѣдомивъ о томъ князя Чавчавадзе, направились по хребту за отступавшимъ непріателемъ.—Шли до ночи. На спускѣ хребта насъ застигла ночь и мы принуждены были остановиться. Слѣдъ ушедшихъ турокъ указывалъ, что они направились къ деревнѣ верхней Тольгомъ, лежавшей недалеко отъ города Артвина. Двинуться туда двумъ баталіонамъ было рисковано: во 1-хъ, потому, что мы не могли заранѣе знать съ какими силами придется встрѣтиться, а во 2-хъ, отдѣляясь отъ нашихъ войскъ, оставшихся на шоссе, не могли рассчитывать на какую либо поддержку съ ихъ стороны.

Баталіоны расположились на ночь въ лѣсу; костры были запрещены.

Съ того мѣста, на которомъ мы сидѣли,—потому что о снѣ на снѣгу никто и помыслить не могъ,—видны были внизу съ лѣвой стороны хребта, должно полагать на шоссе, огни довольно большихъ костровъ. Огни эти насъ сильно заинтриговали: или это были огни колонны подполковника Исселіани, оттѣснившей непріателя и ставшей на ночлегъ, или—огни турокъ на той позиціи, съ которой они утромъ и задержали наступленіе Исселіани. Если это были турки, то, слѣдовательно, нашъ маленькій отрядъ очутился между тѣми изъ нихъ, которые отступили къ Тольгому и тѣми, которые стояли противъ колонны Исселіани т. е. въ тылу одного изъ турецкихъ отрядовъ.

По обѣимъ сторонамъ нашего расположенія были выставлены сильные пикеты, а для того, чтобы узнать, что за костры внизу,

баронъ Зальца приказалъ 1-й ротѣ поручика Габаева 2-го спуститься по хребту и дойти до самаго шоссе, гдѣ остановиться и выслать нѣсколькихъ стрѣлковъ пробраться къ мѣсту костровъ; если это оказался бы непріятель, то ротѣ сдѣлать залпъ, по которому предполагалось сдѣлать такой же, сверху, 2-мя баталіонами.

Къ сожалѣнію огни скоро потухли. Какъ впоследствии оказалось, это были костры турокъ на позиціи у Хаана. Замѣтивъ наше присутствіе у себя въ тылу, они быстро спустились къ рѣкѣ Чороху и тамъ, частью по берегу, а частью въ каюкахъ, отступили къ Артвину. Если бы только турки вздумали отходить по шоссе, то непременно должны были наткнуться на нашу 1 ю роту, дошедшую, уже къ тому времени, до шоссе.

Ночь прошла благополучно.—Съ разсвѣтомъ 18-го числа, баталіонъ спустился на шоссе къ 1-й ротѣ. Сюда же прибылъ генералъ Комаровъ и приказалъ баталіону отойти назадъ къ постоялому двору Хаана, гдѣ, вмѣстѣ съ другими частями отряда, расположиться бивуакомъ.

Въ тотъ же день, при изслѣдованіи спуска къ Чороху, стрѣлками-охотниками, были отбиты 500 головъ козъ и овецъ; приобрѣтеніе это доставило всему отряду немалое удовольствіе и выгоду: мясо употреблено было въ пищу, а изъ кожъ—солдаты починили и подѣлали обувь.

19-го числа, утромъ, съ бивуака были вызваны отъ баталіона двѣ роты въ прикрытіе горной батареи, поставленной на поворотѣ шоссе къ Артвину, выше деревни нижній Тольгомъ. Орудія были размѣщены такъ: два орудія стояли на самомъ поворотѣ шоссе, обстрѣливая рѣку Чорохъ и противоположный берегъ ея, на которомъ были видны турецкіе пикеты, зорко слѣдившіе за всѣми нашими движеніями, а два другія—выше, на хребтѣ, противъ позиціи вновь занятой турками позади деревни нижній Тольгомъ, съ назначеніемъ обстрѣливать позицію непріятели и самую деревню Тольгомъ.

Какъ только наша батарея открыла огонь, турки начали отвѣчать съ позиціи рѣдкимъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, но, по дальности разстоянія, пули до насъ не долетали, а большинство гранатъ не разрывалось.

Въ полдень, роты, бывшія въ прикрытіи батареи, были смѣнены ротами владикавказскаго полка.

Къ вечеру, стрѣльба, со стороны непріятеля, усилилась до такой степени, что у насъ явилось предположеніе объ общемъ наступленіи турокъ, почему, съ бивуака, немедленно были вызваны и пододвинуты къ батареѣ нѣкоторыя части. Хотя общей атаки нашей позиціи и не послѣдовало, но произошло слѣдующее: послѣ непрерывной дроби выстрѣловъ, турки сдѣлали паузу и изъ за угла шоссе, котораго на нѣсколько верстъ съ нашего пункта не было видно, по причинѣ выдающагося хребта, внезапно появившись почти у самыхъ орудій, въ числѣ человекъ около 40-ка, стремглавъ бросились на нашу батарею. Появленіе ихъ было настолько неожиданно и стремительно, что они могли быть встрѣчены лишь артилерійскою прислугою, завязавшею рукопашный бой и только подоспѣвшимъ прикрытіемъ (*), бросившимся въ штыки, были обращены въ бѣгство, обратно къ шоссе, а оттуда—сброшены въ оврагъ, къ нижнему Тольгому. У орудій остался трупъ турка заколотаго штыкомъ одного изъ стрѣлковъ, а по дорогѣ до оврага, непріятель оставилъ нѣсколько патронныхъ сумъ, ружья, фески и проч. У насъ были ранены два артиллериста (**).

Во избѣжаніе повторенія подобной продѣлки со стороны турокъ,—въ слѣдующіе дни, на ночь, впереди батареи находились двѣ роты въ цѣпи, а прикрытіе пододвинуто было къ самымъ орудіямъ.

20-е число прошло тоже, почти весь день, въ перестрѣлкѣ, причемъ огонь съ обѣихъ сторонъ былъ преимущественно артилерійскій. Баталіонъ потерялъ одного стрѣлка убитымъ и одного унтеръ-офицера (Чигринцева) раненымъ.

21-го числа назначено было наступленіе и атака турецкой

(*) Прапорщикъ Сергѣевъ, со взводомъ.

Авт.

(**) 20-го, около 10-ти часовъ утра, человекъ 30-ть турокъ бросились на взводъ кавказской горной полубатареи, расположенный особенно близко къ непріятельской позиціи, но были отбиты, почти у самыхъ орудій, частями 151-го пятигорскаго и 152-го владикавказскаго пѣхотныхъ полковъ. (Официально).

Ред.

позиціи на песчаной горѣ. (*) Сначала предполагалось: одну колонну спустить прямо въ нижній Тольгомъ, а другую двинуть по шоссе, но начальникъ отряда, ознакомившись лично съ мѣстностью, пришелъ къ другому рѣшенію, а именно: одну колонну, князя Чавчавадзе, двинуть по отрогу карчхальскаго хребта и ударить на турокъ съ фронта, а другой колоннѣ, подполковника Иосселиани, куда вошелъ и баталіонъ, подняться вверхъ по хребту къ вершинѣ Харханъ, дабы этимъ движеніемъ обойти турокъ съ лѣваго ихъ фланга;—этой колоннѣ приданы были два горныхъ орудія.

Движеніе колонны Иосселиани къ вершинѣ продолжалось цѣлый день. Орудія замедляли движеніе ужасно; часто приходилось ихъ снимать съ выюговъ и тащить на рукахъ; лошади, даже безъ орудій, еле могли двигаться по снѣгу, глубина котораго, въ иныхъ мѣстахъ, доходила имъ по брюхо и, тогда, приходилось уже ихъ самихъ вытаскивать; неразъ являлось желаніе бросить орудія, съ тѣмъ, чтобы они спустились обратно къ шоссе; утомленіе людей могло дойти до крайности, такъ какъ мѣстами приходилось, буквально, карабкаться ползкомъ.

Мы далеко еще недошли до вершины, когда услышали выстрѣлы—это колонна князя Чавчавадзе уже завязала дѣло съ неприятелемъ.

Наконецъ, поздно вечеромъ, когда перестрѣлка затихла совершенно, наша колонна подошла къ заваламъ и траншеямъ, взятымъ севастопольцами.

Во время нашего движенія, скрытаго отчасти лѣсомъ, турки хотя и открывали по колоннѣ огонь, но онъ былъ почти безвреденъ для насъ: былъ раненъ только одинъ стрѣлокъ, легко въ руку.

Колонна князя Чавчавадзе, направившись по скату карчхальскаго хребта, чтобы исполнить данную ей задачу, должна была спуститься съ него и подняться на другой хребетъ, на которомъ натенулась на завалы и траншеи вырытыя въ снѣгу, откуда пришлось выбивать турокъ штыками. Такихъ заваловъ севастополь-

(*) Рѣшительная атака турецкой позиціи была назначена на 22-е января и произведена въ тотъ же день. (Официально).

цами было взято три, и только наступившая ночь заставила колонну Чавчавадзе остановиться.—Къ этому времени подошла и наша колонна. Здѣсь мы, соединившись съ княземъ Чавчавадзе, остановились на ночлегъ, на довольно глубокомъ снѣгу—почти въ ростъ человѣка. Турецкіе завалы, какъ оказалось, были устроены изъ сваленныхъ толстыхъ деревьевъ, покрытыхъ на аршинъ снѣгомъ, настолько утоптаннѣмъ, что пуля не могла пробить подобнаго импровизованнаго брестера насквозь.

Кромѣ того, у нихъ были устроены изъ снѣга ровики; снѣговая насыпь впереди, была такъ плотно убита, что пули наши застѣдали въ снѣгу.

На другой день, т. е. 22-го числа, баталіону предназначалось идти въ первой линіи и продолжать наступленіе, т. е. приходилось брать тѣ завалы, которыми севастопольцы, застигнутые темнотою, 21-го не успѣли овладѣть; севастопольскій же полкъ былъ оставленъ въ резервѣ.

Съ разсвѣтомъ баталіонъ поднялся; 1-й и 3-й ротамъ приказано было, выйдя впередъ, разсыпать цѣпь, а 2-й и 4-й ротамъ—двигаться во второй линіи, причемъ, резервамъ цѣпи и ротамъ 2-й линіи двигаться не по гребню, а по обоимъ скатамъ хребта. Только что цѣпь заняла мѣста и начала спускаться къ заваламъ, какъ показались человѣкъ пять турокъ, которые, вмѣсто того чтобы сдѣлать выстрѣлъ по приближавшейся цѣпи, махали руками и что то кричали стрѣлкамъ. Чего турки хотѣли и что они кричали, мы никакъ не могли понять. Цѣпь остановилась; мы начали въ свою очередь звать турокъ къ себѣ—не идутъ, а продолжаютъ намъ кричать.—Наконецъ, дѣло выяснилось; пріѣхалъ казакъ съ пріятною телеграммою отъ начальника отряда о заключенномъ между Россіею и Турціею перемиріи.—Тутъ намъ стало понятно, кто были эти 5-ть человѣкъ турокъ, и о чемъ они намъ кричали.—Радость была общая, и „ура“ долго не умолкало. Каждый перекрестился, что пришелъ конецъ войнѣ, такъ долго продолжавшейся, съ ея трудами и лишеніями, и что наступаетъ покой.—Пора и восвоеси.

Быстро мы начали спускаться внизъ съ горы къ укрѣплен-

ной песчаной горѣ, которая теперь была турками уже оставлена. Да, думали многие, а будь это вчера, не такъ бы мы быстро и спокойно прошли по этому мѣсту!

Пройдя гору, мы остановились въ ожиданіи прибытія генерала Комарова. Черезъ часъ, генераль пріѣхалъ, и, подтвердивъ полученное имъ извѣстіе о перемиріи, отдалъ распоряженіе о размѣщеніи частей по квартирамъ въ селеніяхъ верхнемъ, среднемъ и нижнемъ Тольгомѣ; баталіонъ расположился въ верхнемъ—вмѣстѣ съ баталіономъ севастопольскаго полка.

ГЛАВА IX.

Деревня верхній Тольгомъ. Перемиѣна обстановки. Телеграмма о перемиріи. Выступленіе изъ Тольгома въ свою штабъ-квартиру. Походъ до Тифлиса. Станція Михайлово. Прибытіе въ городъ Тифлисъ. Встрѣча баталіона Шефомъ Его Высочествомъ Главнокомандующимъ. Высочайшія награды баталіону.

Селеніе верхній Тольгомъ, живописно раскинутое на крутизнахъ одного изъ отроговъ карчхальскаго хребта, доходящаго до батумскаго шоссе, расположено отъ города Артвина въ трехъ верстахъ. Въ январѣ мѣсяцѣ, въ верхнемъ Тольгомѣ лежалъ снѣгъ, тогда какъ у подошвы горы,—въ нижнемъ Тольгомѣ, снѣгъ не выпадаетъ никогда и масличныя деревья покрыты зелеными листьями. Всѣ три Тольгома изобилуютъ виноградными плантаціями и садами, хлѣбныхъ же полей здѣсь очень мало.

Людемъ были отведены сакли, по одной на взводъ. Стоянка была превосходная; погода во все время нашего пребыванія въ Тольгомѣ стояла хорошая, зима была мягкая, позволявшая въ солнечный день ходить даже въ одномъ мундирѣ; случаи заболѣванія нижнихъ чиновъ были весьма рѣдки; времени свободнаго было много; службы, кромѣ той, что одна рота, черезъ день, ходила въ прикрытіе батареи, отстоявшей отъ селенія въ одной верстѣ—ни-

какой небыло. Всѣ начали приводить свою одежду въ благообразный видъ.

Черезъ недѣлю прибылъ въ Тольгомъ начальникъ отряда со штабомъ и занялъ одну изъ сакель, на краю селенія. Въ скоромъ времени купцы изъ Арвина стали къ намъ наѣзжать съ различными товарами; привозили сахаръ, чай, заграничные напитки и прочія вещи. Между прочимъ привозился ромъ, выдѣлываемый въ Арвинѣ, отличавшійся хорошимъ качествомъ и дешевизною, такъ что командовавшимъ баталіономъ было сдѣлано распоряженіе отпускать его нижнимъ чинамъ вмѣсто водки. Люди, во все время пребыванія въ Тольгомѣ, получали, вмѣсто сухарей, печеный хлѣбъ, благодаря распорядительности генерала Комарова, которымъ для этой цѣли были присланы подрядчики греки, доставлявшіе превосходнаго качества печеный хлѣбъ и притомъ гораздо дешевле, чѣмъ доставляло интендантство сухари.

Пріѣздъ къ намъ арвинскихъ купцовъ потомъ почти прекратился, такъ какъ турками была устроена кордонная линія, съ цѣлью прекратить намъ доставку жизненныхъ припасовъ изъ Арвина и Батума; пріѣздъ ихъ былъ очень рѣдокъ и то по ночамъ, секретно, чтобы избѣжать надзора турокъ. Былъ слухъ, что турки грозили Арвину, обѣщая перерѣзать всѣхъ жителей за расположеніе ихъ къ русскимъ.—Такъ прошло время до 23-го февраля.

Въ этотъ день была получена слѣдующая телеграмма, прочитанная передъ собраннымъ баталіономъ капитаномъ барономъ Зальца.

„Телеграмма Главнокомандующаго дунайскою арміею. Санъ-Стефано. 19-го февраля“.

„Миръ сегодня заключенъ, подписанъ и объявленъ войскамъ всей гвардіи на парадѣ подъ стѣнами Царь-Града, въ виду св. Софіи“.

„Н и к о л а й“.

Раздались радостные крики „ура!“ по всѣмъ окрестностямъ Тольгома; хоръ пѣвчихъ стрѣлковъ запѣлъ: „Боже Царя Храни“. Только они кончили, потрясающее „ура“ вновь раздалось въ честь Государя Императора. Казалось горы вторили нашему восторженному „ура“ за Царя Россіи. Велѣдъ за первую телеграммою, барономъ Зальца прочитана была другая, по содержанию

которой баталіонъ немедленно долженъ былъ оставить отрядъ и прибыть въ городъ Тифлисъ, въ свою штабъ-квартиру.

Телеграмма была отъ Его Высочества Главнокомандующаго и нашего Августѣйшаго Шефа. При этомъ замѣтномъ для насъ Имени, вновь раздалось, долго, долго неумолкавшее „ура!“.

Ни одинъ праздникъ, кажется, не встрѣчался съ такимъ восторгомъ, какъ вѣсть о возвращеніи баталіона въ Тифлисъ, въ свою штабъ-квартиру.

Выступленіе назначено было на другой же день. Всякій तोпили уложить вещи; да и не трудно было сдѣлать это весьма быстро! Сборы были не долги.

24-го февраля, къ 8-ми часамъ утра, нижнимъ чинамъ приготовленъ былъ обѣдъ, а въ 9-ть часовъ отслуженъ молебенъ священникомъ пятигорскаго полка, находившимся все время при полку, который теперь стоялъ въ нижнемъ Тольгомѣ. По окончаніи благодарственнаго молебствія, офицерами была устроена походная закуска, на столахъ накрытыхъ тутъ же на площадкѣ. На закуску эту были приглашены начальникъ отряда, офицеры его штаба и стоявшіе въ Тольгомѣ севастопольцы. По окончаніи закуски и самыхъ теплыхъ и дружескихъ прощаній съ остававшимися боевыми нашими товарищами, съ которыми мы около 4-хъ мѣсяцевъ дѣлили и радость побѣдъ и труды и все лишенія боевой жизни, баталіонъ съ пѣснями выступилъ изъ Тольгома. Прощай, живописный Тольгомъ! Прощай, гигантъ Карчхаль, такъ много стоившій намъ пота и крови! Миръ тѣмъ, которые прошли съ нами по твоимъ гигантскимъ отрогамъ, а теперь покоятся въ твоихъ нѣдрахъ! Много незабвенныхъ воспоминаній, много неизгладимыхъ на всю жизнь впечатлѣній оставилъ ты каждому изъ насъ!

Идемъ домой!.... Съ какимъ восторгомъ мы ждали минуты выступленія, а дождались — и больно и горько стало. Тяжело было расставаться съ боевою жизнью, жизнью преисполненною поэзіи, восторговъ роковой борьбы и совершенной свободы.

Офицеры и нижніе чины севастопольскаго полка провожали баталіонъ до спуска на шоссе, а артиллеристы горной полубатарей,

стоявшей въ нижнемъ Тольгомѣ, отсалютовали намъ нѣсколькими пущенными ракетами. Въ отвѣтъ имъ, на ихъ привѣтствіе, стрѣлки махали шапками, офицеры платками.

Къ вечеру баталіонъ прибылъ на ночлегъ къ Арданучу. Здѣсь были отъ людей отобраны патроны и сданы въ артилерійскій складъ, находившійся въ городѣ. Баталіонъ сталъ бивуакомъ въ палаткахъ вблизи Ардануча.

25-го числа, послѣ обѣда нижнихъ чиновъ, квартирьеры и ротныя кухни были отправлены впередъ и баталіонъ, въ 10-ть часовъ утра, выступилъ къ селенію Хеви. Тутъ люди провели ночь въ сакляхъ, приготовленныхъ квартирьерами къ нашему приходу.

26-го, проходя черезъ Ардаганъ, сдѣланъ былъ большой привалъ, такъ какъ отсюда къ баталіону присоединился обозъ, оставшійся здѣсь во все время пребыванія нашего въ отрядѣ. Баталіонныя и ротныя вещи были переложены съ выюковъ въ фургоны и мы продолжали, послѣ 3-хъ часовой остановки, свое движеніе до дер. Ольчекъ—находящейся отъ Ардагана въ пяти верстахъ.— Въ Ольчекѣ, по маршруту, назначена была дневка.

28-го числа, баталіонъ прибылъ на ночлегъ въ дер. Зурзуна. Въ этотъ переходъ, по случаю того, что пришлось идти все время по снѣгу, при очень яркомъ освѣщеніи солнца, у многихъ нижнихъ чиновъ появилась болѣзнь глазъ; на бѣду еще,—при спускѣ къ Зурзуна, поднялся сильный вѣтеръ со снѣгомъ, залѣпившимъ и безъ того ослабѣвшіе глаза. Переходъ этотъ былъ крайне тяжелъ и утомителенъ, такъ что дошли до мѣста когда уже совсѣмъ смерклось.

На другой день, изъ Зурзуна, баталіонъ выступилъ въ 9-ть часовъ утра, отправивъ, съ разсвѣтомъ, квартирьеровъ и ротныя кухни впередъ. Стрѣлковъ, сильно страдавшихъ глазами, пришлось везти на фургонахъ. Шли медленно и потому только къ вечеру пришли на ночлегъ въ с. Карзахъ.

Большая часть пути отъ Зурзуна до Карзаха идетъ по берегу озера Хозапинъ; вѣтеръ съ озера дулъ весьма рѣзкій, дорога была занесена снѣгомъ, а въ иныхъ мѣстахъ приходилось идти цѣликомъ, по сугробамъ выше колѣна; идти было крайне тяжело и

только желаніе скорѣе прибыть въ Тифлисъ, придавало силы.

2-го числа баталіонъ вступилъ въ г. Ахалкалаки. Здѣсь, 3-е, пробыли на дневкѣ. Помѣщеніе было отведено хорошее и удобное. Воспользовавшись дневкою, командовавшій баталіономъ сдѣлалъ распоряженіе освидѣтельствовать въ госпиталѣ глаза всѣхъ нижнихъ чиновъ баталіона.—Результатомъ сего было то, что 50 человекъ должны были быть оставлены въ ахалкалакскомъ госпиталѣ, такъ какъ, по мнѣнію врачей, они далѣе слѣдовать съ баталіономъ рѣшительно немогли. Для остальныхъ, по совѣту тѣхъ же врачей, были приняты мѣры, предохранявшія глаза отъ солнечнаго освѣщенія, а именно: кто былъ въ состояніи купить консервы, а кто не купилъ, тотъ обмазывалъ себѣ вокругъ глазъ углемъ, а иные и попросту—сажею.

4-го прибыли въ с. Хертвисъ;—шли легко, все время по шоссе.

5-го ночлегъ былъ въ с. Ахашенъ,—здѣсь уже снѣгу не было совсѣмъ.

6-го прибыли въ г. Ахалцыхъ, гдѣ была 7-го дневка. Баталіонъ размѣстился по квартирамъ, офицерамъ были отведены номера въ гостинницахъ города. Утромъ, всѣ офицеры, въ воспоминаніе оконченной кампаніи, рѣшили сняться группою у фотograфа; на время прѣхавшаго изъ Тифлиса, а въ 5-ть часовъ всѣ опять собрались на обѣдъ, устроенный въ одной изъ гостинницъ. Обѣдъ былъ самый оживленный, каждый былъ подъ впечатлѣніемъ близости свиданія съ родными, покинутыми около года, такъ что разошлись далеко за полночь.

На другой день выступили изъ Ахалциха, до почтовой станціи Ацхуръ.

9-го вошли въ Боржомъ. Здѣсь опять все было покрыто снѣгомъ, и такъ какъ помѣщенія въ городѣ мало, то приходилось остановиться бивуакомъ, если бы не попеченіе о баталіонѣ Августѣйшаго Шефа,—приказавшаго размѣстить людей баталіона на ночь въ свободныхъ помѣщеніяхъ и службахъ своей лѣтней резиденціи.

10-го числа прибыли на станцію поти-тифлисской желѣзной дороги, с. Михайлово (22). На другой день, назначена была дневка съ

цѣлью дать возможность чинамъ баталіона починить одежду, исправить аммуницію—словомъ привести все въ порядокъ, дабы 12-го, при вступленіи въ г. Тифлисъ, представиться Его Высочеству Главнокомандующему и Шефу возможно въ опрятномъ видѣ. Весь день 11-го прошелъ въ самыхъ горячихъ приготовленияхъ, а къ вечеру командовавшій баталіономъ осматривалъ нижнихъ чиновъ.

Съ ночнымъ поѣздомъ былъ командированъ въ Тифлисъ прапорщикъ Богдановъ съ квартирными для отвода мѣста и разбивки лагеря, такъ какъ казармы баталіона были заняты подъ госпиталь.

12-го числа, во 2-мъ часу дня, поѣздъ подходилъ къ тифлискому вокзалу ⁽³³⁾. Забилося сердце. Вотъ, вотъ еще минута—и мы ступимъ на землю покинутую годъ тому назадъ. . . . При подъѣздѣ нашемъ къ дебаркадеру, корпусная музыка встрѣтила насъ стрѣлковымъ маршемъ.

На дебаркадерѣ баталіонъ былъ встрѣченъ начальникомъ казаческой стрѣлковой бригады свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Гурчиннымъ, командиромъ баталіона подполковникомъ княземъ Барятинскимъ, поправившимся отъ контузіи, полученной имъ 13-го августа, родными и многими жителями Тифлиса.

По приказанію начальника бригады, баталіонъ построился развернутымъ фронтомъ за садомъ Муштаидъ, въ ожиданіи прибытія Его Высочества. Черезъ полчаса прибылъ Его Высочество. Громкимъ „ура!“ баталіонъ встрѣтилъ своего Августѣйшаго Шефа; „ура“ долго не умолкало, несмотря на знаки подаваемые Его Высочествомъ; каждый далъ полную волю восторгу при видѣ своего возлюбленнаго Шефа и Главнокомандующаго.

Поздоровавшись съ баталіономъ, Великій Князь милостиво поблагодарилъ стрѣлковъ за славную боевую службу, и, въ лестныхъ для насъ словахъ, изволилъ выразить свое удовольствіе видѣть баталіонъ возвратившимся въ Тифлисъ. Черезъ четверть часа изволила прибыть въ экипажѣ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня съ Августѣйшими Дѣтьми Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Михайловичами.

Его Высочество приказалъ капитану барону Зальца перестроить баталіонъ въ колонну справа, и, принявъ Самъ командованіе баталіономъ, провелъ его церемоніальнымъ маршемъ передъ Ея Высочествомъ. Затѣмъ, когда баталіонъ былъ остановленъ, Великій Князь, вызвавъ всѣхъ офицеровъ и георгіевскихъ кавалеровъ передъ строй, — вновь изволилъ выразить Свою благодарность за службу, причемъ многіе удостоились милостиваго вниманія и распросовъ Его Высочества. Также были вызваны раненые. Сколько сердечныхъ словъ, участія, вниманія, благодарности, сколько милостивыхъ привѣтствій произнесено было тутъ Его Высочествомъ. Онъ изволилъ спрашивать у георгіевскихъ кавалеровъ за что именно и когда данъ каждому изъ нихъ крестъ, а раненыхъ — о времени полученія раны, о ходѣ и послѣдствіяхъ ея.

Затѣмъ, по приказанію Его Высочества, для отнosa знамени во дворецъ, была составлена рота изъ георгіевскихъ кавалеровъ.

Баталіонъ отдалъ честь святынѣ, подъ которою въ теченіи почти годовой кампаніи, чины его безупречно честно исполнили данную ими присягу быть всегда и вездѣ вѣрными слугами на благо Царю и на пользу отечеству и непоколебимою храбростью доказали, что достойны тѣхъ предковъ — героев Анди, Дарго, Кюрюкъ-Дара и проч., которые заслужили и передали молодому поколѣнію георгіевское знамя — эту гордость 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Высочайше дарованныя баталіону награды: офицерскія штуты петлицы за отличія въ войну 1877-го и 1878-го годовъ и георгіевскіе серебряные рожки, съ надписью: „за штурмъ Карса 5-го — 6-го ноября 1877-го года“ (34) — лучшая оцѣнка боевой службы стрѣлковъ. Баталіонъ сталъ лагеремъ за Тифлисомъ, около сада Муштаидъ, гдѣ стоялъ до 18-го числа, когда переведенъ былъ въ свои казармы.

Въ три часа дня, офицерамъ и нижнимъ чинамъ былъ приготовленъ отъ города обѣдъ.

25-го числа, баронъ Зальца сдалъ командованіе баталіономъ подполковнику князю Барятинскому.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

КЪ ГЛАВЪ I-й.

(¹)—Баталіонъ выступилъ изъ г. Тифлиса и прибылъ въ г. Озургеты въ слѣдующемъ составѣ:

Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 18-ть, унтеръ-офицеровъ 107-мь, музыкантовъ 19-ть, рядовыхъ 739-ть, нестроевыхъ 76-ть.

Командиръ баталіона—подполковникъ князь Барятинскій, роты Его Высочества командиръ—штабъ-капитанъ Клименко, субалтернъ-офицеры—подпоручикъ Горонovichъ, прапорщики Преображенскій и Лонгиновъ, 2-й роты командиръ—поручикъ Мищенко-Анисимовъ, субалтернъ-офицеръ—прапорщикъ Убиновъ, 3-й роты командиръ—капитанъ Линдблатъ, субалтернъ-офицеры—подпоручикъ Сусловскій и прапорщикъ Габаевъ 2-й, 4-й роты командиръ—капитанъ Бейнардтъ, субалтернъ-офицеры—поручикъ Бавталовскій, подпоручикъ Алексѣевъ, прапорщикъ Купцовъ, за младшаго штабъ-офицера—капитанъ Геричъ, завѣдывающій хозяйствомъ—штабъ-капитанъ Кирпотинъ, баталіонный казначей—подпоручикъ Побыванецъ, адъютантъ—подпоручикъ Курочкинъ и квартирмейстеръ—прапорщикъ Габаевъ 1-й.

(²)—Ранены—унтеръ-офицеръ Маркъ Мищенко и рядовые Петръ Сущенко, Тарасъ Воронинъ, Михаилъ Поляничко, Дмитрій Сяуратовъ, Михаилъ Трегубовъ, Елеазаръ Воиновъ.

(³)—За отличіе оказанное въ дѣлѣ 13-го апрѣля получили знаки отличія военнаго ордена 4-й степени фельдфебеля: 2-й роты Степанъ Щербаковъ и 4-й роты Степанъ Груздовъ.

КЪ ГЛАВЪ II-й.

(⁴)—Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 16-ть, унтеръ-офицеровъ 102-ва, музыкантовъ 18-ть, рядовыхъ 732-ва.

(⁵)—Убиты—унтеръ-офицеръ Семенъ Черниковъ, рядовые Трифонъ

Сапожковъ, Сергѣй Серенко, Федотъ Дрокинъ, Семень Терехинъ, Софронъ Соколовъ; ранены—рядовые Федоръ Малыковъ, Кондратъ Солдцевъ, Дмитрій Бердниковъ, Спиридонъ Рѣхинъ, Демидъ Вышкварка, Терентій Ткаченко, Андрей Кузенко, Иванъ Ломоткинъ, Иванъ Козацкинскій, Василій Звѣрковъ, Филипъ Селезневъ, Евсѣй Гранкинъ, Василій Чайкинъ, Максимъ Колесниковъ, Дмитрій Яловенко, Василій Парьевъ, Петръ Ключниковъ, Алексѣй Хачидзе, Никита Жабинъ, Павелъ Горбачевъ, Иванъ Дубовъ, Филипъ Чуркинъ, Максимъ Куделинъ, Казиміръ Щепанякъ, Иванъ Епифановъ, унтеръ-офицеры Иванъ Князевъ, Яковъ Князевъ, Семень Клименко, Терентій Солякинъ, баталіонный горнистъ Сидоръ Бологовъ и контужены—унтеръ-офицеръ Тимофей Гуровъ и рядовые Петръ Орѣховъ, Назаръ Мачковъ, Алексѣй Землянскій, Петръ Рышава, Иванъ Петровъ, Макаръ Абраменко, Арсентій Демиденко и Прокофій Козловъ.

За отличіе въ этомъ дѣлѣ награждены слѣдующіе офицеры: Маіоръ Геричъ—орденомъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами, капитанъ Линдбладтъ—орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, поручикъ Побыванецъ, подпоручикъ Курочкинъ—орденами св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ, подпоручикъ Купцовъ—орденомъ св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“ и капитанъ Вейнардтъ—св. Станислава 2 ст. съ мечами.

(6)—Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени получили слѣдующіе нижніе чины:

Фельдфебель изъ запасныхъ Сергѣй Мирошниковъ, унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся Иванъ Ломоткинъ, унтеръ-офицеры Иванъ Пономаревъ, Григорій Никитинъ, Сергѣй Куркинъ, Семень Дудинъ, рядовые Евстафій Ковалевъ, Антипъ Зайцевъ, Александръ Красильниковъ, Трофимъ Ральскій, Яковъ Жилкинъ, Никита Мякушевъ, Иванъ Борщъ, Иванъ Евдокимовъ, Онуфрій Ткачевъ, Александръ Быбикъ, Матвѣй Цалка, Михайлъ Сергѣенко, Демьянъ Подопритора, Феногенъ Юменскій.

КЪ ГЛАВѢ III-й.

(7)—Штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 16-ть, унтеръ-офицеровъ 100, музыкантовъ 16-ть, рядовыхъ 673-ри.

(8)—Убиты—унтеръ-офицеры Кузьма Шингорева, Авксентій Дорофеева, рядовые Афавасій Шасва, Дормидонтъ Безуглова, Никита Мальченко, Митрофанъ Харьковскій, Ананій Грипенко, Григорій Юрвава, Михаилъ Курочкинъ, Никифоръ Осмининъ, Михаилъ Гуськовъ, Иванъ Карташевъ, Андрей Араповъ, Василій Батаева, Антонъ Рыбалкинъ, Семень Коротковъ, Гаврилъ Грибковъ, Захаръ Сагинъ, Филиппъ Кучеровъ, Илья Лащевъ, Тимофей Дудолодовъ, Андрей Федюнинъ, Кузьма Никулинъ, Никита Гуськовъ, Леонтій Морозовъ, Онисимъ Кривцовъ; ранены—портупей-юнкеръ Василій Дарскій, унтеръ-офицеры Степанъ Дерщиковъ, Андрей Тарасовъ, горнистъ Лазаръ Смольняковъ, рядовые Леонтій Морозовъ, Онисимъ Кравцовъ, Василій Воробьевъ, Сергѣй Пискаревъ, Никита Бондаренко, Демьянъ Бунеева, Иванъ Мещеряковъ, Эрнестъ Эйнгацерт, Яковъ Стружкинъ, Арсентій Скрипченко, Семень Котовецъ, Василій Панченко, Андрей Никулинъ, Григорій Шишкинъ, Дмитрій Панкратьевъ, Яковъ Ксенова, Никодимъ Никоненко, Несторъ Гармашовъ, Федоръ Терновой, Николай Жуликовъ, Наумъ Жеребетьевъ, Артамонъ Красильниковъ, Федоръ Бабкинъ, Гаврилъ Гончаровъ, Андрей Степановъ, Андрей Иванниковъ, Кузьма Межева, Мартынъ Торощинъ, Демьянъ Подопригора, Акимъ Пономаревъ, Яковъ Коваленко, Иванъ Романовъ, Степанъ Гнеушевъ, Арсентій Сорокинъ, Тимофей Скачекъ, Данило Еремченко, Иванъ Ковалькинъ, Тимофѣй Барсуковъ, Илья Соколовъ, Федоръ Веремьевъ, Павелъ Бучацкій, Яковъ Кучма, Артамонъ Давыдченко, Федоръ Дрождинъ, Моисѣй Головковъ, Федоръ Квиткинъ, Емельянъ Бѣловъ, Петръ Безсолова, Кузьма Межова и контужены—рядовые Иванъ Спиридоновъ, Артемій Бутенко.

(9)—Награждены за отличіе въ дѣлѣ 11-го и 12-го іюня 1877-го года: подпоручикъ Габаева 1-й орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщикъ Преображенскій

и Лонгиновъ — св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, капитанъ Бейнардтъ — св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.

Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени получили слѣдующіе нижніе чины:

Фельдфебеля Петръ Грызловъ, Федотъ Кониговъ, Петръ Новиковъ, Андрей Шульгинъ и Яковъ Корсуновъ; унтеръ-офицеры Терентій Соланиковъ, Яковъ Князевъ, Иванъ Князевъ, Василій Левитскій, Николай Бобакъ, Алексѣй Вахтинъ, Трофимъ Пугачевъ, Алексѣй Чернышевъ, Акимъ Пытовъ, Федоръ Глинкинъ, Семенъ Клименко, Андрей Тарасовъ и Григорій Угрюмъ, баталіонный горнистъ Сидоръ Бологовъ и рядовые Осипъ Дроздовъ, Иванъ Лобовъ, Семенъ Вичканюговъ, Михаилъ Калининъ, Федоръ Костиничъ, Игнатъ Сѣдовъ, Григорій Угрюмъ, Никита Курбатовъ, Клементій Мишенко, Григорій Дуронишкинъ, Семенъ Суторлинъ, Андрей Степановъ, Дмитрій Еловенко, Кузьма Межевъ, Никита Жабинъ, Иванъ Дубовъ, Дмитрій Бердинковъ, Мартынъ Торопчинъ, Андрей Гузенко, Василій Пивченко, Василій Чайкинъ, Филиппъ Чуркинъ, Махаилъ Поляничко, Василій Парывъ, Демидъ Вышкварка, Сергѣй Свѣтиковъ, Яковъ Китаевъ, Кузьма Бондаренко, Евсѣй Гранкинъ, Павель Бучацкій, Василій Скоторенко, Антонъ Удовиченко и Эрнестъ Эйнгадеръ.

КЪ ГЛАВЪ IV-й.

(10) — Штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 18-ть, унтеръ-офицеровъ 99-ть, музыкантовъ 16-ть и рядовыхъ 658-мъ.

(11) — За храбрость получили знаки отличія военнаго ордена слѣдующіе нижніе чины:

Рядовые Семенъ Суторкинъ 3-ей степени и 4-й степени Матвѣй Пономаревъ, Филиппъ Нужный, Павель Еременко, Иванъ Хорошильцынъ и Антонъ Полянекій.

(12) — Штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 18-ть, унтеръ-офицеровъ 96-ть, музыкантовъ 19-ть и рядовыхъ 665-ть.

(¹³)—Убиты—рядовые Сидоръ Комарцевъ, Григорій Порядокъ, Василій Гуляевъ, Пименъ Перцовъ, Василій Петровъ, Григорій Паршинъ, Петръ Щербаковъ, Федоръ Дерека, Феодосій Овсяковъ, Андрей Кондратьевъ, Прокофій Кравуля, Андрей Криваковъ и горнистъ Константинъ Рева; ранены—рядовые Павелъ Еременко, Михаилъ Макаровъ, Михаилъ Панковъ, Иванъ Фляга, Арсенгій Окшинъ, Емельянъ Бажовъ, Иванъ Дегтяревъ, Степанъ Кондратьевъ, Иванъ Василенко, Фирсъ Колесниковъ, Антонъ Полянский, Иванъ Калгинъ, Иванъ Сашковъ, Василій Даракъ, Владиміръ Смотровъ, Даниилъ Салинъ, Павелъ Ковалевъ, Фроль Сорокинъ, Яковъ Покатаевъ, Порфирій Скляръ, Андрей Савиновъ, Кузьма Щировъ, Михаилъ Сириковъ, Филиппъ Нужный, Трофимъ Ковалевъ, Иванъ Безсоновъ, Василій Шаповаловъ; фельдфебель Петръ Кругловъ и унтеръ-офицеры Иванъ Тимофьевъ и Калина Выборный.

За отличіе награждены:

Штабсъ-капитанъ Кирпотинъ—слѣдующимъ чиномъ и прапорщики Бахтияровъ и Кривенцовъ орденами св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.

Знаки отличія военнаго ордена получили слѣдующіе нижніе чины: 3-й степени рядовой Семень Ольховскій и 4-й степени—унтеръ-офицеры Ефимъ Чигринцевъ, Вячеславъ Рѣзуновъ, Михаилъ Глотовъ, Иванъ Золотаревъ, Филиппъ Мироненко, Андрей Богдановъ, Романъ Буковскій и Александръ Мухранскій и рядовые Дмитрій Гусевъ, Петръ Орѣховъ, Кондратъ Неборатченко, Яковъ Кутищевъ, Никита Рыбалкинъ, Дмитрій Скуратовъ, Яковъ Бузрукавый, Антонъ Скиба, Даниилъ Сердюковъ, Демидъ Радченко, Федоръ Араповъ, Федоръ Тюринъ, Петръ Михняцкій, Павелъ Древалъ, Дмитрій Афанасьевъ и Филиппъ Гончаровъ.

(¹⁴)—Баталіонъ, во время нахождения въ главныхъ силахъ дѣйствовавшаго корпуса, получилъ на укомплектованіе изъ запаснаго стрѣлковаго баталіона 123 стрѣлка, передъ дѣломъ 13-го августа 1877-го года, на позиціи у сел. Огузлы.

КЪ ГЛАВѢ V-й.

(15)—Оберъ-офицеровъ 2, унтеръ-офицеровъ 98-мь, музыкантовъ 15-ть и рядовыхъ 736-ть.

(16)—Убиты—унтеръ-офицеръ Калина Выборный, рядовые Иванъ Аржановъ, Григорій Бездѣткинъ, Иванъ Зенинъ, Никита Мочаловъ, Дмитрій Чикалинъ, Владиміръ Чупырь, Владиміръ Подзоровъ, Федоръ Костиничъ, Захаръ Кириченко, Яковъ Гончаровъ, Борисъ Кузнецовъ, Михаилъ Сергѣенко; ранены—унтеръ-офицеры Василій Мясинъ, Николай Малаговъ, Степанъ Игольченко, Михаилъ Глотовъ, Фирсъ Абакумовъ, Иванъ Бѣлогорцевъ и рядовые Кузьма Аршиновъ, Станиславъ Шимчакъ, Иванъ Мельниковъ, Кузьма Кузнецовъ, Карлъ Стимерикъ, Иванъ Индовицкій, Илья Гольченко, Иванъ Кубичекъ, Андриянъ Нестеровъ, Алексѣй Сѣрый, Петръ Бугаевъ, Акимъ Дудолодовъ, Яковъ Колпаковъ, Григорій Бузиковъ, Андрей Фоновъ, Хамидулла Хобидулинъ, Павелъ Грачевъ, Денисъ Новиковъ, Никита Панченко, Никита Жуковъ, Андрей Воронковъ, Семень Сотниковъ, Павелъ Дроваль, Матвѣй Липинъ, Федоръ Судейкинъ, Алексѣй Шевченко, Митрофанъ Винокуровъ, Павелъ Ляшенко, Василій Роспоповъ, Павелъ Шаршевъ, Андрей Шишкинъ, Елисей Кондратьевъ, Федоръ Макѣенко, Ефимъ Самойловъ, Дмитрій Петровъ, Никита Цугановъ, Федоръ Потаповъ, Иванъ Скоробогатко, Василій Усовъ, Александръ Бибикиъ, Захаръ Крикуновъ, Филипъ Зайка, Трофимъ Савельевъ, Павелъ Чужиковъ, Кузьма Бондаренко, Иванъ Брызгалинъ, Елисей Пигуковъ, Иванъ Комаровъ, Демьянъ Подопригора, Сергѣй Свѣтиковъ, Иванъ Спиридоновъ, Осипъ Ермоленко, Максимъ Старцевъ, Тимофей Лукашевъ и Михаилъ Коноплянскій.

(17)—За отличіе въ этихъ дѣлахъ награждены: штабсъ-капитанъ Побыванецъ—орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ и капитанъ Бейнардтъ—орденомъ св. Георгія 4-й ст. Награждены знаками отличія военнаго ордена слѣдующіе нижніе чины: 3-й степени—фельдфебеля Сергѣй Мирошниковъ и Петръ

Новиковъ и 4-й степени—унтеръ-офицеры Ивапъ Супрунъ, Иванъ Сергѣевъ, Степанъ Козьяковъ, Андрей Ролдугинъ, Родіонъ Китаевъ, Василій Лоскутовъ, Янъ Ромашченко, Дмитрій Бузинъ, Фирсъ Абакумовъ и рядовые Павелъ Мартыновъ, Степанъ Кривуля, Иванъ Быкановъ, Прокофій Подольскій, Максимъ Чернышевъ, Иванъ Батицкій, Елисей Пригарковъ, Сергѣй Свѣтиковъ, Иванъ Спиридоновъ, Семень Ефременко, Кузьма Головинъ, Маркъ Божко, Игнатъ Рясковъ, Максимъ Пшеничныхъ, Яковъ Кучьма, Алексѣй Землянскій, Кузьма Дорохинъ, Николай Незимовъ, Иванъ Черниковъ, Петръ Савченко, Семень Панченко, Сергѣй Поповъ, Петръ Страхалисъ, Федоръ Мещеряковъ, Елисей Кондратьевъ, Абрамъ Босиковъ, Тарасъ Шеляха, Тимофей Барсуковъ, Павелъ Никулинъ, Степанъ Карпенко.

(18)—Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 16-ть, унтеръ-офицеровъ 90, музыкантовъ 16-ть, рядовыхъ 677-мъ.

(19)—Убиты—фельдфебель Павелъ Рязановъ, унтеръ-офицеръ Алексѣй Вахтинъ, рядовые Василій Лебеденко, Николай Китаевъ, Кузьма Семиколѣновъ, Андрей Кузьминъ, Павелъ Трещевъ, Петръ Сергинъ, Кузьма Головинъ, ранены—унтеръ-офицеры Иванъ Супрунъ, Филиппъ Мироненко, Василій Шарудинъ, Родіонъ Китаевъ, Григорій Танковъ, Сергѣй Поповъ, рядовые Алексѣй Феногеновъ, Игнатъ Кацаренко, Дмитрій Фетиловъ, Петръ Супоня, Кондратъ Гвоздинъ, Иванъ Климовъ, Василій Мальцевъ, Василій Кузьминъ, Егоръ Зимаринъ, Андрей Бевинъ, Яковъ Чернолиховъ, Петръ Гелихъ, Петръ Плотниковъ, Антонъ Князевъ, Павелъ Бурковъ, Карлъ Ганскій, Андрей Звѣрковъ, Илья Маджара, Людвигъ Банскій, Федоръ Пузаковъ, Дмитрій Скуратовъ, Ефимъ Гребенкинъ, Александръ Ивашевъ, Семень Аксеновъ, Матвѣй Пономаревъ, Матвѣй Цалка, Дмитрій Лисицынъ, Иванъ Хорошильцевъ, Петръ Мясоѣдовъ, Василій Рѣшетниковъ, Федоръ Усачевъ, Максимъ Иценко, Тихонъ Удовидченко, Станиславъ Козловскій, Михаилъ Сорокинъ, Пимень Московенко, Иванъ Булимовъ, Иванъ Поликарповъ, Алексѣй Мѣняйловъ, Федоръ Пошехновъ, Федоръ Лаврищевъ,

Егоръ Коржевъ, Кузьма Щербининъ, Дмитрій Афонасьевъ, Федоръ Лаптевъ и Борисъ Логвиновъ.

(20)—За отличіе въ дѣлѣ награждены слѣдующіе офицеры:

Подпоручики Габаевъ 1-й и Латернеръ—орденами св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ, прапорщики Картвеловъ и Шмидтъ—св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“, подпоручикъ Алексѣевъ—ст. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ; произведены изъ вольноопредѣляющихся унтеръ-офицерскаго званія въ прапорщики: Богдановъ, Рѣзуновъ, Сергѣевъ, Левитскій.

(21)—Награждены знаками отличія военнаго ордена слѣдующіе нижніе чины:

Фельдфебеля Петръ Новиковъ и Сергѣй Мирошниковъ 2-й ст., Федоръ Щербаковъ, Петръ Грызловъ 3-й ст., Никита Мокроусовъ, Петръ Кругловъ 4-й ст.; унтеръ-офицеры Алексѣй Чернышевъ, Вячеславъ Рязуновъ, Трофимъ Пугачевъ 3-й ст.; 4-й ст. Трофимъ Шапошниковъ, Викторъ Симоновъ, Кузьма Тагаевъ, Антонъ Гришко, Ионъ Мухинъ, Сергѣй Поповъ, Яковъ Хориненко, Тимофей Хромыхъ, Василій Звѣздочетовъ; 3-й ст. рядовые Яковъ Живвинъ, Федоръ Тюринъ и Дмитрій Гусевъ и 4-й ст. Илья Поповъ, Терентій Ткаченко, Михаилъ Самакинъ, Порфирій Скляръ, Арсентій Скрипченко, Емельянъ Бажинъ, Яковъ Коваленко, Иванъ Скляровъ, Владиміръ Константиновичъ, Елеазаръ Воиновъ, Федоръ Даниловъ, Иванъ Карновъ, Иванъ Червякъ, Кузьма Золототрубовъ, Максимъ Сергѣевъ, Федоръ Перовъ, Никита Кузнецовъ, Алексѣй Шевченко, Лазарь Сюрдюковъ, Павелъ Лишенко, Николай Чернецовъ, Артемъ Шишаковъ, Емельянъ Гаршинъ, Степанъ Гавриленко, Антонъ Дерканосъ, Федоръ Усачевъ, Савелій Ивлевъ, Федоръ Бабкинъ, Авксентій Демиденко, Семень Ольховскій.

КЪ ГЛАВѢ VI-й.

(22)—Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 13-ть, унтеръ-офицеровъ 87-мь, музыкантовъ 16-ть, рядовыхъ 640.

(23)—Убиты—унтеръ-офицеры Денисъ Нахатенко, Тимофей Хромыхъ, Алексѣй Хаустовъ, Андрей Ролдугинъ, рядовые Василій Алексѣенко, Акимъ Пронинъ, Григорій Алешкинъ, Леонтій Рубанъ, Илья Быковъ, Дмитрій Гусевъ, Егоръ Прядченко, Петръ Савченко, Яковъ Кутищевъ, Иванъ Кимаровъ, Умеръ-Лейба Зельберштейнъ, Автомонъ Удовидченко, Иванъ Петровъ, Иванъ Рязановъ, Никифоръ Таможный, Трофимъ Куликовъ, Макарь Житный, Семень Орловъ, Антонъ Рудинъ, Киприанъ Курдюковъ, Дмитрій Петровъ, Павелъ Никулинъ, Степанъ Бутриновичъ, Андрей Калишкинъ, Семень Бышень, Прокофій Бокатовъ; ранены—унтеръ-офицеры Трофимъ Пугачевъ, Михаилъ Пушкарскій, Иванъ Ломоткинъ, Иванъ Сѣдыхъ, Михаилъ Перфильевъ, Григорій Никитинъ, Андрей Тарасовъ, Павелъ Поповъ, Прохоръ Павленко; горнисть Осипъ Присняковъ; рядовые Захаръ Алимовъ, Маркъ Бондарчукъ, Иванъ Высоцкій, Никаноръ Лысыхъ, Григорій Панченко, Семень Борщевскій, Николай Назимовъ, Емельянъ Гаршинъ, Михаилъ Гончаровъ, Андрей Колошко, Егоръ Ефимовъ, Василій Малаховъ, Прокофій Подольскій, Антонъ Мальцевъ, Андрей Алимовъ, Афанасій Куновъ, Петръ Гайдоровъ, Федоръ Бабкинъ, Иванъ Корольковъ, Петръ Безсоновъ, Александръ Гуриновъ, Матисъ Вайсбрутъ, Григорій Просѣтовъ, Казиміръ Якубовскій, Павелъ Строковъ, Никита Найдено, Елезаръ Войновъ, Никита Петрикинъ, Степанъ Кривуля, Трофимъ Вѣткинъ, Семень Вичканъ, Павелъ Чернуха, Игнатъ Рясковъ, Иванъ Ильинъ, Михаилъ Князевъ, Федоръ Лаптевъ, Никита Смирновъ, Кириллъ Зальвинъ, Никифоръ Козловъ, Кузьма Дорохинъ, Кузьма Золототрубовъ, Степанъ Иванниковъ, Макарь Сухобрусъ, Антонъ Малахинъ, Егоръ Колесовъ, Прокофій Суконцевъ, Дмитрій Костинъ, Василій Тюниковъ, Архипъ Гузенко, Иванъ Бурдыга, Иларіонъ Чередниченко, Морей Полянскій, Савелій Ивлевъ, Дмитрій Пѣлехинъ, Петръ Матвѣевъ, Семень Ольховскій, Митрофанъ Фирсовъ, Ефимъ Бардаковъ и Степанъ Ширяевъ.

(²⁴)—За отличіе въ дѣлѣ награждены слѣдующіе офицеры:

Капитанъ Линдбладтъ—орденомъ св. Георгія 4-й ст., прапорщики Преображенскій—св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“, Шмидтъ—св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ, капитанъ Бейнардтъ—чиномъ маіора, прапорщикъ Дарскій—св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ, поручикъ Побыванецъ—чиномъ штабсъ-капитана и подпоручикъ Курочкинъ—орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.

Награждены знаками отличія военнаго ордена слѣдующіе нижніе чины:

Фельдфебеля: Федоръ Щербаковъ, и Петръ Грызловъ, 2-й ст., Кузьма Грузовъ 3-й ст., Яковъ Ивановъ 4-й ст., унтеръ-офицеры Вячеславъ Рѣзуновъ 2-й ст., Гавріилъ Егоровъ, Андрей Тарасовъ, Сергій Куркинъ, Романъ Буковскій 3-й ст., Андрей Константиновъ, Иванъ Заходякинъ, Степанъ Басовъ, Степанъ Здѣсенко, Яковъ Ярошенко, Борисъ Кириловъ, Акимъ Торинъ, Максимъ Шишловъ, Петръ Котовъ, Павелъ Поповъ, Силантій Хованскій, баталіонный горнистъ Иванъ Дауборъ, ротный горнистъ Степанъ Рубанъ 4-й ст., рядовые Иванъ Червякъ, Никита Мякушевъ, Ануфрій Ткачевъ 3-й ст. и 4-й ст. Никаноръ Гранкинъ, Фирсъ Колесниковъ, Моисей Валаха, Дмитрій Харкевичъ, Михаилъ Хохловъ, Тихонъ Удовидченко, Матвій Линникъ, Петръ Дрозжинъ, Парамонъ Ишковъ, Лаврентій Аношинъ, Филиппъ Ильинъ, Петръ Безсоновъ, Андрей Дѣдовъ, Митрофанъ Пожидаевъ, Семень Проваторовъ, Кириллъ Зайвинъ, Петръ Гейзеровъ, Семень Борщовъ, Ивацъ Бурдинъ, Антонъ Малыхинъ.

КЪ ГЛАВЪ VII-й

(²⁵)—Оберъ-офицеровъ 14-ть, унтеръ-офицеровъ 75-ть, музыкантовъ 11-ть, рядовыхъ 558-мь.

(²⁶)—Убиты—унтеръ-офицеръ Дмитрій Труновъ, рядовые Никита Бондаренко, Трофимъ Погребный, Степанъ Пучковъ, Семень

Восковъ, Митрофанъ Фиринъ, Василій Лаптевъ; ранены—рядовые Семенъ Суторнинъ, Семенъ Солдатовъ, Никаноръ Гранкинъ, Иванъ Василенко, Фома Шабунинъ, Дементій Дементьевъ, Дмитрій Стрѣльцовъ, Ефимъ Шишковъ, Петръ Дрозжицъ, Иванъ Дубовъ, Лаврентій Аношинъ, Тимофей Ярковой, Игнатъ Беззубовъ, Акимъ Пономаревъ, и Петръ Набатчикъ.

(27)—Командовавшій баталіономъ капитанъ баронъ Зальца награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

КЪ ГЛАВЪ VIII-й.

(28)—Оберъ-офицеровъ 12-ть, унтеръ-офицеровъ 74-ре, музыкантовъ 11-ть, рядовыхъ 547-мь.

(29)—Ранены —унтеръ-офицеры Прокофій Черныхъ, Федоръ Перегудовъ, рядовые Семенъ Ефременко, Егоръ Котелковъ, Иванъ Хорошильцевъ и Григорій Бѣлыхъ.

(30)—Оберъ-офицеровъ 12-ть, унтеръ-офицеровъ 78-мь, музыкантовъ 12-ть, рядовыхъ 528-мь.

(31)—Убитъ—рядовой Иванъ Лагуновъ, ранены—унтеръ-офицеры Ефимъ Чигринцевъ, Дмитрій Бузинъ и рядовые Василій Коршуновъ и Викторъ Нартовъ.

КЪ ГЛАВЪ IX-й.

(32)—При возвращеніи баталіона въ Тифлисъ изъ ардаганскаго отряда, на станціи ноги-тфлисской желѣзной дороги Михайлово, присоединились къ нему ратники ополченія—въ числѣ 291-го человека.

(33)—Прибыль въ г. Тифлисъ 12-го марта 1878-го года, въ 11-ть часовъ утра, въ слѣдующемъ составѣ:

Оберъ-офицеровъ 15-ть, унтеръ-офицеровъ 68-мь, музыкантовъ 14-ть, рядовыхъ 773-ри.

(34)—Кромѣ того, нижеслѣдующіе гг. офицеры баталіона награждены за разновременныя дѣла въ 1877-мь и 1878-мь годахъ: капитанъ Линдбладтъ—чиномъ маіора, капитанъ Кирпо-

тинъ—орденомъ ст. Станислава 2-й степени съ мечами, штабсъ-капитанъ Побыванецъ—золотымъ оружіемъ, подпоручики Габаевъ 1-й и Латернеръ—чиномъ поручика, подпоручикъ Габаевъ 2-й—св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, подпоручикъ Купцовъ—св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, подпоручикъ Картвеловъ—св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщики Лонгиновъ и Дарскій—св. Анны 4-й степени съ надписью: „за храбрость“, прапорщикъ Шмидтъ—св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщики Левитскій и Сергѣевъ—св. Анны 4-й степени съ надписью: „за храбрость“, старшіе унтеръ-офицеры Константиновъ, Буковскій и младшій унтеръ-офицеръ Воскресенскій—чиномъ прапорщика.

Слѣдующіе нижніе чины награждены знаками отличія военнаго ордена: фельдфебеля Петръ Новиковъ, Федоръ Щербатовъ, Петръ Грызловъ,— всѣ три 1-й степени; Кузьма Груздовъ, унтеръ-офицеръ Иванъ Червакъ,—оба 2-й степени, унтеръ-офицеры Семень Дудинъ—2-й и 3-й степени, Андрей Тарасовъ—2-й степени, Ефимъ Чигринцевъ, Родіонъ Китаевъ, Павелъ Поповъ и Трофимъ Шапошниковъ,— всѣ четверо 3-й степени, Петръ Пономаревъ, Лукьянъ Покидинъ, Алексѣй Чибисовъ, Василій Полтавскій, Дмитрій Фроловъ, Онисимъ Скороходъ, Федоръ Левшинъ, Прохоръ Павленовъ, Василій Мясинъ, Михаилъ Перфиловъ, Андрей Варнаковъ, Моисей Аммосовъ и горнисть Осипъ Кучевскій,— всѣ 4-й степени; рядовые: Никита Мякушевъ—2-й степени, Степанъ Кривуля, Савелій Ивлевъ—оба 3-й степени; Тимофей Саушкинъ, Григорій Махаповъ, Яковъ Митренко, Никифоръ Кокинъ, Александръ Жердевъ, Филиппъ Филиппенко, Дементій Дементьевъ, Иванъ Комаровъ, Иванъ Булимовъ, Василій Коршуновъ, Дмитрій Панкратевъ, Павелъ Чижиковъ, Иванъ Василенко, Даниль Виноградовъ, Дмитрій Стрѣльцовъ, Яковъ Дымашевскій, Андрей Надарный, Иванъ Погребный, Демидъ Таможнякъ, Иванъ Рязанцевъ, Емельянъ Свѣтличный, Алексѣй Поповъ, Егоръ Неробѣевъ, Егоръ Шайкинъ, Кузьма Крижевъ, Федоръ Сте-

ганцовъ, Егоръ Настенко, Эдуардъ Майдель, Акимъ Пономаревъ, Тарасъ Воронинъ, Алексѣй Мѣняйловъ, Карль Стерикъ, Кузьма Дорохинъ,—всѣ 4-й степени; Емельянъ Гаршинъ—4-й и 3-й степени; Антонъ Мальцевъ, Дмитрій Полехинъ, Станиславъ Козловскій, Степанъ Дерщикъ, Михаилъ Князевъ, Алексѣй Хачидзе, Карль Навакъ, Ефимъ Самойловъ, Иванъ Остриковъ и Василій Панченко,—всѣ 4-й степени.

КЪ ГЛАВѢ IV-й.

(35)—Еще до прихода баталіона въ Ардаганъ, начали носиться слухи о враждебномъ намѣреніи турокъ вернуть свою потерянную славу рѣшительнымъ наступленіемъ на Ардаганъ. Подтверженіемъ этихъ слуховъ были распоряженія начальника отряда о передвиженіи всѣхъ лишнихъ тяжестей неимѣвшихъ прямого боевого назначенія—въ глубь нашей территоріи, по направленію къ Ахалкалакамъ. Началась необыкновенно оживленная дѣятельность въ Ардаганѣ: турецкія орудія увозились въ Александрополь и Тифлисъ, милліоны ружейныхъ снарядовъ сжигались, издавая при этомъ страшную трескотню и разстилая густыя тучи порохового дыма; стѣны знаменитаго „Рамазанъ-Табія“, отдѣльнаго форта, сильно укрѣпленнаго турками, но неимѣвшаго для насъ никакого стратегическаго значенія, были также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взорваны;—началось движеніе обозовъ временныхъ госпиталей, полеваго интендантства, почтоваго отдѣленія, военно-телеграфнаго парка и т. д., пока наконецъ не получилось слѣдующаго до насъ касавшагося приказанія: 27-го іюня, баталіону, въ составѣ войскъ ардаганскаго отряда, выступить налегкѣ, при однихъ только вьюкахъ; обозу же, вмѣстѣ съ остальными тяжестями, съ помощью обывательскихъ подводъ, направиться по дорогѣ въ Ахалкалаки, за 40 верстъ отъ Ардагана, въ сел. Зурзуна.

Такимъ образомъ, баталіонъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, нахо-

дился безъ обоза и только 2-го августа соединился съ нимъ уже въ составѣ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, на кюрюкъ-даринской позиціи. Во избѣжаніе круговаго пути, предстоявшаго обозу черезъ Ахалкалаки и Александрополь, начальникъ ардаганскаго отряда генераль-маіоръ Комаровъ нисколько незатруднился передвинуть его новымъ, совершенно невѣдомымъ въ то время, прямымъ путемъ, по сѣверовосточному берегу чалдырскаго озера, подъ прикрытіемъ 3-хъ казаковъ и баталіонныхъ фурштатовъ и нестроевыхъ, вооруженныхъ на это время остававшимися при обозѣ ружьями отъ убитыхъ стрѣлковъ. Съ нашимъ обозомъ слѣдовалъ также и обозъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ общимъ вѣдѣніемъ, исправлявшаго въ то время въ баталіонѣ должность завѣдывающаго хозяйствомъ, штабсъ-капитана Кирпотина. Новый небывалый примѣръ такого передвиженія обошелся весьма счастливо, и, обозы благополучно достигли кюрюкъ-даринской позиціи 2-го августа.

2007231731

